

Исидор Саввич Кацнельсон, Галина Ивановна Терехова

По неизведанным землям Эфиопии

<http://geography.su/books/item/f00/s00/z00000058/index.shtml>

«И.С. Кацнельсон, Г.И. Терехова. По неизведанным землям Эфиопии»: Наука; Москва; 1975

Аннотация

В книге на основании преимущественно вновь обнаруженных и неопубликованных документов рассказывается о необычной судьбе русского путешественника А. К. Булатовича; описываются три его экспедиции в юго-западные области Эфиопии, совершенные в 1896–1899 гг.

И.С. Кацнельсон, Г.И. Терехова

По неизведанным землям Эфиопии

Введение

Все, что было известно об Александре Ксаверьевиче Булатовиче еще несколько лет тому назад, помимо описания его первых двух путешествий, опубликованных в двух книгах, ограничивалось заметкой в несколько строк, помещенной во втором издании Большой Советской Энциклопедии. Однако в ней даже год смерти А. К. Булатовича указывался неверно – 1910. В специальных работах, посвященных деятельности русских путешественников и исследователей в Африке, не отмечалась основная заслуга А. К. Булатовича – что именно он был первопроходцем Каффы и вообще одним из первых европейцев, переступивших рубежи этой неведомой страны.

Только сейчас, когда начались поиски в архивах, постепенно вырисовывается облик этого человека поистине необычной судьбы – отважного и неутомимого путешественника, безоглядно храброго инициативного офицера, монаха-фанатика, имя которого порой месяцами не сходило со страниц газет. В грозные годы гражданской войны, всеми позабытый, он погиб от рук озверелых бандитов, обманутых в своих надеждах на поживу.

Настоящая книга – первая попытка проследить жизненный путь А. К. Булатовича. Отсюда все ее пробелы и возможные недостатки. Быть может, кое-что удастся еще дополнить. Ведь

поиски продолжаются. Среди архивных документов найдены докладные записки и рапорты А. К. Булатовича об его третьем путешествии по Эфиопии, о котором до сих пор имелись самые смутные сведения. Что касается четвертого путешествия, то о нем вообще ничего не было известно¹.

Розыски в архивах Ленинграда начал военный историк майор В. А. Борисов. Он поделился со мной собранным материалом. Отозвалась живущая ныне в Канаде сестра А. К. Булатовича Мария Ксаверьевна Орбелиани. В июне 1974 года ей исполнилось 100 лет.

Она прислала интересные воспоминания о брате. Некоторые сведения сообщил скончавшийся несколько лет тому назад в Москве С. А. Цветков, бывший в 1913–1914 годах секретарем А. К. Булатовича. Точную дату его смерти установил Г. Ф. Пугач – председатель Белопольского райотдела Общества охраны памятников природы и культуры. Могила А. К. Булатовича была найдена и приведена в порядок при активном содействии энтузиаста-краеведа из Сум Л. И. Ольховика. Всем названным лицам выражаю искреннюю признательность

Часть фотографий, иллюстрирующих книгу, публикуется впервые. Они взяты из фондов Музея Института этнографии Академии наук СССР и были сделаны в начале века русскими путешественниками, посетившими Эфиопию.

Москва, июль 1974 г.

И. С. Кацнельсон

* * *

26 сентября 1870 года² в книге полковой церкви 143-го Дорогобужского полка появилась запись в семье генерал-майора Ксаверия Викентьевича Булатовича родился сын Александр. Полк в то время стоял в Орле.

Отца мальчик не помнил он умер через три года после рождения сына. Мать часто рассказывала детям – сыну и двум дочерям – об отце. Ксаверий Викентьевич был потомственным дворянином Гродненской губернии, еще в молодости он поступил в полк и всю жизнь верой и правдой служил царю и отечеству. Иногда мать доставала и показывала детям отцовские ордена – Станислава, Владимира, Анны.

Генерал-майора похоронили там же, в Орле. Над его могилой прозвучал ружейный салют – 2-я Кавказская гренадерская дивизия отдавала последние почести своему командиру.

Молодая вдова с тремя детьми переехала в имение своей тетки Елизаветы Львовны Курис – в Луцыковку Марковской волости Лебединского уезда Харьковской губернии.

Евгения Андреевна Булатович происходила из рода Альбрандов. Ее дед торговец Луиз (Лев) Альбранд, уроженец французского города Амбрюн, в 1784 году на собственном корабле прибыл в Херсон, где и обосновался навсегда как иностранный негодант. Потом он женился и принял русское подданство. Семейные предания гласили, что к концу жизни Лев Альбранд разорился. Но тем не менее его многочисленное потомство не пошло по миру дети стали людьми вполне состоятельными. Отец Евгении Андреевны – Андрей Львович Альбранд, полковник инженерной службы, строил Военно-Грузинскую дорогу. Там же, на Кавказе, он и женился на грузинке Ольге Тулаевой, от которой имел троих детей. Однажды ночью произошла трагедия чеченцы ворвались в дом инженера, убили его самого и его жену. Сирот разобрали родственники. Евгению Андреевну – ей было тогда двенадцать лет – удочерила богатая тетка Елизавета Львовна Курис и увезла к себе в Луцыковку.

Это было обширное имение – около полутора тысяч десятин земли. Досталось оно Елизавете Львовне от мужа – Платона Ивановича Куриса, происходившего из богатой греческой семьи, обосновавшейся в начале XIX века в Одессе. В молодости Платон Иванович

¹ Полное издание этих архивных документов готовится к печати.

² Все даты приведены по старому стилю.

служил в Петербурге в гвардии. Он был превосходно образован, много путешествовал. В огромной библиотеке Евгения Андреевна нередко находила книги знаменитых просветителей с многочисленными пометками Платона Ивановича.

Впрочем, свободолобивый дух и материалистические идеи великих французских просветителей великолепно уживались в нем с привычками и ухватками помещика-крепостника. С женой своей Платон Иванович обращался далеко не безупречно. В один прекрасный день она сбежала из дома... Погоня настигла ее в Ромнах, в сорока километрах от Луцыковки. Беглянку вернули домой. Теперь Платон Иванович стал вести себя потише.

Луцыковское имение во всем отвечало вкусу хозяина. Деревянный дом по стилю напоминал дворец. Сад был разбит на французский манер прямые, как стрелы, аллеи, обсаженные многолетними цветущими кустами, пересекались строго под прямыми углами.

В этом доме и выросла Евгения Андреевна. Тетка, у которой не было детей и которой трудно приходилось со своенравным мужем, очень привязалась к племяннице и относилась к ней как к родной дочери. Потом она удачно выдала девушку замуж – полк К. В. Булатовича стоял тогда в соседнем Лебедине.

И вот всего через несколько лет Евгения Андреевна, теперь уже с тремя детьми, вновь переступила порог луцыковского дома. С того дня Луцыковка стала родным домом всех Булатовичей. Здесь Александр провел детские годы, сюда приезжал в юности и в зрелые годы. Тут и окончились его дни на пороге маленькой кельи в саду над оврагом нашли однажды крестьяне убитого монаха отца Антония...

Мальчику сразу же понравилась Луцыковка. Правда, старого дома, о котором много рассказывала мать, уже не было. После смерти мужа тетка перестроила его на свой лад. Новый дом, в отличие от прежнего, не поражал изысканностью архитектурных форм, но производил впечатление своими размерами. У него не было обычного для помещичьих домов фронтона с колоннадой, зато на крыше возвышался застекленный бельведер. Если туда забраться, то можно увидеть голубую ленту речки Сулы, выющуюся среди ольховых лесов и холмов, облепленных белыми хатами.

Главный подъезд дома был защищен выступавшей далеко вперед квадратной крышей, которая опиралась на деревянные колонны. Между колоннами тетка натянула несколько рядов проволоки и уверяла всех, что это эолова арфа дуновение ветра будто бы заставляло арфу звучать.

Добрая четверть громадного дома была отведена под зал и гостиную. Через весь дом тянулся широкий коридор, в который выходили двери комнат. Больше всего мальчика привлекал бывший кабинет Платона Ивановича. Там стояли книги, а на стене висел портрет хозяина, о котором до сих пор в доме говорили только понизив голос.

Мальчик, как и все мальчики на свете, любил военные игры. Он часто изображал раненого бойца, которого царь награждает орденом за отвагу и верность родине. Но еще больше любил Саша изображать самого царя, награждающего героя.

С ранних лет Саша прекрасно ездил верхом, причем ездил на больших и резвых конях. Взрослые дивились его смелости, настойчивости, выносливости. И вместе с тем каждый вечер, ложась спать, мальчик долго молился перед иконами, которыми была увешана стена над его кроватью.

В 1884 году, после смерти тетки, которая завещала имение племяннице, Евгения Андреевна с детьми переехала в Петербург. Пора было определять их в учебные заведения. Девочки поступили в Смольный институт. Но скоро семью опять постигло горе от брюшного тифа умерла старшая дочь.

Дом в Луцковке. Рис. М. К. Орбелиани

Александр шел тогда четырнадцатый год. Его приняли в подготовительные классы Александровского лицея – одного из наиболее привилегированных учебных заведений. Директором «маленького лицея», как называли подготовительное отделение, был сухой и педантичный немец – Александр Карлович Лемм. Независимый, волевой, прямой мальчик, привыкший к свободе и чутко откликавшийся на любую несправедливость, никак не укладывался в педагогические схемы Александра Карловича. Он решил переломить мальчика, для чего наиболее верным и действенным средством признавался карцер. Мать несколько раз приезжала на Петербургскую сторону, где был лицей. Она старалась переубедить упрямого немца и защитить сына. Это не производило на Александра Карловича никакого впечатления. «Большому кораблю – большое плавание», – почему-то твердил он и оставлял мальчика в карцере.

Но вот подошли вступительные экзамены в лицей. Александр сдал их успешно, и лишь на одном его чуть было не постигла неудача по географии ему едва удалось получить проходной балл.

В дальнейшем – вплоть до окончания лицея – Александр учился отлично, с наградами переходя из класса в класс. В лицее готовили дипломатов и высших государственных чиновников, поэтому воспитанники основательно изучали иностранные языки – французский, немецкий, английский, а также юридические науки. Таким образом, А. К. Булатович получил гуманитарное образование, что не помешало ему в дальнейшем проявить себя и хорошим математиком.

Своих способностей Александр даже как будто стеснялся. Иногда, как вспоминает его сестра Мария Ксаверьевна Орбелиани, чтобы снизить оценки на переходных экзаменах, он отвечал нарочно хуже или же накануне испытаний отправлялся на острова кататься верхом.

Весной 1891 года Александр в числе лучших учеников окончил лицей. 1 мая того же года он определяется на службу в «собственную его величества канцелярию по ведомству учреждений императрицы Марии», которое руководило учебными и благотворительными учреждениями. Ему был присвоен чин 9-го класса – то есть титулярного советника.

Но гражданская карьера не прельщала А. К. Булатовича, и, следуя семейной традиции, он

подает прошение о выдаче ему документов, а 28 мая 1891 года зачисляется рядовым на правах вольноопределяющегося в лейб-гвардии гусарский полк 2-й кавалерийской дивизии. Это был один из самых аристократических полков, доступ в который открывался лишь избранным. Служба здесь требовала немалых средств. Одно обмундирование чего стоило! Бобровый воротник на шинели, парадная высокая бобровая шапка, ташка, расшитая золотом, парадный белый ментик с бобровой опушкой...

Александр Ксаверьевич выбрал этот полк не из тщеславия – оно было ему чуждо. Но в этом полку отличился двоюродный брат матери – Лев Львович Альбранд. В одном из сражений за покорение Кавказа он потерял руку, но не ушел с поля боя. Портрет Льва Львовича висел в офицерском собрании, а о его храбрости в полку ходили легенды. Кроме того, дальний родственник по материнской линии Николай Костандиди был офицером этого полка уже в чинах.

Через год и три месяца – 16 августа 1892 года – А. К. Булатович получает первый офицерский чин – корнета. Еще через год он направляется в фехтовальную команду, сформированную при лейб-гвардии конно-гренадерском полку, с заданием стать инструктором фехтования. Здесь он пробыл полгода и 10 апреля 1894 года откомандировывается в свой полк, где его назначают сначала помощником заведующего, а затем – 24 декабря 1895 года – заведующим полковой учебной командой.

Вспоминая о том времени и о службе брата в лейб-гвардии гусарском полку, М. К. Орбелиани пишет «Как раз в эти годы Луцыковка не приносила прежних доходов. Хлеб был обесценен благодаря невыгодному для помещиков договору с Германией. Немцы откармливали своих свиней дешевым русским зерном. Чтобы облегчить материальное бремя матери, брат находит возможность кое-что зарабатывать, беря призы на скачках и на *soucsours hippiques*, конкурируя с такими известными наездниками, как улан Маркозов и казак Носович. Он предлагает матери сдать ему и его полковому товарищу имение в аренду под прогон лошадей возможного конного завода породистых верховых. Мать, опасаясь его молодости, отказалась. Возможно, что такое предприятие сделало бы его в дальнейшем более оседлым и изменило бы его судьбу. В первые годы своей службы в качестве офицера он всецело отдается своей полковой работе и усовершенствованию себя как кавалериста, а из вверенных ему солдат стремится создать будущих воинов, умеющих владеть оружием и готовых отдать, не колеблясь, жизнь за честь родины. Он был очень строг, но справедлив и любим подчиненными. В полку ему дали кличку – Мазепа. Он жил в небольшой прилично обставленной квартире в Царском Селе.

Однажды, возвращаясь домой на извозчике, он узнает про его горе лошадь – источник существования – пропала. Подъехав к дому, он, не задумываясь, выносит старую ценную картину и отдает ему... Извозчику удалось продать картину за двести рублей и купить другую лошадь.

Мы жили в Петербурге, и брат по воскресеньям посещал нас. Я не помню, чтобы он бывал на балах, в театре, на концерте. Когда у нас бывали вечеринки, он очень неохотно приводил товарищей, а сам с видом мученика стоял и следил за танцующими.

Были у него свои знакомые, где он любил бывать.

Командир полка князь Васильчиков большим умом не отличался, но очень был любим офицерами за свою искренность, доброжелательность и простоту в обращении... Княжна, которая, как говорили, очень нравилась брату, была неразговорчива, застенчива и скромна. Он часто посещал симпатичную семью Зиновьевых. Они были люди со средствами, но жили не на показ. Они любили видеть своих друзей в любое время без приглашения, и все чувствовали себя у них как дома. Завсегдатаем был в их доме полковник Сергей Молчанов, расположенный к брату. Он ему помогал при издании книги «С войсками Менелика II».

Александр Ксаверьевич обладал комическим талантом. Я хохотала до слез на спектакле в лицее, когда он играл роль дочери городничего в «Ревизоре» Гоголя.

Летом, когда кончались скачки в Красном Селе, он приезжал на короткое время в Луцыковку. Он был весел, остроумен, и мне было грустно, когда он нас покидал. Остался в памяти его отъезд в Киев верхом на серой арабской кобыле Медузе. Он участвовал тогда в конкурсе на быстроту пробега при сохранении свежести лошади...»

Хотя Александр Ксаверьевич учился в гражданском учебном заведении, он был отличным наездником – быть может, одним из лучших в то время. А это было нелегко русские кавалерийские и казачьи полки всегда славились первоклассными конниками. По словам тренера И. С. Гаташа, служившего в конюшне Булатовича, «для Александра Ксаверьевича не существовало лошади, которую он не смог бы укротить».

Так, в общем довольно размеренно, текла жизнь А. К. Булатовича – до тех пор, пока события, на первый взгляд, никакого отношения к нему не имевшие, резко изменили судьбу способного преуспевающего офицера, которого, безусловно, ожидала блестящая карьера.

Что же произошло? И отчего, следуя за Александром Ксаверьевичем Булатовичем, мы должны теперь покинуть и светский Петербург, и патриархальную Луцыковку и отправиться в Африку?

* * *

А. К. Булатович, 1892 г. (?)

В семидесятых годах минувшего века европейские державы – Англия, Франция,

Германия, Бельгия, Испания и Португалия – начинают ожесточенную борьбу за раздел Черного континента. В 1876 году они владели всего лишь десятой частью Африки, а на рубеже нового столетия в колонии было превращено девять десятых ее территории.

Независимость сохранили лишь Эфиопия и прилегавшие к ней с юга и юго-запада почти неисследованные области да некоторые труднодоступные районы центральной части континента.

Эфиопия издавна привлекала к себе взоры европейских колонизаторов. В этой богатой природными ресурсами стране скрещивались экономические, политические и военные интересы Англии, Франции и Италии. Обладание Эфиопией открыло бы для них путь к созданию огромных колониальных империй. Кроме того, колонизаторы не могли смириться с тем, что богатства Эфиопии – золото, кофе, слоновая кость, хлеб – достаются не им. В европейских кабинетах никто не сомневался, что дни независимой Эфиопии сочтены. Она находилась в плотном кольце колониальных владений Французского Сомали, Английского Сомали, Итальянского Сомали и Эритреи, Англо-Египетского Судана. Спорили только о том, кто же именно заставит покориться царя царей Эфиопии.

Италия полагала, что у нее больше, чем у Англии и Франции, прав на захват этой страны. Она считала себя обделенной, так как позже других приобщилась к дележу Африки, и завоевание Эфиопии, по мнению итальянских правящих кругов, только восстановило бы справедливость. Англия и Франция полагали иначе. Они не намерены были уступать Италии такой лакомый кусок. Вначале колонизаторы применили давние испытанные методы: они заключали сделки с феодальными князьями – расами, разжигали религиозную и племенную рознь, снабжали оружием и деньгами глав враждующих группировок, интриговали против своих европейских соперников.

Наибольшую активность проявляли Англия и Италия. Англия стремилась претворить в жизнь давно вынашиваемые планы – захватить области Центральной Африки, которые отделяли ее колонию Уганду от контролируемого ею Судана, и таким образом объединить свои владения и зоны влияния от Средиземного моря до мыса Доброй Надежды. Из Момбасы, от берега Индийского океана, предполагалось проложить железную дорогу мимо озер Виктория и Альберт до Хартума. Но на пути лежала Эфиопия, которая в этой дороге была отнюдь не заинтересована. Вот почему Англия, стремившаяся овладеть нужными ей для строительства дороги западными областями Эфиопии, не препятствовала агрессивным намерениям Италии, а даже поощряла их, стремясь заручиться ее поддержкой. Между этими странами были заключены закулисные грабительские сделки, согласно которым Италии доставалась значительная часть Эфиопии.

С самого начала девяностых годов, торгуявшись с Англией, Италия активизировала свою политику в Эфиопии, стремясь всеми силами установить над нею протекторат. Под предлогом научных изысканий туда посылаются разведывательные экспедиции. Обычно ими руководили офицеры действительной службы. Таковы были, например, обе экспедиции капитана артиллерии Витторио Боттего. Однако попытки Италии овладеть свободолюбивой страной завершились для нее самым неожиданным и позорным образом.

В местечке Уччиали 2 мая 1889 года (по новому стилю) между Италией и Эфиопией было заключено соглашение о торговле и дружбе. Этот договор вошел в историю под названием Уччиальского. Семнадцатый параграф его, согласно достигнутому при предварительных переговорах условиям, гласил, что негус Мене лик II в случае необходимости может при сношениях с другими державами прибегнуть к помощи Италии. Текст договора был составлен в двух вариантах – амхарском и итальянском. Но итальянский представитель граф Антонелли, который вел переговоры, в итальянском тексте слово «может» заменил на «согласен», что имело принципиально иной смысл и приводило к установлению столь желанного для империалистических кругов Италии фактического протектората над Эфиопией.

Когда через год с небольшим – в августе 1890 года – французы помогли Менелику обнаружить фальсификацию, он в письме к королю Италии Умберто настоятельно просил восстановить правильный текст. Всеми средствами – дозволенными и недозволенными – подкупами и интригами, уговорами и угрозами, посулами и убеждениями – итальянское правительство пыталось склонить негуса принять итальянскую редакцию семнадцатого

параграфа договора и, таким образом, закабалить его страну. Но негус остался непреклонным, прекрасно отдавая себе отчет, к каким последствиям приведет его уступчивость. Он предложил полностью исключить спорный параграф. Скрепленная печатью новая редакция договора была передана Антонелли. Получив документ и увидев, что все его усилия оказались тщетными, Антонелли пришел в ярость и в клочья разорвал договор. Естественно, после такого далеко не дипломатического поступка ему было предложено удалиться. Попытка овладеть Эфиопией «мирным путем» не удалась. Тогда Италия сбросила маску благожелательства. В июле 1894 года ее солдаты перешли границу Эфиопии и оккупировали Кассалу, положив этим начало итало-абиссинской войне. В Европе мало кто сомневался в ее исходе. Разве могут копья и стрелы противостоять пушкам и ружьям? Но 2 марта 1896 года (по новому стилю) все телеграфные агентства передали срочное сообщение эфиопские войска наголову разгромили итальянскую армию под Адуа. Победителям помимо множества пленных достались богатые трофеи, из которых самым ценным было оружие огромное количество винтовок и патронов, вся артиллерия с большим количеством снарядов и весь обоз.

26 октября 1896 года (по новому стилю) Италия подписала невиданный в истории колониальных захватов Африки мир она отказывалась от Уччиальского договора, безоговорочно признавала независимость Эфиопии, возвращала ей захваченную провинцию Тигре и обязывалась выплачивать контрибуцию.

Негусу Эфиопии Менелику II в то время было 50 лет. В водоворот политических событий он попал буквально с первых лет жизни. Его отец Хайле Малакот, негус Шоа – одной из самых крупных областей Эфиопии – был убит, когда мальчику едва исполнилось одиннадцать лет. Царствовавший тогда в Эфиопии император Феодор разгромил Шоа, а всех родственников бывшего негуса, в том числе и Менелика, увел в плен. Десять лет провел Менелик в плену, но ни на один день не забывал, что в нем течет кровь негуса. Он бежит из плена в соседнюю область Уолло. Сын правительницы Уолло находился у Феодора в заточении, и она, думая услужить ему и тем смягчить участь сына, приказывает заковать Менелика и собирается выдать его императору. В это время приходит известие, что сын ее казнен. Тогда мать решает отомстить за смерть сына. Она освобождает Менелика и, дав ему большой конвой, отправляет в Анкобер – столицу Шоа.

Правителем Шоа был ставленник Феодора Ато Безабе. Своей жестокостью и несправедливостью он восстановил против себя все население края. Поэтому жители Анкобера приняли Менелика с радостью, как законного наследника. Ато Безабе в то время в городе не было. Когда он вернулся, его взяли в плен, а все его солдаты перешли на сторону Менелика, который провозгласил себя негусом Шоа.

В течение всего царствования Феодора не прекращалась междоусобная борьба правителей областей. В 1868 году, осажденный войсками английского экспедиционного корпуса в крепости Магдала, Феодор застрелился.

После короткого междуцарствия на императорский престол взошел правитель Тигре дадьязмач Касса, который в 1872 году короновался под именем Иоанна IV.

Менелик отказался признать Иоанна IV, но бороться с ним даже Менелику было нелегко. Новый негус Эфиопии понимал, что слабость страны – в раздробленности и смутах. Единое государство, единая вера – вот о чем мечтал этот умный и проницательный правитель. Четыре области – Тигре, Годжам, Уолло и Шоа – должны составить единую империю, и четыре правителя должны подчиняться одному императору.

В 1881 году Иоанн IV идет на Анкобер, и Менелик смиряется. С камнем на шее в знак покорности приходит он в стан императора, Иоанн прощает его и назначает правителем Шоа. В том же году Иоанн коронует негусом Годжамским раса Адаля под именем Текле Хайманота.

Тигре, Годжам и Шоа были объединены. Однако Менелик организует заговор против императора, привлекает на свою сторону Текле Хайманота и заручается поддержкой итальянцев, которые как раз в это время очень заинтересовались Северо-Восточной Африкой.

Захваченные Италией территории на северо-восточном побережье Африки получили название Эритрейской колонии. Большая часть Эритреи представляла собой бесплодную пустыню, населенную кочевниками.

Император Иоанн считал, что у итальянцев нет никаких прав на африканские земли. Он

послал в Эритрею свои войска и при Догали уничтожил отряд итальянцев в пятьсот человек. Но это поражение только разожгло желание итальянцев продвинуться дальше за пески и каменистые горы. И новые отряды итальянцев прибывали в Эритрею.

Одновременно вели войну и дипломаты. Посланник Италии граф Антонелли – тогда он еще был в фаворе при дворе шоанского негуса – подбивал Менелика против Иоанна и потихоньку снабжал его оружием. В то же время восстал против эфиопского императора негус Годжама. Империя, сколоченная Иоанном IV, разваливалась. Иоанн отозвал свои войска из Эритреи и пошел в Годжам. Текле Хайманот смирился. Теперь настала очередь другого мятежника – Менелика. Но судьба второй раз вмешивается в расчеты противников Менелика. В это время с запада, из долины Белого Нила, в Эфиопию вторглись войска, посланные Махди, вождем народного восстания в Судане, которому удалось создать независимое государство, просуществовавшее несколько лет. Иоанн пошел против махдистов и 11 марта 1889 года погиб при осаде Метеммы.

Теперь путь к эфиопскому престолу для Менелика был открыт. Он провозгласил себя негусом негести – царем царей, разбил своего бывшего союзника Текле Хайманота и со свойственной ему энергией и целеустремленностью приступил к объединению страны. Сначала он покорил Харар, потом Уоллр...

Объединив земли Эфиопии, Менелик понял, что бывшие друзья и союзники – итальянцы – стали теперь его злейшими врагами. Менелик II, один из мудрейших и хитрейших правителей, известных в политической истории Эфиопии, отдавал себе отчет в том, что только сильная и хорошо вооруженная страна в силах отстоять свою независимость. А что он мог противопоставить штыку и пуле? Только копье да быстроту ног своих воинов. При таких условиях у Эфиопии, конечно, не было никаких шансов на победу. И Менелик обращается к Франции. Та, разумеется, готова пойти на сделку, в результате которой проиграет ее давний соперник в Африке – Италия. И вот в Эфиопию идут с берега Красного моря караваны верблюдов с французскими ружьями и патронами.

Победа под Адуа не только увенчала славой имя Менелика, но и во многом способствовала сплочению страны. Верными соратниками Менелика стали рас Меконнен, двоюродный брат императора, правитель Харара, отец нынешнего негуса Эфиопии Хайле Селаэсие I, рас Дарю, правитель Селалие. Это были умные политические деятели. Менелик не раз обращался к ним за советом и помощью. Поддерживали Менелика расы Вальде Георгис, Микаэль. Однако другие правители, такие, как правитель Тигре рас Менгаша, негус Годжама Текле Хайманот, негус Джиммы Аба-Джефар, только выжидали случая, чтобы выйти из-под власти Менелика и дать волю своим честолюбивым устремлениям. Империя держалась благодаря военной силе Менелика и его необыкновенному таланту политического деятеля.

Население страны было весьма разнородным по этническому составу. Здесь жили не связанные между собой ни религией, ни традициями тигре, тиграи, амхара, галла, сидамо, говорившие на разных языках.

Уровень общественного развития отдельных областей Эфиопии тоже не был однородным. Феодалные отношения господствовали в стране, но наряду с этим сохранялись пережитки общинно-родового строя, а во многих районах существовало рабство. Но в недрах феодального общества в результате проникновения иностранного капитала постепенно формировались зачатки новых отношений. Менелик поддерживал всякое начинание, которое могло принести стране пользу. Он приглашал европейцев на государственную службу, давал им деньги, чтобы они занимались торговлей, наделял их землей и рабочей силой. Для внешней торговли Менелик учредил таможенную, и его чиновники собирали налоги – 10 процентов стоимости провозимых товаров. Государственная казна пополнялась. Теперь Менелик мог уже строить дороги, склады, укреплять армию, посылать способных людей за границу учиться за государственный счет.

Менелик вел борьбу за единое национальное государство в исключительно сложной обстановке. Эфиопия была окружена кольцом колоний, внутренние враги объединились с внешними, население в своей массе было неграмотным, а иностранные чиновники и специалисты думали лишь о собственном обогащении.

Такова была обстановка в Эфиопии, когда события на Африканском континенте привели туда Александра Ксаверьевича Булатовича.

Как только в России было получено известие о разгроме итальянских войск под Адуа, в одной из петербургских газет появилась заметка: «В телеграмме «Российского телеграфного агентства» из Одессы от 20 февраля, совпавшей с получением известий о разгроме отряда генерала Баратьери, сообщается, что итальянская колония г. Одессы открыла подписку на пожертвования в пользу итальянского Красного Креста, действующего на театре войны против абиссинцев. Во вчерашней... телеграмме из Лондона говорится, что там «поражение, нанесенное абиссинцами итальянским войскам, признается всеми самым решительным поражением, которое варварский народ когда-либо в последние времена нанес европейцам». Позволительно... думать, что не варвары вторглись в пределы цивилизованного государства, а, наоборот, от цивилизаторов во что бы то ни стало варвары защищают свое отечество. Едва ли мы ошибемся, заявив, что варвары эти и образ их действий и победа... возбуждают искреннее сочувствие и участие в русских сердцах. Может быть, даже и наше Общество Красного Креста нашло бы возможным, следуя примеру итальянской колонии в Одессе, понести некоторые расходы по подаче помощи раненым абиссинцам».

5 марта 1896 года Российское общество Красного Креста уведомило Военного министра П. С. Банковского о том, что оно командировывает в Эфиопию санитарный отряд и ассигнует для этой цели сто тысяч рублей.

Решено было снарядить два отряда один для оказания помощи раненым и больным эфиопам, а второй для оказания помощи раненым и больным итальянцам. Первый отряд направлялся в Аддис-Абебу, второй – в Эритрею.

В Общество Красного Креста поступали денежные пожертвования, заявления от сестер милосердия, студентов-медиков, провизоров, врачей, профессоров с просьбой зачислить их в отряд, направляемый для оказания помощи раненым.

Подал ходатайство о включении в отряд и А. К. Булатович. 10 марта 1896 года его ходатайство было удовлетворено Николаем II, утвердившим состав и план снаряжения отрядов.

Сейчас трудно сказать, что толкнуло Булатовича на этот шаг. Один из его спутников, подпоручик Ф. Е. Криндач, утверждал, что «А. К. Булатович был прикомандирован к отряду по личной своей просьбе, как частное лицо».

А. К. Булатович тщательно готовился к поездке в Эфиопию. Профессор В. В. Болотов, историк древней церкви, человек огромных и глубоких знаний в своей области, владевший многими новыми и древними восточными языками, в том числе геэз и амхарским, 27 марта 1896 года писал матери: «...явился абиссинский иеродиакон Габра Крыгстос и сказал мне, что меня желает видеть гвардеец гусар Булатович, едущий в Абиссинию. Оказалось, с вопросом; какую бы грамматику и лексикон амхарского языка достать...» Успехи его были, очевидно, значительны, потому что через год, когда А. К. Булатович возвратился на родину, тот же В. В. Болотов другому адресату сообщал: «...в Петербурге в марте не было человека, который «амарынья» понимал бы лучше меня. Теперь лейб-гусар корнет А. К. Булатович, вернувшийся из Абиссинии, я говорю и немного пишет на этом языке».

Отряд во главе с начальником генерал-майором Н. К. Шведовым был готов к отъезду. Ждали только ответа итальянского правительства на просьбу министерства иностранных дел разрешить проезд русского санитарного отряда через итальянский порт на Красном море – Массауа. Наконец, К. Лобанов-Ростовский из министерства иностранных дел известил Управление Российского общества Красного Креста о том, что, «согласно сообщению посла нашего в Риме, королевским правительством предписано губернатору Эритреи оказать возможные облегчения при следовании нашего санитарного отряда через Массову к абиссинским войскам». 25 марта отряд отбыл из Петербурга в Одессу.

Тут надо вернуться назад и сказать о том, что эфиопские негусы давно и неоднократно пытались завязать с единоверной Россией дружеские сношения. Эфиопские монахи не раз приезжали в Москву с письмами негуса и за сбором пожертвований. Но для московских царей Эфиопия была такой далекой страной, что заинтересовать их ею было невозможно. Лишь Менелику II удалось это сделать. В 1885 году русский генеральный консул в Каире М. Хитрово направил в Петербург послание, в котором изложил свои взгляды на роль Эфиопии в давней англорусской борьбе на мировой арене и тем самым обратил внимание российского правительства на Эфиопию.

В 1889 году в Эфиопию отправился подпоручик В. Ф. Машков. Он был первым русским, посетившим столицу далекого африканского государства. В Энтото, тогдашней столице государства, он был принят Менеликом II. В Россию В. Ф. Машков привез письмо негуса Эфиопии Александру III: «Ныне мое царство окружено врагами Hanieii религии, мусульманами. Я хочу образовать царство, по добно вашему. Потому я ввожу в него ремесла, и все ремесленники, приезжавшие в Абиссинию, встречали у меня радушный прием. Я их расспрашивал об их ремеслах, и они всегда оставались довольными моим приемом. Равно я озабочивался установлением торговли между нами и Европою. Не только в Абиссинии и в Африке, но и в Европе война одного дня имеет следствием труды многих годов». Письмо, в котором Менелик просил оружия, заканчивалось словами: «...любовь, хранящаяся в наших сердцах, возрастет и откроется всему свету, что, надеюсь, и будет в ближайшем будущем».

В 1891 году В. Ф. Машков снова поехал в Африку. Теперь он вез Менелику письмо Александра III. В его задачу входило также установить, имеет ли Россия какие-либо политические и духовные интересы в Эфиопии и если да, то располагает ли она какими-либо средствами для их реализации. И снова Менелик пишет русскому царю: «Я жду от Европы помощи для развития страны и не хочу, чтобы говорили, что я дикий негр, беспричинно проливающий кровь европейцев». Только Россия может понять и поддержать его, Менелика. И прежде чем взяться за оружие, он просит царя «рассудить дело единолично или в согласии с другими государями Европы. Умоляю помочь нам или хотя бы дать совет, что мы должны делать, дабы избежать напрасного кровопролития, уже и так много веков истощающего нашу страну».

Менелик с нетерпением ждал ответа из России. Но Петербург пока медлил с установлением прямых дипломатических отношений.

В 1894 году в Эфиопию отправилась на частные средства научная экспедиция Географического общества под руководством А. В. Елисеева и Н. С. Леонтьева. В марте 1895 года экспедиция была принята Менеликом и привезла в Россию известие, что Менелик шлет в Петербург дипломатическую миссию. Менелик писал русскому царю, что единственное, к чему он стремится, это иметь в Европе благорасположенное к нему государство, которое могло бы давать беспристрастные советы и предупреждать о грозящих опасностях. И он обращается именно к русским, а не к французам. Их он опасается ведь Франция далеко не бескорыстно предлагает свою дружбу.

Менелик понимал, что из всех европейских держав только Россия заинтересована в существовании сильной и единой Эфиопии. Это независимое государство ограничивало свободу действий англичан в Африке и ослабляло их позиции на морских путях, ведущих в районы Суэца и красного моря. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 13 ноября 1896 года об этом писалось так: «Что нам Абиссиния? Зачем нужна она России?.. Вспомним только о том, какая важная роль предстоит нам в будущем в Азии, какою серьезною соперницей нашей является там Англия и как чувствительно для нее все, происходящее в Африке, где она, на случай предчувствуемых и грядущих потерь в Индии, торопится создать новую империю, стараясь объединить под своей властью конгломерат земель от Капа до Каира».

Посланцы Эфиопии, прибывшие в Россию в середине 1895 года, были окружены вниманием и заботой. Тем самым правительство России подчеркивало то значение, которое оно придавало установлению русско-эфиопских отношений. 4 июля царь решил наградить Менелика, раса Меконнена и всех членов эфиопской делегации высокими орденами и дорогими подарками, а в письме к Менелику он заверил негуса в своем сердечном расположении к эфиопскому народу.

Путь русского отряда в Эфиопию оказался более долгим, чем предполагалось. Итальянцы, несмотря на поражение при Адуа, не оставляли намерения закрепиться в Эфиопии. Они старались не допускать туда никаких представителей европейских держав, даже врачей.

Уже 26 марта министерство иностранных дел вынуждено запрашивать у Управления Красного Креста точные сведения о составе отряда, направляемого в Эфиопию, так как необходимо было дать ответ итальянскому правительству, которое утверждало, будто санитарный отряд состоит «приблизительно из сорока лиц (лекарей и сестер милосердия) и, кроме того, под прикрытием благотворительной цели, из четырех офицеров и двухсот солдат,

назначенных для вступления в ряды абиссинских войск».

Далее, итальянское правительство заявило, что оно не нуждается в русской помощи раненым. И, наконец, 28 марта поступает новая просьба итальянского правительства: «во избежание всяких осложнений» задержать отряд в Одессе. Но на это последовал весьма решительный ответ Главного управления Российского общества Красного Креста. Оно заявило, что «не считает себя вправе принять на свою ответственность исполнение просьбы итальянского правительства... такая приостановка движения отряда не имела бы достаточных оснований, ибо Абиссиния от санитарной помощи русского Красного Креста не отказалась...».

Вслед за этим, как и следовало ожидать, в ответ на просьбу пропустить русский отряд через Массауа из Рима пришел отказ.

Пока шел обмен телеграммами между, итальянским послом в Петербурге и итальянским правительством, санитарный отряд благополучно прибыл в Александрию. А здесь Шведова уже ожидала срочная телеграмма из Петербурга. Она предписывала изменить маршрут отряд должен был следовать не через Массауа, а через принадлежавший французам порт Джибути. Кроме того, медицинских сестер вернули в Россию, так как отряду предстоял трудный переход через пустыню, а рассчитывать на чью-либо помощь уже не приходилось.

Переезд по Красному морю от Александрии до Джибути был совершен на английском пароходе. И именно это обстоятельство ввело в заблуждение итальянский крейсер, который близ Джибути выслеживал французский пароход, на котором, как полагали итальянцы, прибывали в Эфиопию русские. Отряд благополучно высадился на берег 18 апреля 1896 года.

На берегу выстроилась местная полиция – черные люди в белых холщовых рубашках, в маленьких фуражках из холста без козырька с желтыми околышами. Этот конвой оказался бесполезным, так как все население города вышло на пристань. Полуобнаженная толпа обступила прибывших, громкими криками предлагая свои услуги.

Утром началось формирование каравана, но достать верблюдов оказалось не так-то просто.

После длительных расспросов выяснилось, что верблюдов забрали на войну, что в этом году здесь бескормица и засуха и племена сомали перекочевали со своими верблюдами в английскую зону, а англичане выставили по границе пикеты и следят, чтобы никто не перегонял верблюдов обратно.

Пришлось обратиться к французским властям. Верблюды все-таки нашлись, и через два дня багаж отряда был отправлен в Джильдессу – эфиопский пограничный город по дороге в Харар.

Основная же часть отряда вынуждена была остаться в Джибути. Нарочный, посланный французскими властями в Харар, принес неутешительное известие мулов в Хараре нет – они все взяты на войну, и вообще без разрешения высших властей в Энтото харарские власти не желают ничего предпринимать.

Что было делать? Ведь переписка с властями в Энтото, даже при благоприятном ее исходе, обрекала русский отряд на двухмесячное сидение в Джибути.

У русских был один выход послать в Харар своего курьера, который смог бы там, без сношения с Энтото, достать мулов. Выполнить столь трудное и полное опасностей поручение вызвался Александр Ксаверьевич Булатович.

Вся немногочисленная джибутийская колония была взволнована предстоящим событием. Высказывались самые разные соображения относительно исхода столь необычайного для европейца путешествия.

Булатовичу предстояло преодолеть триста семьдесят километров до Харара на почтовом верблюде. Незнание языка и местных условий, непривычный для европейца способ передвижения, резкая перемена климата – все это давало поводы для сомнений в благополучном исходе путешествия.

21 апреля предложение Булатовича было окончательно принято. В тот же день вечером он должен был присоединиться к двум почтовым курьерам, отправлявшимся в Харар. Времени на подготовку не было. Ему удалось лишь собрать кое-какие сведения о пути и поупражняться в езде на верблюде.

На трех верблюдах погрузили самое необходимое запасы еды, которые давали

возможность лишь поддерживать силы в течение короткого срока, один мех воды, оружие, одежду. Даже малейшая задержка в пути могла стать роковой, так как местность, по которой предстояло ехать Александру Ксавьеревичу, не была населена.

Почтовые курьеры обычно отправлялись в дорогу вечером, чтобы до восхода солнца, пока не так жарко, проехать как можно больше.

Было уже совсем темно – ночи стояли безлунные, – когда к крыльцу подвели верблюдов. В знак уважения к первому европейцу, решившему соперничать с профессиональными курьерами, верблюд, на котором ехал Булатович, был украшен, а седло покрыто куском трехцветной материи.

Езда на верблюде утомительна и неприятна. Двойная качка – вперед-назад и из стороны в сторону – подобна качке на море. Уже часа через два к горлу начинает подступать тошнота...

От Джибути до Баяде, на протяжении пятидесяти километров, французы проложили дорогу. Впрочем, все ее устройство заключалось в том, что были убраны камни да засыпаны рытвины. Дорога все время идет вверх, на горизонте вырастают горные вершины. Очертания гор причудливы, фантастичны, а вокруг – унылая, мертвая пустыня. Солнце сожгло все живое, и пейзаж окрашен лишь в два тона – желтый и черно-коричневый. Вот между камней пригнулась к самой земле мимоза. Ее серые ветви без листьев сплошь усеяны колючками.

Около восьми утра показался Баяде. Это глубокое ущелье, на дне которого среди скал стоит французская караулка с трехцветным флагом. Когда-то здесь проходила граница влияния французов, но теперь граница эта – по крайней мере на карте – отодвинута на запад. И караулка с двумя сторожами бесполезна. Но в ней можно укрыться от зноя.

Через полтора часа снова тронулись в путь. Хорошо бы к ночи добраться до Дагаго – и тоща большая часть пути была бы позади. Но продвигаться вперед все труднее и труднее – солнце даже сквозь зонтик обжигает лицо, руки. Верблюды тоже изнемогают от жары...

Едущий сзади проводник Сайд все время почему-то отстает, а затем и вовсе исчезает из виду. Приходится остановиться, но ожидание напрасно Сайд не появляется. Араб Гай озабоченно качает головой: «Сайд – нет. Сайд – в Судан».

Сайд, конечно же, знает в этой пустыне все дороги и вполне может уйти. Без него продвижение вперед невозможно, так как на его верблюде навьючена провизия, да к тому же у Сайда все деньги.

Булатович поворачивает верблюда назад и, позабыв об усталости, гонит его рысью.

Минут через десять он видит вдали Сайда, который бредет навстречу, таща за собой верблюда. Оказалось, что верблюд, не выдержав рыси, лег на дороге. Пришлось всем перейти на шаг. Добраться к ночи до Дагаго не осталось никакой надежды.

Остановились в урочище Аджин. Проводники наполнили меха водой. Развести огонь они не позволили оказывается, сюда нередко забредают кочевники-сомали, которые не гнушаются грабежей и убийств. Пришлось обойтись глотком нагретого на солнце коньяка и разведенным в сырой воде какао.

Солнце уже зашло, стало прохладнее. И снова в путь. Снова непроглядная тьма ночи, в которой непонятно как проводники отыскивают дорогу.

Утром глазу опять предстала ровная, бесконечная терраса, на которой возвышались высокие и узкие, как минареты, термитники. Зной стал еще нестерпимее – море было уже далеко, а горы еще недостаточно высоки.

В четыре часа дня, после ста верст пути, проделанных за двадцать часов без единой остановки, Булатович и его спутники прибыли в урочище Дагаго.

С трудам слез Булатович с верблюда, снял с него седло и вьюк – и в изнеможении повалился на землю. Минут через десять, собрав всю свою волю, он заставил себя подняться, развел огонь и приготовил какао с коньяком. Силы постепенно возвратились к нему.

Через два часа начался следующий переход. Теперь горы стали выше, а пейзаж разнообразнее и интереснее. Птицы – цесарки, куропатки, дрофы – вылетают прямо из-под ног верблюдов. В зеленых зарослях мелькают разноцветные попугаи и колибри, а в небе неподвижно парят белоснежные соколы. Иногда попадаются стада антилоп, диких кабанов или зебр. С отрывистым лаем прыгают с дерева на дерево лохматые павианы.

Вскоре стали попадаться круглые, крытые соломой хижины, окруженные плетнем из

колючих веток мимозы.

Вечером, когда солнце уже скрылось за перевалом, подъехали к Джильдессе. Джильдесса – ворота Эфиопии. Здесь сходятся караванные пути, ведущие от побережья. Тут расположен гарнизон, есть и таможня, где взимаются чрезвычайно высокие пошлины на ввозимые и вывозимые товары. Пограничной стражи, однако, нет, да она и не нужна местный обычай более надежен, чем правительственный указ. Право перевоза товаров принадлежит племени, по земле которого проходит караванная дорога. Поэтому караваны сомалийских верблюдов из Джибути могут идти только до Джильдессы, где поклажа непременно должна перегружаться на галасских верблюдов, идущих до Харара.

В Джильдессе пришлось остаться до утра, так как главное должностное лицо в городе, Ато Марша, предупредил Булатовича, что его могут не пустить в Харар, пока там не будет известно о цели его путешествия. Ато Марша уже послал в Харар курьера. Ато Марша – высокий плотный человек со светлой кожей и черными остриженными под гребенку волосами – принял русского путешественника очень радушно.

По знаку хозяина слуги внесли угощение – курицу в перцовом соусе, энджеру – плоские и тонкие, как блины, лепешки, тэдж – хмельной напиток, напоминавший русскую медовуху. Ужин затянулся до ночи. Потом Ато Марша объявил, что свой дом на ночь предоставляет гостям – таков местный обычай, а сам ушел ночевать к кому-то из соседей.

В половине третьего начали седлать верблюдов, которые злобно ревели. Простившись с хозяином, Булатович с проводником выехал в Харар. Это был последний переход, и он оказался, вопреки всем ожиданиям, очень трудным.

Небо уже стало светлеть, но гору, на которую предстояло подняться путникам, обволакивала густая пелена тумана. Дорога шла круто вверх по самому краю обрыва. Через полчаса пошел дождь. С большим трудом дошли до перевала и начали спускаться. Верблюды оступались на скользкой троне и падали, пока вообще не скатились вместе с всадниками в глубокий овраг. Их ноги были изранены камнями. Подняться вверх на тропинку не было никакой возможности. Пришлось идти по оврагу по колено в воде. Дождь не переставал. Так продолжалось до самого Харара. Лишь на подъезде к городу ливень прекратился и выглянуло солнце.

На высоком холме раскинулся Харар – один из самых крупных и важных городов Эфиопии.

Стража опросила путников. Ворота распахнулись, и всадники въехали в город.

Итак, пробег совершен. Ни один европеец до сих пор не решался в сопровождении всего лишь двух проводников ехать по местности, где вдоль караванной дороги тянулся длинный ряд могил европейцев, погибших от рук кочевников. Путь от Джибути до Харара проделан за девяносто часов – на шесть-восемнадцать часов быстрее, чем это удавалось профессиональным курьерам.

Скоро к дому, где расположились приезжие, подъехал конвой, присланный правителем города – геразмачем Банти. Булатович, в своей блестящей офицерской форме, направился к дому геразмача. Теперь предстояло не менее ответственное дело, чем пробег из Джибути до Харара, – переговоры с правителем города. Этого человека, нерешительного и далекого от политики, надо было склонить к самостоятельному решению помочь русскому отряду. Только это могло оправдать весь тот риск, на который пошел Булатович, решившись отправиться в Харар.

На переговоры ушло четыре дня. На все доводы русского офицера геразмач Банти отвечал: «Я написал в Энто и жду ответа». В конце концов Булатович прибег к угрозе русский отряд немедленно возвращается в Россию, если ему сейчас же не будут выделены мулы. Угроза подействовала. Мулы были собраны и отправлены в Джильдессу.

Теперь прибытие русского отряда в Харар ожидалось со дня на день. Можно было передохнуть, посмотреть город.

За час или два до восхода солнца размеренные удары церковных колоколов будят спящий город. В церкви начинается служба. В полумраке храма толпа молящихся окружает алтарь. Слышно пение священников, видны их белые фигуры, раскачивающиеся в ритуальном танце под аккомпанемент барабана и цимбал. Стены церкви чисто выбелены и увешаны иконами –

без рам, без киотов. На паперти, совсем как на Руси, толпятся нищие, калеки, жалобно выпрашивающие подаяние, полуголые галасские плакальщицы, терпеливо ожидающие найма.

Узкие улочки как лабиринт его ним можно ходить бесконечно, незаметно переходя из одной в другую. Вот большой добротный дом – это старый дворец раса Меконнена, правителя Харара. Сейчас его – нет в городе, он – как почти всю свою жизнь – в военном походе или при дворе. В этом же доме размещаются все правительственные учреждения Харара.

Над воротами – лепной герб Эфиопии два лежащих льва. На перекладине ворот в беспорядке прибито штук восемь высохших слоновых хвостов и хоботов. Из дворца за небольшую плату выводят на показ льва раса Меконнена. Лев совсем молодой, он сердито озирается и рычит на толпу.

Снова узкая улочка – она выводит в самый центр харарской жизни – на базар. Огромная площадь, окруженная лавчонками, навесами, запружена народом. Прямо на земле, поджав ноги, сидят женщины в кожаных юбках, руки и ноги их украшены огромными оловянными браслетами. Тут же разложены товары – ярко-желтые лимоны величиной с детскую голову, табак в корзиночках, бананы, перец, куски полотна.

На самом высоком холме города строится новый дворец раса Меконнена. Он квадратной формы, с огромными окнами. На плоской крыше – несколько башенок со статуями фигуры в зеленых и синих мундирах держат в руках сабли и ружья. Харарцы окрестили эти фигуры именами итальянских генералов, разбитых недавно при Адуа. Внутри дворца – множество каморок, коридорчиков. Видно, что дворец строится без плана, как попало. Но зато основательно арки в переднем зале могли бы с успехом поддерживать мост. Мастера-индийцы расписывают стены пестрыми восточными фресками. С крыши дворца открывается чудесный вид на горы, кофейные рощи и банановые сады.

Под вечер усталость свинцом налила ноги. Булатович зашел в кофейню. Владелец ее, бойкий грек Саркиз, вынес европейцу маленькую чашечку чудного харарского кофе с мягким белым хлебом. Саркиз без умолку болтал на ломаном французском языке – видно было, что он несказанно рад новому лицу, ведь европейская колония в Хараре невелика – два десятка купцов да два-три агента торговых фирм.

Булатович не долго оставался в Хараре. Вскоре в город прибыл русский отряд Красного Креста, и через несколько дней все было готово к выступлению в Энтото. Но перед самым отъездом Н. К. Шведова пригласил геразмач Банти и сообщил, что из Энтото получено распоряжение задержать русских в Хараре.

И снова А. К. Булатович собирается в дорогу. Он Должен как можно скорее прибыть в Энтото и добиться У негуса отмены этого приказа. На сей раз предстоял еще более длинный путь – 700 километров – через Данакильскую пустыню...

Остались позади леса, окружавшие Харар, началась степь. Дорога спускается в глубокую долину. Там шумит и бурлит дикий Аваш. Мулы переходят его осторожно – долго выбирают место, куда бы можно было поставить ногу. Потом снова подъем. Трава становится ниже, исчезают банановые рощи – их сменяет колючая мимоза.

В Бальчи – небольшом селении у дороги – остановились на отдых. Здесь есть монастырь. Посреди двора – круглая церковь. В полумраке церкви – ее маленькие окошечки прикрыты ставнями – Булатович увидел алтарь, весь увешанный иконами – так же как и в Хараре, иконы тесно лепились друг к другу в полном беспорядке. Узнав, что московский гость осматривает храм, вышел старик священник с худым бритым лицом и коротко остриженными волосами. Слабым голосом он произнес благословение и охотно стал показывать иконы.

Пониже икон – картины. Священник поясняет, что всадник под двумя зонтиками, едущий по желтому песку пустыни, – это император Менелик, а сзади него – императрица Таиту. В углу картины – два квадрата. В одном слон, пронзенный копьем, в другом – сраженный лев. Это запечатлены охотничьи подвиги негуса.

По дороге в Энтото не обошлось без происшествия, и притом неприятного. О нем не упоминает Александр Ксаверьевич в своих книгах, умалчивают об этом пока и архивы. Лишь со слов Николая Степановича Леонтьева мы знаем, что на Булатовича и его спутников напали кочевники-данакильцы и отобрали у них все вещи и мулов, оставив их среди пустыни без всяких средств передвижения и воды.

Н. С. Леонтьев – отставной поручик лейб-гвардии уланского полка – фигура чрезвычайно колоритная. Авантюрист международного класса, заинтересованный – лишь в личном обогащении, он был не лишен энергии, предприимчивости и способностей. Именно в силу этих качеств Леонтьев организовал на свои средства экспедицию в Эфиопию и во многом способствовал установлению дипломатических отношений между ней и Россией. Затем он поступил на службу к Менелику, был назначен правителем Экваториальной провинции и возведен в сан дадьязмача. На этом посту Леонтьев повел себя таким образом, что негус расстался с ним без всякого огорчения и даже намекнул на необязательность его появления в Эфиопии. Умер Леонтьев в 1910 году в Париже.

Вершина Энтото Собрание А. И. Кохановского (1913 г.)

31 мая 1896 года Леонтьев со своими людьми по делам выехал из столицы в Харар и через три дня – 2 июня – около 11 часов утра натолкнулся на терпевших бедствие Булатовича и его спутников. Вероятно, это была первая встреча русских путешественников в Африке. Нужно отдать должное Леонтьеву он щедро снабдил соотечественника всем необходимым для продолжения пути и, кроме того, дал рекомендательные письма к проживавшим в Энтото французам Клошету и Мондону-Видаيه.

...И снова дорога по голой однообразной степи. Наконец, на горизонте показались горы. Проводники оживились и закричали: «Энтото! Энтото!»

Но в Энтото ли сейчас негус или в своей новой резиденции – Аддис-Абебе, где он пребывает в последнее время все дольше и чаще? Объединив страну, Менелик решил перенести свою резиденцию из Анкобера в район возвышенности Энтото, где некогда, как гласило предание, находилась столица императора Лебпе Дангеля, правившего в начале XVI века. Однако здесь давала себя чувствовать высота – 2800 метров над уровнем моря, не хватало воды, отсутствовали леса. Словом, место для столицы было выбрано неудачно, и Менелик это скоро понял.

Тогда он вместе со своим двором обосновался несколько ниже на склонах Энтото, вблизи

источников Филвоха. По желанию супруги негуса, императрицы Таиту, новая столица в 1887 году была названа Аддис-Абебой – «Новым цветком». Некоторое время и Аддис-Абеба и Энтото, отдаленные друг от друга несколькими километрами, считались резиденциями императора, пока к 1890 году он не покинул Энтото окончательно.

Сколько Булатович не всматривался – не заметно никаких признаков большого города. Но вот часа через три две большие горы расступились – и в чаше, окруженной со всех сторон отвесными горами, показалась Аддис-Абеба.

Дорога, пыльная и широкая, вела всадников мимо круглых глинобитных хижин вверх, на холм, где за белой круглой стеной высился дворец негуса – Гиби.

Менелик, узнав о прибытии русского курьера, не стал откладывать аудиенцию. Булатович получил приглашение в Гиби.

Его проводили в большой круглый зал дворца. Крытую соломой высокую крышу подпирали кипарисовые столбы. В зале царил полумрак. В глубине, в громадной нише, под шелковым балдахином с крестом наверху на троне сидел негус, со всех сторон обложенный подушками. Булатович увидел только его лицо – широкое, добродушное, опущенное черной бородкой, и черные руки, положенные на подушки.

Аудиенция началась.

Пока окончательно не выяснено, чем было вызвано распоряжение негуса задержать русский отряд в Хараре. Ни в одном из писем и донесений Булатовича нет описания этой аудиенции. Известно только, что после переговоров русский санитарный отряд получил разрешение идти в столицу. В докладной записке, составленной по донесениям из Эфиопии председателем Российского общества Красного Креста генерал-адъютантом М. П. Кауфманом, так объясняется первоначальная холодность негуса: «Как оказалось, абиссинцы, привыкшие к тому, что европейцы являются в Абиссинию, преследуя главным образом личные выгоды, не могли понять бескорыстного назначения отряда, потому некоторые расы были против прибытия нашего отряда в Энтото. Разъяснения Булатовича не только убедили негуса поспешить с разрешением, но даже вызвали с его стороны нетерпение к скорейшему прибытию отряда». А в донесении главы русского отряда, отправленном в Петербург 3 августа, содержатся еще некоторые, небезынтересные детали: «Причиной задержки было незнание с идеей Красного Креста и непонимание цели, с какой идут русские в Энтото. Полагая же, что раз мы русские, то нас следует принять хорошо, а в период дождей в Аддис-Абебе мало войск, император боялся, с одной стороны, что, так сказать, посольство из России останется недовольно встречей, а с другой – его величество признавал решительно невозможным для нас путь во время дождей по столь трудной дороге».

Русский отряд, окруженный теперь заботой самого императора, быстро, без задержек, продвигался к Аддис-Абебе. А Булатович получил возможность познакомиться с новой столицей.

Собственно, города пока нет – нет улиц, домов, есть хижины вокруг дворца, соединенные тропинками, да круглые церкви со звездами из страусовых яиц вместо крестов. И жизнь здесь не похожа на столичную – она уныла, однообразна.

Менелик II. Собрание А. И. Кохановского (1913 г.)

Булатович вышел на улицу часов в десять – солнце уже высоко поднялось, только что закончилась церковная служба, и вельможи верхом на мулах, а бедные пешком направлялись к своим хижинам или к базару. Улицы были тихие и сонные. Лишь у одной хижины толпились люди и что-то оживленно обсуждали. Оказалось, у хозяина хижины украли ружья, и сейчас начнется расследование. Вскоре показалась процессия, во главе которой шел мальчик лет тринадцати. Его ввели в хижину, откуда исчезли ружья, и дали выпить какого-то, видимо наркотического, напитка. Уже через минуту мальчик впал в полубессознательное состояние – его глаза стали пусты и неподвижны. Как сомнамбула, он двинулся вперед, а толпа не отставала от него ни на шаг. Как выяснилось потом, этот мальчик – «либечай» должен был идти прямо во двор вора и лечь на его постель. Но вера во всемогущество либечая была так велика, что не успел мальчик пройти нескольких метров, как раздались крики – оказалось, ружья подброшены к забору. Разочарованная толпа начала расходиться, и снова вокруг стало тихо, безлюдно. В полдень вся Аддис-Абеба спит. К вечеру город просыпается для того, чтобы очень скоро, едва только солнце спустится за фиолетовые горы, заснуть вновь. Ночью полицейские, одетые в синие итальянские плащи, с ружьями и палками, бродят между хижин и по повелению негуса забирают всех, кто осмелился выйти на улицу после захода солнца.

26 июля русский отряд Красного Креста прибыл в Аддис-Абебу.

Негус Менелик, все время следивший за продвижением русских из Харара в Аддис-Абебу, распорядился о том, чтобы встреча была самой торжественной. При въезде в столицу выстроились войска императора. Впереди, в окружении офицеров, на которых по случаю особого торжества были надеты накидки из лвиных шкур, стояли расы. Его

высочество Хайле Мариам, двоюродный брат императора, возглавил шествие. Еще никогда и яркому царь царей не оказывал такой чести. Русский отряд прибыл прямо во дворец. Торжественная аудиенция длилась более часа. Менелик был любезен, радушен, благодарил русских за помощь. Все придворные были поражены столь продолжительной и пышной аудиенцией. И конечно же, европейская колония в Аддис-Абебе не преминула отметить ту холодность и сухость, которую император Менелик проявил в очень короткой аудиенции посланцу папы Льва XIII коптско-католическому епископу Кириллу Макарию.

Уже через пять дней русский госпиталь в Аддис-Абебе начал принимать больных. Еще до прибытия отряда Менелик купил для русских усадьбу и лично давал указания рабочим, как отделать помещение. Генерал Шведов два раза был у Менелика по его приглашению. В своем донесении в Петербург Шведов писал, что император «твердо высказал, что теперь верит и ценит бескорыстную дружбу России к Абиссинии и останется неизменным в своих благодарных чувствах к России... «В то время, когда я воевал, – сказал император, – те, кто ближе ко мне и заявляют о дружбе, не протянули мне руку помощи. Россия далеко, она одна прислала мне помощь. Я искренне благодарен России и никогда этого не забуду».

Работы в госпитале было хоть отбавляй. Ежедневно по сто, а в иные дни и по двести человек приходило сюда. Пациенты были терпеливы и доверчивы – они весьма охотно соглашались на всевозможные хирургические операции. Сам император живо интересовался работой врачей и пять раз присутствовал на операциях, подчиняясь всем правилам антисептики.

Раненых и больных с каждым днем прибывало все больше и больше. А между тем отряд уже должен был возвращаться в Россию – отъезд был назначен на 8 октября. Не только русские врачи, но и император тревожился что станет с этой массой больных и раненых без медицинской помощи! Часть отряда – врача, двух студентов, окончивших курс академии, фельдшера и санитары – было решено оставить в Аддис-Абебе еще на три месяца.

Накануне отъезда состоялось торжественное открытие Эфиопского общества Красного Креста – госпиталь, его оборудование и медикаменты, привезенные русскими, были пожалованы в дар Эфиопии. У госпиталя выстроились императорские войска и двор. В назначенный час прибыли император и абуна – глава Эфиопской церкви. Русский красно-сине-белый флаг, более двух месяцев развевавшийся над палатками госпиталя, был спущен. На мачте взвился флаг Эфиопии – полосатое зелено-желто-красное полотнище с изображением льва. Абуна Матеос и русский иеромонах отслужили молебен. Прозвучало двенадцать пушечных залпов.

А на следующий день санитарный отряд уходил из Аддис-Абебы. Император Менелик был грустен – ему не хотелось расставаться с самоотверженными, сердечными, добрыми людьми, которые оказали его стране неоценимую помощь. Во главе огромного войска выехал он за город, провожая русских.

Через несколько дней императорский курьер доставил письмо для генерала Шведова: «За добрые дела ваши, совершенные для нашей страны, мы приносим нашу благодарность императору России, всему Обществу Красного Креста и всем его членам, императрице Марии Федоровне. Чувства и думы мои об этом безграничны. Русский, народ проявил в этом такую любовь ко мне, которая никогда не забудется... Мы никогда не забудем вашу прекрасную работу. Мы заверяем вас в нашем дружественном к вам отношении. Мы также не сомневаемся и в вашей дружбе к нам. Да хранит бог друзей наших, которые пришли к нам на помощь в лечении больных. Молим бога о вашем благополучном возвращении на родину». В знак особой признательности негус пожаловал всем врачам орден Эфиопской звезды, фельдшерам – орден Печать Соломона, а санитарам – золотую медаль, учрежденную специально.

Оставшаяся часть отряда продолжала работу до января 1897 года. Петр Шусев, студент, составил краткое и общедоступное руководство, которое было переведено на амхарский язык. В нем описывались способы лечения болезней, которые наиболее распространены в Эфиопии, а также способы лечения и гигиена ран, переломов и вывихов. Один экземпляр этого руководства (он был снабжен шестьюдесятью пятью рисунками, которые сделал находившийся в госпитале пленный итальянский офицер) русские врачи преподнесли Менелику. Император внимательно прочитал тетрадь и остался очень доволен подарком.

Наконец, последние члены миссии Красного Креста покинули Аддис-Абебу. Вместе с ними в Петербург по повелению Менелика отправлялись пятеро молодых эфиопов для получения профессионального образования.

Миссия русского Красного Креста завершилась успешно. Генерал Шведов с полным основанием мог заявить, что она оказала огромную помощь двадцати семи тысячам больных и раненых, «вселила в Абиссинию сознательное отношение к научной медицине и великой гуманной идее Красного Креста, подняла престиж европейца, совсем упавший после войны... и установила настоящий взгляд на русских».

Булатович в Россию не уехал.

В конце июля 1896 года генерал-лейтенант А. П. Проценко, ведавший Азиатской частью Главного штаба, направляет своему начальнику записку, в которой, между прочим, говорится, что «корнет Булатович ходатайствует об отпуске, которым он предполагает воспользоваться для более обстоятельного знакомства с Абиссинией, по уходе из этой страны отряда Красного Креста» и о дозволении совершить путешествие в малоисследованные, а то и вовсе не изученные районы Западной Эфиопии. Он хотел проникнуть и в Каффу, которая доживала последние месяцы свободного существования. Комментируя эту просьбу Булатовича, А. П. Проценко отмечал: «Корнет Булатович энергично работает не только в интересах Красного Креста, но и в смысле ознакомления как с историей страны, так и с ее современным состоянием. Достаточное знакомство с абиссинским языком... несомненно окажет ему большую услугу при выполнении намеченной им цели. Таким образом, имеются все данные предполагать, что сведения, которые будут доставлены этим офицером, могут послужить не только достаточно надежным материалом для выяснения современного состояния страны, но могут оказаться бесполезными и при наших дальнейших сношениях с Абиссинией».

Началось хождение записки по инстанциям. Наконец, 7 сентября прошение было удовлетворено.

28 октября 1896 года Булатовича принял негус. Булатович просил Менелика, чтобы тот отменил свое запрещение претупать границы его владений. Негус считал, что путешествие в западные области Эфиопии грозит русскому офицеру неминуемой гибелью. До самого последнего времени населявшие эти земли галласские племена были независимы и постоянно враждовали с амхарцами. Теперь галласы покорены, но путешествие по новым землям небезопасно. Однако императору было известно, что в его стране рассказывали легенды о смелости и выносливости русского офицера. И он дал свое согласие на это путешествие, но о Каффе, лежащей за границами его владений, не могло быть и речи.

Прощаясь, император пожелал русскому офицеру счастливого пути и вручил ему два письма – к дадьязмам Демесье и Тасаме, через чьи владения Булатович должен был проезжать.

На следующий день небольшой отряд выехал из Аддис-Абебы по дороге, ведущей на запад. Поначалу продвигались медленно – приходилось часто останавливаться и поправлять вьюки на мулах.

С первого же дня Булатович ведет дневник. Он скрупулезно записывает все, что ему удастся узнать. Его интересуют язык и одежда, обычаи, государственное устройство Эфиопии и ее географические особенности. Добытые сведения потом войдут в его книгу и составят первое в России подробное описание этой страны, которое и сегодня вызывает не малый интерес историков, географов, этнографов.

Во время путешествия Булатович не раз останавливался на ночлег в домах знатных амхарцев. Он описывает характер амхарца, сложный и противоречивый, как природа страны, где скалы и пропасти сменяются безбрежными равнинами, голая мертвая пустыня – непроходимыми тропическими лесами. Может быть, амхарец похож на француза – он восприимчив и талантлив? Да, но по своей практичности, по своим государственным способностям – он, несомненно, англичанин, по гордости – испанец, по любви к своей вере и мягкости характера и терпимости – русский. И ко всему этому амхарец очень храбр, хитер и подозрителен.

Воин-амхарец. Собрание М. И. Лебединского (1898–1907 гг.)

...В доме, окруженном высоким забором, царил полумрак, весело потрескивал огонь очага, а из глиняных сосудов, стоявших на огне, разносились острые запахи. Хозяин по случаю приезда гостя надел белую шамму-большой четырехугольный кусок бумажной матери. У себя дома каждый амхарец считает себя таким же полноправным властелином, как император в империи. Поэтому шамму хозяин надел так, как его делает негус Менелик – на манер римской тоги, оба ее конца закинута за плечи и окутывают все тело. Но в присутствии высшего лица шамму носят иначе один ее конец юбочкой опоясывает тело, а другой живописно закидывается за плечи.

Голова амхарца была повязана кисеей, это дань моде так покрывает голову император. Под повязкой волосы хозяина заплетены в косу. Булатович уже знал, что коса у амхарца – это знак храбрости. Ее может носить только тот, кто убил слона, льва или человека.

Хозяин держал множество слуг и с гордостью перечислял гостю, кто из них чем занимается одни ведают приемами гостей, другие управляют домом и имением, секретарь ведет переписку. В доме соблюдали самый строгий этикет, и Булатович, наблюдая эту церемонность, заученность слов и движений, снова вспомнил императорский двор.

Жена амхарца оказалась молодой, красивой и очень кокетливой женщиной. Хозяин сообщил, что он – ее третий муж. Впервые она была выдана замуж двенадцати лет. Амхарцы

относятся к формальностям брака очень просто. Жениху и невесте достаточно при двух свидетелях объявить, что они желают вступить в брак, и брак считается заключенным. Развестись в Эфиопии так же легко при двух свидетелях муж отпускает жену и отдает ей половины имущества, если, конечно, он не подозревает жену в неверности. Но, уличив жену в измене, муж имеет право безнаказанно убить и жену и ее любовника. Лишь после многих лет мирного сожительства супруги решаются вступить в церковный брак, который нерасторжим.

Свобода амхарки низшего сословия не ограничена. Булатович не раз наблюдал в Аддис-Абебе, как они запросто ходят по городу, на базаре собираются в шумные кучки и обмениваются нехитрыми новостями.

Хозяйка же дома принадлежала к высшему сословию и за это расплачивалась свободой. При «дворе» мужа ее стерегли евнухи, а во время поездок в город сопровождал конвой, обступая ее таким тесным кольцом, что сквозь него не проникал ни один посторонний взгляд.

В доме – двое маленьких детей хозяина, двоих постарше он уже отправил ко двору императора. Там они стали пажами. Их учат чтению, письму, богословию, военным упражнениям, игре в шахматы, а старший очень искусно играет на батане – на той самой лире, на которой так вдохновенно играл, по преданию, царь Давид. Если мальчики отличаются при дворе, то через несколько лет джолучат назначения на государственные должности. А если не проявят своих способностей, то будут заниматься тем, на что хватит ума. Дворян как сословия в Эфиопии нет. Более того, дворянство немыслимо здесь. Уже во втором поколении невозможно отличить ребенка дворянина от всех прочих. Амхарец не понимает, как можно уважать человека за то, что его отец был богат и знатен. Конечно, амхарцы ценят богатство и личные заслуги, но до тех пор, пока они есть. Если же богач разорился, а придворный подвергся опале, то всякое почтение к ним исчезает и самый последний солдат будет говорить бывшему царедворцу «ты».

...Перешли горную реку Аваш. Она зарождается в горах, течет сначала к югу, а, выйдя на равнину, поворачивает на восток и несет свои воды к Красному морю. Но пустыня, отделяющая Абиссинское плоскогорье от моря, поглощает реку, она теряется в песках. Здесь, в верховьях, Аваш многоводен, прозрачен. Его каменное дно кажется полированным. Берега необыкновенно красивы и обрамлены молодыми деревьями, как бы островками выделяющимися среди высокой травы.

За рекой начались владения дадьязмача Убье, мужа визиро Заудиту, второй дочери Менелика, будущей императрицы Эфиопии.

Вся империя разделена на провинции, которыми управляют расы и дадьязмачи. Владения эти не наследуются – они жалуются императором, и размер их зависит от личного отношения императора к владельцу.

На привале к отряду подъехал старик – седой, сгорбленный. Как выяснилось, это дядя дадьязмача Убье, и он должен сопровождать отряд через земли своего племянника.

Здесь, за Авашем, лежали земли галласов, недавно покоренных Эфиопией. И река служила не только границей двух владений – это была граница двух культур. Исчезли амхарские деревни – вдоль дороги потянулись отдельные хижины галласов. Люди выходили из хижин, чтобы посмотреть на белого человека. Мужчины, необыкновенно стройные, хорошо сложенные, очень красивые, улыбались, и на темных лицах ярко выделялись отличные белые зубы. Тут, на границе, галласы носят шаммы. Дальше на запад Булатович уже не увидит шамм. Там нет хлопка, и мужчины носят шкуру барашка или козленка.

Почти у всех мужчин вокруг бедер повязаны кожаные фартуки. Как пояснил проводник, штаны доступны лишь богатым. Женщины, тоже очень красивые и хорошо сложенные, одеты в длинные рубахи или в кожаные юбочки, обшитые раковинами и бисером.

На ночлег остановились в доме богатого галласа. Большую хижину, в одном из помещений которой содержался скот, окружали высокие банановые деревья. Их громадные листья почти совсем скрывали остроконечную соломенную крышу хижины. У входа в дом росло несколько деревьев, из плодов которых получают масло. Вокруг дома посажена высокая капуста, горох, табак, бобы, тыква. Вдали виднелись поля пшеницы, кукурузы, ячменя.

Хозяин был в отъезде, и гостей встретили две его жены, одетые в юбочки, напоминавшие Булатовичу украинскую плахту. Голову украшала причудливая прическа множество косичек

свешивалось во все стороны. Они были обмазаны разведенной в воде желтой глиной, и издали женщины казались блондинками, а их темные лица имели какой-то особенный оттенок, напоминавший цвет корицы.

Женщины усадили мужчин на циновки и принялись угощать. Сырое мясо, молоко, нечто похожее на русскую кашу, лепешки из неквашеного теста, ячменное пиво – все это появилось перед гостями. Еда была пресная – галласы не добавляют в нее ни соли, ни перца.

Сопровождавший Булатовича старик сказал, что хозяин хижины богат и может содержать двух жен. Впрочем, у более богатых жен больше число их не ограничен но и зависит от благосостояния. Хозяин купил себе жен, заплатив за каждую не меньше чем пятьдесят коров. Жены живут отдельно, каждая ведет свое хозяйство, а муж кочует из хижины в хижину. Женщина полностью подчинена своему мужу, и развода у галласов не бывает.

Ужин продолжался недолго – путники устали, а наутро их снова ожидала дорога.

Небольшой караван продолжал путь по земле галласов, исключительно плодородной и изобильной. По краям дороги поднимались тиссовые деревья огромной высоты. Самые старые были покрыты белым мхом, который живописно свешивался с веток. Местные жители называют этот мох «заф шебат» – седина дерева. Все деревья перевиты густой сетью тонких лиан. Громадные смоковницы, под сенью которых можно расположить целый батальон, отмечали места поселений.

Равнины распаханы под поля. Во вспаханную землю брошено зерно – больших забот посевы не требуют плодородная земля дает от двух до четырех урожаев в год.

На лугах, покрытых сочной травой, паслись горбатые коровы и быки, козы, овцы.

Иногда попадались большие мимозы, в зарослях которых скрывались ульи, сделанные из коры дерева или выдолбленные из ствола кактуса колкуала. Когда подходит время собирать мед, под мимозами разводят костры из кизяка и выкуривают пчел из улья. Иногда же пчел выгоняют еще более простым способом подрезают веревку, на которой висит улей, – он падает, а испуганные пчелы разлетаются.

Почти около каждой хижины высился холмик, сделанный из камней, хвороста, стеблей тростника, зерен кофе, ячменя. Это галлаские могилы. По высоте и убранству каждого курганчика можно определить благосостояние умершего. Над одной из могил водружен на палке стеклянный графинчик – видно, покойник был очень важным человеком.

Однажды Булатович заметил, что возле одной из хижин собралось довольно много людей. Они сидели вокруг могилы, многие из них плакали, а один молодой галлас очень громко перечислял все доблести покойного. Если амхарец никогда не упустит случая рассказать о своих подвигах, то у галласов это считается неприличным, и лишь после смерти галласа его брат или друг обязан подробно рассказать о геройстве и отваге покойного.

Путешественник не раз видел галласов-кузнецов, которые орудовали около наковальни, установленной прямо на улице. Рядом лежали железные ножи и копья. Галласы, как и амхарцы, воинственны и очень любят оружие.

Женщины, толкущие зерно. Собрание М. И. Лебединского (1898–1907 гг.)

Иногда рядом с хижинкой оказывалась глубокая яма – это рабочее место ткача. Он сидит в этой яме и, нажимая ногами на педаль, поочередно поднимает и опускает ряды ниток. Ловким движением он пропускает насквозь челнок, а после этого горизонтальным брусом прибавляет только что пропущенную нитку к уже сотканным. Получается довольно грубая ткань, которая идет на шаммы для простого люда.

Попадались хижины гончаров – вокруг них стояли большие кувшины без ручек, глиняные сковороды для выпечки хлеба, горшки, в которых варят пищу.

Среди галласов есть и искусные ремесленники кожевники, выделяющие отличный сафьян, шорники, которые славятся своими затейливыми конскими уборами, плетельщики соломенных шляп и зонтиков, оружейники, золотых дел мастера.

На земле галласов путникам уже не попадались круглые церкви с наивными, а подчас и забавными фресками. Знатные галласы и купцы – мусульмане, а основная масса – язычники. На одном из привалов Булатович попробовал расспросить галласа о его боге. Бусы и браслеты, подаренные галласу, сделали его словоохотливым. Но представления галласа о боге были самые неопределенные. Он без конца поднимал глаза к небу, а из его объяснений можно было понять, что бог – «уак» – находится там, на небе, что он велик и всемогущ. Вот, пожалуй, и все сведения, которые Булатович смог получить у галласа. Каков этот бог – узнать не удалось.

Галласы любят природу, и им кажется, что она тоже одарена душой. Реки, горы, большие деревья по представлениям галласов – живые существа, и они им поклоняются. Молятся галласы и разным духам. Например, духу зла и несчастья Борентиче, обладающему очень большой силой. В мае, перед сезоном дождей, от которых зависит благосостояние галласа, этому злему демону приносят обильные жертвы. Галлас режет барана, в доме варят пиво и пекут лепешки. На пир собираются все соседи. Они пьют и едят, бросая на землю часть еды и отливая немного пива, и приговаривают: «Вот тебе, Борентича, пройди мимо нас, не тронь нас». Ни один галлас не отправится на войну или охоту без того, чтобы не помолиться Борентиче.

Кроме того, галласы поклоняются богородице, Георгию Победоносцу и архангелу Михаилу, а объясняют это так раз им поклоняются амхарцы, значит, это тоже великие

существа. Но это почитание весьма своеобразно. Около каждого дома растет маслина, которую называют Мариам, а под ней – пригоршня ячменя, пшеницы, пучки травы – нехитрые жертвы галласов.

Однажды посреди дороги Булатович увидел глиняную фигурку. Она изображала четвероногое животное с лошадиной головой и лежала на куче камней, прикрытой пучком хлопка. Путешественник попросил слуг поднять фигурку, но те в нерешительности остановились.

– Господин, этого не надо делать, это заколдованная вещь, она принесет несчастье всякому, кто ее поднимет, – бормотал один из слуг.

Булатович сам поднял фигурку – она была довольно грубо и неумело слеплена, и только лошадиная голова сохраняла некое подобие натуре. Слуги вздохнули с облегчением – теперь несчастье уж наверняка пройдет мимо них – и принялись наперебой объяснять, что фигурка изображает дьявола какой-то галлас бросил его на пути своего врага, чтобы навлечь на него всяческие несчастья.

Сказки галласов просты и бесхитростны, они прославляют щедрость и доброту. Однажды старый галлас, тронутый подарком белого человека, рассказал ему такую притчу.

Мышь пришла к слону просить за себя его дочь. Слон сказал: «Как! Ты ведь такой маленький!» «Ничего, – говорит мышь, – отдай мне дочь!» Слон отдал. А через некоторое время пришли охотники за слонами. Мышь, проведая об этом, прибежала ночью в лагерь охотников и перегрызла все подпруги и конский убор. Слоны были спасены.

Незатейливая вроде сказочка, а в ней все – и доброта, и хитрость, и наивность народа. Но всегда, в любом разговоре с галласами, Булатович чувствовал, что следы недавней трагедии, пережитой этим народом, еще не изгладились из памяти.

...В 1876 году войска раса Гобаны переправились через Аваш и двинулись по земле галласов, сжигая на своем пути хижины, посеы.

Независимости галласов пришел конец. А ведь любовь к свободе, к полной самостоятельности испокон веков была главной чертой народного характера. В своей хижине, на своем клочке земли галлас не признавал никого его дом был его крепостью. Государства у галласов не существовало было множество самостоятельных племен с фиктивной властью царьков. Этих царьков, а также стариков племени галласы чтили и уважали, но не более свобода была все-таки превыше всего! Глава племени не собирал со своих подданных ни налогов, ни податей. Он жил, как и все, военной добычей и доходами от своих земель и скота. Он вел людей своего племени в бой, но не мог ни начать, ни кончить войны без согласия старейшин. Он возглавлял «лубе» – суд, но исход дела от него не зависел. Глава любого семейства через каждые сорок лет становился членом лубе на пять лет.

Главы родов собирались, чтобы вершить суд и управлять племенем. Среди старцев можно было иногда увидеть и мальчика – малолетство не мешало ему в положенных! год стать членом лубе, если мальчик был главой рода. Истец и ответчик, затеяв тяжбу, обращались к одному из членов лубе и поверяли ему свое дело. На собрании лубе доверенные объясняли суть дела, препирались, спорили, а потом выносили приговор. Самым тяжким наказанием считалось изгнание из страны.

Этот мирный, патриархальный быт был разрушен под напором войск Менелика. Галласы, храбрые и даже страшные в бою – убить врага считается у них высшей доблестью, – сопротивлялись отчаянно. Но что они могли поделать с копьями и ножами против винтовок амхарцев.

Теперь галласы обложены данью и прикреплены к земле. Земля же принадлежит амхарским военачальникам, и галласы должны кормить их и их солдат. Прайда, амхарцы справедливы и соблюдают законы. Они не насаждают среди галласов своих нравов и обычаев, но уже совершенно ясно, что галласская самобытная культура доживает последние дни и исчезнет, как исчезла их былая свобода и самостоятельность.

1 ноября отряд вышел к реке Гудер. Из топкого озерца на плоскогорье Тикур она несла свои воды на север, а потом поворачивала на северо-запад и впадала в Абай – Голубой Нил. Сейчас вода в реке чиста и прозрачна, а еще недавно, в период дождей, была красной от смываемой с гор глины.

Здесь уже лежали земли дадьязмача Хайле Мариама, старшего брата раса Меконнена. Его владения были прежде очень велики, но четыре года назад он поссорился с императрицей Таиту, и у него все отняли. Сейчас часть земель ему возвратили.

Дадьязмач Хайле Мариам был в Аддис-Абебе, но прислал нарочного с наказом позаботиться о путешественнике. К вечеру в дом, где остановился русский офицер, принесли жирного барана, хлеб, кувшины тэджа, сотовый мед, масло, кур, яйца. Пир выдался на славу. Слуги внесли в хижину барана, только что зарезанного, и повесили на столб. Один из амхарцев быстро и умело разделил его на части. Слуга с обнаженными плечами, опоясавшись своей шаммой, поднял над корзиной с хлебом еще теплую баранью ногу. Каждый из сидящих вокруг облюбовывал себе кусок мяса и вырезал его из ноги.

На следующий день перешли речку Улук – бурную, всю в серебристых водопадах. Река с шумом неслась в глубоком ущелье, а крутые берега поросли высокими кактусами, каким-то чудом приютившимися на почти отвесных скалах. Сразу же за рекой прямо на поляне раскинулся базар. Галласы очень любят торговать, и в каждом, даже небольшом селении непременно есть базар. Со всех сторон тянулись сюда группы людей. Посреди базара на возвышении сидел амхарец – сборщик пошлыны. Он придирчиво осматривал товар, принесенный на продажу, и забирал часть. Базар был многолюдный и шумный. Галлас ни за что не пропустит базарный день. Даже если ему нечего продать, он обязательно придет с пригоршней ячменя, кусочком соли или пучком хлопка. Ведь на базаре не только продают или покупают – здесь можно увидеться с соседями, обсудить новости или просто в приятной компании выкурить свою трубку.

Реку Гудер перешли по узкому мосту, сделанному из лиан, и оказались у подножия хребта Токе. Предстояло преодолеть этот хребет, за которым начиналась долина реки Гибье. Подъем и спуск были очень трудными. Склоны поражали своей крутизной, а лесная дорога еще не просохла после недавних дождей, и глина разъезжалась под копытами мулов.

И с севера, и с юга долину Гибье ограждали горы. Говорят, в этих горах есть вершина, на которую спустился с неба крест, но его никто никогда не видел. Об этом поведали Булатовичу слуги, а когда он спросил их, почему же никто не поднялся на вершину, чтобы увидеть этот крест, слуги испуганно замахали руками по преданию, всякий, кто хоть единожды солгал, если поднимется туда, немедленно умрет.

Когда переходили реку, еще многоводную после дождей, лошадей и мулов пустили вплавь, вещи же галласы переносили по висячему мосту из лиан. Вдруг Булатович услышал крики слуг его лошадь и двух мулов сносило течением. Животные пытались вскарабкаться на берег, но он был обрывист, и животных несло вниз. Несколько слуг бросились в воду, и их самоотверженность спасла мулов и лошадь.

Теперь, за рекой Гибье, начинались земли дадьязмача Демесье. Он выслал навстречу отряду конвой человек в Двести с пятью флейтистами, что считается в Эфиопии большой честью.

Отряд остановился в Било – крупном торговом центре. Через Било проходят караванные пути в Шоа, Годжам, Уоллегу, Джимму, Каффу, по которым купцы везут к морю золото, кофе, слоновую кость, мускус – все, чем богата эта земля.

Нагадирас – глава купцов – устроил обед в честь русского гостя. Певцы воспевали победы Менелика и дружбу русских с эфиопами. Сын нагадираса расспрашивал Булатовича про Европу, Египет, Индию, интересовался политическими новостями. Всю ночь продолжался пир. Уставших певцов сменяли другие, слуги приносили новые кувшины с тэджем и парное мясо, и Булатовичу, уставшему после тяжелой переправы через Гибье, казалось, что беседе за столом не будет конца.

На утро маленький караван продолжил путь. Снова трудные переходы через горы по тропам, размытым дождями, снова бурные речки, при одном взгляде на которые может закружиться голова. 12 ноября отряд, встреченный всеми наличными войсками дадьязмача Демесье, торжественно вошел в его резиденцию. Сам дадьязмач, чьи владения простираются до крайних западных и северозападных границ Эфиопии, вышел навстречу гостю и ввел его в свой дом. Хозяин был любезен и словоохотлив, а его жена, миловидная девочка лет четырнадцати, несказанно обрадовалась такому событию в ее скучной и однообразной жизни, на которую

обречены все жены знатных людей. Она рассказала, что Демесье – ее третий муж, а сама она приходится племянницей императрице. Это по ее желанию она развелась со своим вторым мужем и вышла замуж за Демесье. Сейчас ее жизнь печальна недели, а иногда месяцы она не выходит из спальни, ее постоянно окружают девушки-служанки и дети, которых подчиненные дадьязмачу знатные люди отдают ко двору своего начальника для обучения грамоте и этикету. А у входа в спальню всегда сидят мрачные безусые евнухи.

Через два дня Булатович прощался с гостеприимным хозяином. Слуги Демесье вывели великолепного мула в серебряном уборе – подарок гостю от дадьязмача. Все войско во главе с флейтистами провожало отряд по дороге на запад – до берега реки Дидесса, за которой начинались владения дадьязмача Тасамы.

Дидесса довольно широка и очень полноводна. Ее берега поросли огромными деревьями, сплошь перевитыми лианами, которые свешивались до самой воды. Лошадей и мулов пустили вплавь, а люди переправлялись в маленьких челноках, выдолбленных из ствола дерева. Во время переправы галласы кричали как можно громче, чтобы отогнать крокодилов, которыми кишит Дидесса.

Через три часа отряд благополучно, если не считать потери одной трехлинейной винтовки, переправился на другой берег. Очень скоро кончилась узкая полоска леса и потянулась равнина, поросшая высокой травой, которая скрыла все ориентиры. К концу дня выяснилось, что всадники сбились с пути, а мулы пошли по другой тропинке. Пришлось останавливаться на ночлег.

Маленький галласский хутор из пяти домов был тих и безлюден. Слуги принялись вызывать хозяев, и из одной хижины вышел мальчик, совершенно истощенный, с накинута на худые плечи бараньей шкурой. Он весь дрожал от лихорадки, а из дома слышались стоны еще нескольких больных. В этом году лихорадка унесла почти половину жителей хутора. Лихорадка в долине Дидесса особенно сильна, поэтому поселений здесь мало. Обычно галласы спускаются сюда, чтобы засеять поля, затем уходят и возвращаются лишь для сбора урожая. У мальчика, которого встретили путешественники, все тело покрывали язвы. В этой гнилой местности даже маленькая царапина превращается в незаживающую язву.

Всю ночь слуги разыскивали мулов, и к полудню следующего дня караван снова двинулся в путь, прочь от этих страшных мест.

Дорога пошла вверх – начинались предгорья Каффы. Все холмы и возвышенности, поросшие лесом, были перерезаны глубокими ущельями, по которым несли свои воды обегавшие с вершин Каффы прозрачные, как хрусталь, речки. Долины рек густо заросли кофе. Еще совсем недавно эти благодатные земли были сплошь заселены. Но именно здесь, в этих западных областях, галласы оказали амхарцам самое отчаянное сопротивление, и почти половина их была истреблена, скот угнан, а из тех, кто остался, лишь немногие пережили страшный голод, который последовал за разорением страны.

Среди зарослей, покрывавших некогда возделанные поля, можно было различить правильные ряды кактусов – вот и все, что осталось от прежних усадеб, разделенных живой изгородью из кактусов. На плодородной земле бурно рос перевитый колючими лианами кустарник, скрывший следы войн и грабежей.

Знатная амхарка. Собрание М. И. Лебединского (1898–1907 гг.)

На ночлег остановились в доме талласа. Его хижину окружали банановые деревья, а вблизи на мимозах висели ульи – мед в этих местах особенно крепок и ароматен. Хозяин позвал гостя в хижину. Туда же вошли и две его жены, одна из которых была на редкость красивая. Старая женщина, мать хозяина, в хижину не пошла. Она со страхом и злобой смотрела на амхарцев. Всю ночь возле хижины горел костер, а около него, сгорбившись, сидела старуха она не могла простить амхарцам смерть мужа, убитого при покорении страны...

21 ноября утром отряд торжественно въехал в Горе, крайний эфиопский город на юго-западной границе. Навстречу отряду вышли войска фитаурари Вальде Айба, наместника

дадьязмача Тасама. Все воины поклонились гостю до земли и, окружив отряд, повели его в специально приготовленный дом. В Горе была выстроена круглая эфиопская церковь, и весь притч ее, с крестами и образами, двинулся навстречу единоверцу из далекой России.

Дадьязмача Тасама в его резиденции не было – он участвовал в экспедиции против пограничной Мочи. Вальде Айб старался угодить гостю, но Булатович чувствовал, что старик чем-то смущен. Наутро все прояснилось. Оказалось, что накануне он получил письмо императора Менелика, в котором было сказано, что русский офицер приехал посмотреть страну и ему надобно ее показать. Но Вальде Айб без ведома Тасама не решался выполнить приказание императора. Путешествие по западным землям было небезопасным, пограничные области время от времени бунтовали.

Когда Булатович потребовал дать ему проводников, старик впал в отчаяние. Он умолял подождать две недели, пока дадьязмач, покорив Мочу, сам не приедет в Горе. Но Булатович был неумолим, он знал, что две недели здесь всегда превращаются в два месяца. Через два дня он собирался выехать из Горе.

Но уже на следующий день Булатовича свалил сильный приступ лихорадки, а в том месте на животе, где он впрыскивал себе хину, вскочил большой нарыв. Три недели он лежал в хижине почти без сознания, испытывая сильнейшие мучения, а в редкие минуты облегчения слышал, как у входа жалобно причитали и плакали слуги.

Слегка оправившись от болезни, Булатович назначил отъезд на 15 декабря. И опять его пришлось отложить – заболел старший слуга, а без него нечего было и думать пускаться в трудный и опасный путь.

20 декабря к хижине Булатовича пришла женщина агалласка и передала ему письмо. Оно было из Мочи, от дадьязмача Тасама. Он писал, что будет счастлив увидеть «глаза друга – русского» и просит подождать хотя бы до рождества к этому времени он вернется в свою резиденцию.

Булатович согласился. Но вот подошло 31 декабря, слуга уже выздоровел, а от дадьязмача Тасама не приходило никаких вестей. Конечно, пора отправляться в обратный путь, но как уехать, не повидав земель за рекой Баро! Ведь там еще не ступала нога европейца.

Вальде Айб зорко следил за своим почетным гостем. День и ночь вокруг хижины расхаживали солдаты, якобы для охраны его безопасности.

31 декабря в восемь часов утра Булатович приказал оседлать двух лошадей и в сопровождении одного слуги тайком выехал из Горе по направлению к реке Баро. Сначала ехали по горной дороге, а затем двинулись по лесной тропе, пересеченной руслами быстрых горных речек и ручейков. Громадные вековые деревья почти не пропускали солнца, и дорога местами становилась такой топкой, что всадники вынуждены были спешиваться и идти, увязая по колено в грязи.

К трем часам дня всадники вышли на берег реки. Через нее был перекинут мост, опиравшийся на два утеса, торчавших из воды. На том берегу начиналась Моча, где дадьязмач Тасама усмирал непокорные племена. Слуга стал уговаривать Булатовича вернуться за рекой опасно, там идет война и могут убить. Но слишком уж велико было желание хотя бы мельком взглянуть на те земли, и Булатович решил двинуться дальше.

Когда всадники по трехпролетному мосту перешли через Баро, солнце уже садилось. По обе стороны дороги стеной стоял лес. Нигде не было никаких следов жилья. Но вот из чащи, среди глубокой лесной тишины, нарушаемой в этот час лишь резкими криками птиц, до слуха Булатовича донеслись звуки человеческой речи. Всадники стали продираться сквозь лес и через полчаса Увидели на полянке небольшой шалаш, а вокруг него человек пятнадцать амхарцев. Они мирно разговаривали, но, услышав шорох и треск ломаемых сучьев, насторожились. Скоро их испуг сменился глубоким изумлением здесь, в дремучих лесах, где за каждым деревом может прятаться смерть, появился белый человек.

Путешественника провели в шалаш. Там на циновке сидела красивая женщина-амхарка, светлокожая, почти белая, и кормила грудью ребенка. Она пригласила гостя сесть, сказала, что слышала о нем от своего мужа, и велела принести кукурузные лепешки и кофе. Она рассказала, что муж ее ушел с дадьязмачем Тасамой, а она, с оставшимися солдатами мужа, рискнула переправиться на этот берег Баро, чтобы собирать здесь кофе.

Булатович пробеседовал с гостеприимной хозяйкой почти до полуночи. Наступал новый, 1897 год...

А между тем в городе обнаружили исчезновение русского гостя. Вальде Айб испугался не на шутку, боясь, чтобы с европейцем чего-нибудь не случилось. Он приказал арестовать купца-араба, продавшего Булатовичу лошадь, и послал вдогонку за беглецами своих солдат.

Наутро Булатович, попрощавшись с хозяйкой, снова двинулся по лесной тропе на запад. Теперь кое-где он встречал остатки прежнего жилья – разрушенные хижины, вытоптанные посевы – следы армии дадьязмача Тасамы.

Дорога привела всадников к маленькой крепости Альта. Это самый западный в Эфиопии наблюдательный пункт. Крепость окружал глубокий ров, через который был перекинут мостик. Караул именем Менелика приказал всадникам остановиться. Вскоре появился комендант. После короткого выяснения личностей прибывших их впустили в крепость.

В Альге путников нагнал отряд, посланный Вальде Айбом. Солдаты радовались своей удаче и стали уговаривать Булатовича вернуться в Горе господин рискует быть убитым и тем самым погубит и их.

На следующий день Булатович в сопровождении вооруженного отряда, который ни за что не хотел возвращаться на ту сторону Баро без русского гостя, выехал из крепости по дороге, уходившей на север, через горный хребет. Переход был очень утомительным и трудным. Но вот тропинка сбежала с гор на равнину, и на солнце серебром блеснули воды Баро. Здесь берега реки оказались еще более живописными, чем там, где Булатович переходил ее в первый раз. В этом месте сходились два рукава реки и, соединяясь, падали вниз с утесов двумя изумительно красивыми водопадами.

Прыгая с утеса на утес, можно было, хотя и с опасностью для жизни, перебраться на другой берег. Лошадей и мулов решили попробовать переправить вплавь. Чуть выше водопадов течение Баро замедлялось. Взяв за повод мула, слуга-амхарец спустился в воду. И вдруг все оставшиеся на берегу с ужасом увидели, что слуга, видимо ударившись о подводный камень, выпустил из рук повод, и течение быстро потащило его в водопад. Кто-то из солдат не растерялся и протянул несчастному копьё. На самом краю водопада он все-таки сумел ухватиться за копьё и выбрался на берег. Мул, увидев, что хозяин его покинул, повернул назад и, с трудом преодолевая течение реки, приплыл к берегу и беспомощно барахтался в воде, так как не мог вскарабкаться на обрывистый берег. Солдатам кое-как удалось подсунуть ему под брюхо лиану, и, схватив его за хвост и за уши, вытащить на берег.

Делать было нечего пришлось строить мост. Солдаты рубили в лесу ветви и связывали их лианами. Через три часа мост был готов, и весь небольшой отряд благополучно перешел по нему через бурную реку.

Опять потянулся лес – огромные деревья, перевитые лианами. Здесь уже не встречалось никаких признаков жилья. Эта пограничная полоса разделяла земли галласов и племени бако.

Поздно вечером приехали в Буре, большое торговое селение. Наутро, прежде чем двинуться в Горе, Булатович пошел на базар. Было восемь часов утра, и народ небольшими группками толпился на площади, окруженной маленькими, низенькими лавчонками, крытыми банановыми листьями. Здесь уже собрались женщины с привязанными сзади, к поясице, детишками, старики, подростки.

Вот толпа зашумела – на возвышении, устроенном посреди площади, появился начальник базара. Мимо него смиренно, друг за другом проходили все, кто в этот день пришел на базар, а сам начальник и его бойкие помощники осматривали товар, принесенный на продажу, и взимали подать за барана или козу надо было платить брусок поваренной соли, из мешка хлопка или кофе один из помощников вынимал несколько пригоршней. Товар был в основном мелкий и небогатый. Булатович удивился, ведь базар в Буре славится тем, что отсюда в Леку и Годжам идут караваны кофе, слоновой кости, мускуса. Где все эти богатства?

Оказалось, что богатые купцы, владельцы сказочных караванов, не ходят на базар. Они живут вблизи базара, и товары приносят им прямо на дом.

Вся торговля была исключительно меновой. За несколько зерен кофе можно выпить стакан крепкого, горьковатого пива, а за пучок хлопчатника – набить табаком трубку. Прямо на земле лежали корзинки самой различной формы и размеров, циновки, сплетенные из

пальмовых листьев. Галласы – рослые, красивые, хорошо сложенные – расхаживали по площади в шаммах, накинутых на плечи, и в кожаных передниках, их головы украшала остроконечная шапочка из шкуры козленка, а иногда и обезьяны. Женщины с длинными, до плеч, волосами, заплетенными в косички, собирались группами и о чем-то бойко щебетали. Одна из них была, видимо, местной щеголихой – волосы она намотала на множество острых палочек, которые, как иглы, торчали во все стороны.

А вот несколько мужчин из племени бако. Они высокие, сухощавые, с абсолютно черной кожей. Маленький передник из листьев заменяет им одежду. Верхние передние зубы выбиты, на щеках и на лбу татуировка – по три продольные черточки. Живут они в низменной, болотистой равнине, где сливаются все притоки Собата и где круглый год господствует губительная лихорадка.

К северу от бако обитает другое племя – мадибис. По словам мальчика из этого племени, проданного галласам в рабство, во главе племени стоит белый человек – Амати, у него есть двуствольные ружья. Из этого Булатович заключил, что племя мадибис, видимо, находится под властью арабов.

Вдоль галласских границ расположены земли нескольких негроидных племен. Все они очень храбры и воинственны, и амхарцам еще ни разу не удавалось взять в плен взрослого мужчину. Их добычу составляли лишь женщины и дети. Раньше амхарские солдаты, налетая на деревушку, старались захватить как можно больше скота и пленных. Сейчас же император Менелик положил конец хищническим набегам и решил присоединить эти племена и их земли к своей империи. И вот теперь на крайних западных границах дадьязмач Тасама ведет войну, исполняя волю императора. Негроидные племена сопротивляются вооруженным ружьями эфиопам, пуская в ход отравленные стрелы и копья, устраивая в лесах губительные ловушки. Но уже всем ясно, что вскоре и эти племена признают над собой власть эфиопского императора.

Булатович вернулся в Горе накануне праздника крещения. Вечером начался крестный ход. Во главе огромной процессии шли дьяконы и звонили в колокольчики. За дьяконами следовали дети, потом священники – они несли на головах священные книги и сосуды. Далее шел хор книжников – «дабтара», вдохновенно певших церковные гимны и бивших при этом в барабаны. А дальше – бесконечные толпы мирян. Женщины и дети пронзительно кричали, распевали песни совсем не духовного содержания, то и дело слышались ружейные выстрелы. Повсюду на берегу реки горели костры, а вокруг них в диком танце метались темные фигуры людей.

Ночью началась служба, а ранним утром священник освятил воду – три раза опустил в нее крест. И сразу же после этого, давя друг друга, устремились в реку люди.

После обеда процессия двинулась назад в Горе.

Празднество закончилось крестным ходом вокруг церкви. Одновременно из всех ружей грянул залп, и священник вошел в храм.

8 января Булатович уезжал из Горе. Его провожал почетный конвой во главе с фитаурари Вальде Айбом. Хитрый старик тайно приказал проводникам не показывать Булатовичу никакой другой дороги, кроме той, по которой он приехал в Горе. Далеко вперед фитаурари выслал солдат, и те сгоняли с пути галласов, которые хорошо знали окрестности. Несмотря на все затруднения, путешественник повернул на другую дорогу, предварительно узнав, что она более удобная.

За рекой Габой местность совершенно изменилась – воздух стал суше, растительность победнее – в основном мимоза. Деревушки тянулись непрерывной цепью. Дома были большие – значит, хозяева держат много скота.

На второй день перехода владения дадьязмача Тасама остались позади – начались земли дадьязмача Демесье. Жители этих земель были охвачены необыкновенным волнением их правитель готовится в поход против Абдурахмана, который владеет течением реки Тумат и страной Бени-Шенгул. Видимо, Менелик решил расширить свои владения и в этом направлении. Сезон дождей приближался, и Булатович подумал, что поход должен начаться со дня на день. Решение было принято мгновенно как можно скорее ехать к дадьязмачу Демесье, и, конечно же, отправиться с ним в поход!

Путь до лагеря был нелегок почти сто километров по горным дорогам, по топким

равнинам, через бурные реки. Солдаты на заставах недоверчиво встречали белого человека. Его не трогали – он был вооружен и, судя по всему, очень храбр, раз забрался в такую глушь без конвоя, с одним слугой, – но и помогать отказывались. И тем не менее к вечеру Булатович уже прибыл в лагерь Демесье.

Войско находилось в полной боевой готовности. Всего несколько дней назад на всех площадях и базарах появились глашатаи и под звон литавр объявили «кагарт» – мобилизацию. И вот вереницы солдат потянулись на сборный пункт. Дадьязмач Демесье известен своей храбростью, земли его обширны и богаты, сам он щедр, да и военное счастье часто ему улыбается. К такому начальнику охотно шли солдаты. Война для амхарца – это праздник, это добыча, это возможность показать свою храбрость, а практичность амхарца подсказывала ему выбор начальника, которому можно служить щедрого и храброго. Поэтому численность войск у военачальников никогда не бывает постоянной и определенной сопутствует полководцу удача – и его войско быстро увеличивается; впал тот же полководец в немилость императора или потерпел поражение – войско так же быстро тает. У солдата нет никакого срока службы он может покинуть войско в любой день, когда сочтет, что уже достаточно испытал судьбу в боях.

Глядя на людей, которые располагались лагерем вокруг палатки дадьязмача Демесье, Булатович никак не мог свыкнуться с мыслью, что перед ним солдаты одеты они так же, как и все жители в этой стране, – ноги босы, а тело завернуто в шамму. Да еще у каждого при себе «лемд» – шкура барана или какого-нибудь дикого животного. Она защитит тело от колючек, если, преследуя врага, придется продираться сквозь заросли. Зато офицеры одеты так же пышно, как на приемах в императорском дворце белоснежные шаммы, золотые сабли и золотые узоры на львиных лемдах, серебряные уборы лошадей, львиные гривы на головах, как награда за особую смелость.

Все вознаграждение солдата за службу состоит из нескольких талеров в год и подарка – осла, мула или лошади. В тот день, когда Булатович прибыл в лагерь, солдатам раздавали талеры Марии Терезии, присланные Менеликом. По этому поводу в лагере царило большое оживление. Солдаты собирались группками, придирчиво рассматривали монеты не стерто ли лицо у изображения, достаточно ли рельефен бант на плече Марии Терезии? В Эфиопии не признают монет с изъянами, и потому на них ничего нельзя купить. Император Менелик попытался пустить в оборот монеты собственной чеканки (талеры Марии Терезии чеканят в Вене) и разного достоинства. Но эфиопы отказывались от мелких монет. Тогда император устроил во дворце лавку, где можно было на мелкие монеты купить хлеба, свечей, водки, меда, вина, мяса, выпить кофе или поесть. Чтобы заставить приближенных пользоваться лавочкой, он сам частенько заходил туда, дарил тем, кто оказывался в лавке, денег, заставляя купить что-нибудь съестное. Лавочка стала очень популярной. Но на любом базаре по-прежнему купить что-либо можно было или на новенький талер Марии Терезии, или на брусочки соли.

Кроме денег и подарков солдатам дают ружья и патроны – и все. О своем довольствии каждый солдат должен заботиться сам. При войске был такой обоз, с которым не смог бы сравниться арьергард ни одной из европейских армий! Почти каждый солдат отправился в военный поход с женами, детьми, слугами, если таковые у него имелись.

Поначалу эта стихийная армия показалась Булатовичу, прошедшему европейскую школу военной науки, неуправляемой, неорганизованной. Он не мог понять, как, обладая такой армией, Менелик II завоевал славу великого полководца. Впоследствии судьба не раз сведет его с эфиопскими войсками. Он увидит солдат Менелика не только на биваке, но и в походе, и в отчаянном сражении. И после этого он напишет об эфиопской армии: «Отношение ее к европейской можно уподобить отношению выезжанной лошади к невыезжанной. На первой поедет всякий, а на второй – только хороший ездок».

Дадьязмач Демесье болел и не выходил из палатки, но, узнав о приезде Булатовича, принял его со всем радушием. Да, действительно, войско готово к походу против Абдурахмана. Ждут только обоз с ружьями, за которыми уже посланы люди в Аддис-Абебу. Он, дадьязмач Демесье, почел бы за большую честь, если бы русский офицер сопровождал его в походе. Но как-то отнесется к этому его величество?

На следующее утро курьер повез в Аддис-Абебу два письма Булатовича – одно негусу с просьбой разрешить участвовать в экспедиции, другое с той же просьбой в Россию.

Прошли две недели томительного ожидания. Единственным развлечением была охота, бласто окрестные леса изобиловали дичью. Но император не отвечал, и 29 января Булатович в сопровождении одного слуги спешно выехал в Аддис-Абебу, чтобы лично предстать перед императором и во что бы то ни стало получить его согласие.

На четвертые сутки Булатович был в столице. Император подробно расспрашивал его о путешествии, не преминул высказать свое восхищение быстротой, с какой Булатович передвигался по трудным и опасным дорогам его страны. Что же касается экспедиции, то она отменялась. Абдурахман выразил готовность покориться, и его со дня на день ожидали с повинной в Аддис-Абебе. Войско же дадьязмача Демесье отправится в Каффу – оттуда пришли неутешительные вести, расу Вальде Георгису нужна подмога.

Булатович повторил свою просьбу присоединиться к дадьязмачу Демесье. Но негус решительно отказал этот поход опасен для европейца. Армия Вальде Георгиса участвовала в войне с Италией. У многих солдат в этой войне были убиты родственники или друзья. Могут найтись такие, которые в отмщение за убитого в первом же бою пристрелят белого человека.

И ничто – никакие просьбы и заверения Булатовича, что он берет всю ответственность за эту поездку на себя, – ничто не поколебало решения императора. Пришлось смириться. В утешение Менелик предложил Булатовичу поехать в Леку к дадьязмачу Габро Егзиабееру в его владениях начался сезон охоты на слонов. А быть в Эфиопии и не увидеть этого увлекательного поединка с гигантами джунглей – нельзя. И снова – в путь, на сей раз налегке. Мулы везли маленькую походную палатку и два выюка с подарками и одеждой. Каждый из четырнадцати слуг получил ружье, а при слоновом ружье системы Гра четвертого калибра с разрывными пулями, купленном в Аддис-Абебе за сто двадцать талеров, очень тяжелом и громоздком, состояло два человека, которые несли его попеременно. Булатович спешил он выехал 13 февраля и рассчитывал, поохотившись, поспеть на пароход, уходивший из Джибути в Европу 2 апреля.

Дорога пролегла в горах и оказалась очень трудной. Но караван уверенно продвигался вперед, делая днем, в самые жаркие часы, короткие привалы. Один такой привал особенно запомнился Булатовичу – это было в лагере ликамакоса Абаты. Хозяин для гостя зарезал барана. За столом все разговоры были о войне в Каффе, и хозяин, между прочим, рассказал о том, что он сам участвовал в походах негуса Менелика и за храбрость произведен в ликамакосы. Что это значит? Во время битвы ликамакос становится главной мишенью врагов. Он облачается в одежду негуса и, раскрыв красный зонтик, наблюдает за битвой, в то время как настоящий негус в простой солдатской одежде воюет в рядах своего войска.

Габро Егзиабеер, узнав о приезде Булатовича, выслал ему навстречу всех солдат, которые в то время находились в резиденции дадьязмача – Лекемти. Это был человек в высшей степени симпатичный, интеллигентный и умный. Он принадлежал к галласскому роду, который искони владеет Лекой. В свое время Лека добровольно покорилась Менелику и теперь платит ему дань – золотом, слоновой костью, скотом. После смерти своего отца дадьязмач крестился сам и крестил одну из своих трех жен, а двух других отдал приближенным. Менелик произвел его в дадьязмачи и оставил за ним все владения его отца, которые очень богаты и обширны, – на западе они граничат с землями Абдурахмана.

Габро Егзиабеер живо и интересно рассказывал европейцу о своем крае, об истории своего народа, его прежних обычаях, а также о слоновой охоте, в частности о последней, из-за которой он, дадьязмач, схватил жестокую лихорадку. Сезон дождей только что кончился, и высокая трава стояла стеной. Отряд дадьязмача окружил слонов и поджег траву. Но внезапно, неведь откуда налетел сильный, порывистый ветер. В мгновение ока он разнес огонь по всему полю, и пламя двинулось на людей. Охотники поздно это заметили, и неминуемая гибель грозила им всем стена огня и дыма стремительно приближалась. По счастью, поблизости оказалось болото. Охотники бросились в него и спрятались с головой в вязкую жижу. Огонь прошел над ними и все-таки прихватил с собой несколько жертв. Остальные же за спасение заплатили лихорадкой. Так что охота на слонов – дело серьезное, опасное, ее можно сравнить с военным походом.

На следующее утро отряд из восьмисот вооруженных человек выступил по дороге на север, по направлению к долине Голубого Нила. За отрядом шла походная кухня две служанки

несли за плечами в веревочных сетках выдолбленные тыквы с тестом. Местность была удивительно красива. Горизонт со всех сторон закрывали горы, перерезанные многочисленными речками и ручьями, берега которых поросли густым лесом. Всюду виднелись невысокие фруктовые деревья с ярко-зеленой блестящей листвой.

Десять дней разведчики бродили по окрестностям в поисках слоновьего стада. Часто встречались старые следы, новых же нигде не было. Провизия в отряде уже кончилась – предстояло возвращение в Лекемти. В последний день Булатович убил в реке гиппопотама. Охотники-галласы, обвязав тело животного лианами, вытащили его на берег и в одно мгновение съели. Так ни с чем отряд вернулся в город.

Но дадьязмач ни за что не хотел отпускать Булатовича, не показав ему охоты на слонов. На другой же день он собрал новый отряд – тысячу галласов, вооруженных копьями, и 4 марта этот отряд двинулся в места, где уже три года не велась охота на слонов.

Пять дней – с рассвета до заката – отряд бесплодно блуждал между реками Ангаром и Дидессой.

На ночлег останавливались на берегу какой-нибудь речки. Загорались костры, и старики галласы сходились на совет. Седые, с трубками в зубах, они сидели вокруг костра и чинно совещались куда идти дальше, где могут быть слоны.

Когда старики, обсудив планы на завтра, а иногда и погадав, принимали решение, в притихшем лагере звучали слова общей молитвы. Солдаты просили бога помочь им найти слова, отвратить от охотников ого клыки и хобот, а сатану просили не сердиться, не посылать на них «горо» – злого слона – и не поражать болезнью. Протяжное, жалобное пение было долго слышно в ночной тиши.

Наконец, 9 марта разведчики напали на свежий след. Отряд бросился в погоню кто верхом – рысью, а большая часть отряда бегом. В полдень разведчики принесли радостную весть: слоны отдыхают в тени деревьев у ближайшего ручья. Человек семьдесят – те, кто был на конях, в том числе и Булатович, – понеслись галопом к ручью, чтобы окружить стадо. И вдруг, проскакав километра три, всадники увидели прямо перед собой убегающих слонов. Это было громадное стадо – голов в сто. Высоко задрав хоботы, хлопая ушами, животные в панике бежали от людей. Булатович и некоторые его спутники успели выстрелить несколько раз, но слоны все-таки скрылись. На деревья, росшие по берегу ручья, уже взобрались галласы, вооруженные длинными копьями с наконечниками и лезвиями. Если такое копьё бросить с верхушки дерева на проходящего внизу слона, то оно может пронзить животное насквозь. Кавалеристы на той стороне ручья завернули слонов и зажгли траву. Слоны заматались в панике – им нигде не было спасения. С деревьев на них летели огромные копья, повсюду слышались ружейные выстрелы, и целый дождь мелких копий несся на них со всех сторон. Слон, в тело которого попадало копьё, выхватывал его хоботом из раны и кидал в кого-нибудь из людей. Иногда обезумевшее животное бросалось в погоню за человеком. Тот убегал, а другие охотники устремлялись за слоном, пытаясь его отвлечь. От слона спастись очень трудно, и Булатович собственными глазами видел, как слон бросился на конного галласа, выхватил его хоботом из седла, посадил на клык, а потом, кинув на землю, хотел его растоптать. К счастью, град копий, обрушившихся на слона, заставил его забыть о своей жертве и броситься на новых преследователей.

Раненый слон в течение десяти-пятнадцати минут еще убегал от врагов, но потом, обессиленный, падал, а к нему уже спешил тот, кто первым его ранил. Счастливый охотник отрезал хвост и кончик хобота – почетные трофеи! Не всякий может похвастаться ими.

Поле охоты было похоже на поле битвы. С треском горела сухая трава, не смолкали выстрелы и крики охотников – радостные или испуганные, ревели слоны и в ужасе бросались из стороны в сторону. Хоботом они захватывали с земли пучки травы и песок и бросали все это вверх. Потом галласы уверяли Булатовича, что то была молитва отчаявшихся слонов, которую они возносили богу.

Охота, а вернее сказать – избиение слонов, продолжалось до захода солнца. Вода в ручье стала красной от крови.

К вечеру подсчитали трофеи и потери. Убили сорок одного слона, три были добычей Булатовича. Из охотников погибло пять человек – троих раздавили слоны, а двое погибли от

выстрелов своих же товарищей.

Отряд с победными песнями возвратился в лагерь. Галласы оценили смелость европейца – убить трех слонов удастся далеко не каждому. И многие принесли ему в подарок свои копья – на них еще не высохла кровь слонов.

На другой день у костра снова собрались старики предстояло решить споры, кто первый ранил слона и, следовательно, имеет полное право на его хвост, кончик хобота и клыки. Такое побоище, какое было вчера на берегах ручья, не могло, конечно, не породить споров. Старцы терпеливо выслушивали всех, но пока молчали. Через несколько дней в лагере кончатся продукты, и голод сам отделит правых от неправых. Галлас, первым ранивший слона, скорее умрет, чем уйдет с поля охоты без законных трофеев. Те же, кто решил хитростью и подкупам получить эти трофеи, не выдержат голода и вернутся в город.

Так как на слонов европейца и его слуг (они убили двух животных) никто не посягал, Булатович собрал свои трофеи и поехал в Лекепти. На другой день он отправлялся в Аддис-Абебу. Дадьязмач подарил ему свою саблю и большой кубок из рога буйвола.

Слуги Булатовича были измучены непрерывными утомительными переходами. За 29 дней путешествия они отдыхали только полтора дня, все остальное время – дороги, опасности, а подчас и голод. Многие хромали – босые ноги были сбиты и исколоты. Но все были бодры, довольны успешной охотой и спешили в Аддис-Абебу, чтобы рассказать родным и знакомым о своей храбрости и показать добытые трофеи.

Император Менелик II дал Булатовичу прощальную аудиенцию. Негус выразил надежду, что еще увидит русского путешественника в Эфиопии, а в знак признания его смелости пожаловал ему боевой плащ из львиной шкуры и головную повязку с львиной гривой.

Вся европейская колония провожала Булатовича из Аддис-Абебы.

И снова горные тропы, шумный Харар, мрачная и безмолвная пустыня.

21 апреля из Джибути отошел французский пароход «Амазон», на котором Булатович покинул Африку. Он, конечно, мечтал еще раз приехать сюда, снова встретиться с гостеприимным и радушным народом. Но тогда он еще не знал, что его желание очень скоро осуществится.

* * *

В России А. К. Булатовича ожидало радостное известие он произведен в поручики, а за помощь отряду Красного Креста и за успешную экспедицию награжден орденом Анны 3-й степени.

Итогом его первого путешествия стала книга «От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи», изданная в сентябре 1897 года по распоряжению Главного штаба. Генерал-лейтенант А. П. Проценко в представлении об ее издании писал: «Труд этот представляет весьма интересный и богатый материал, изложенный сжато, но обнимающий географию страны, ее историю и государственное устройство, военные силы, характеристику управления, двора негуса и главных нынешних деятелей».

Эта книга действительно вполне оправдывает столь высокую оценку. И не только по причинам, о которых писал генерал А. П. Проценко.

Заслуга русского путешественника заключается прежде всего в том, что он впервые нанес на карту значительную часть речной системы юго-запада Абиссинского нагорья, указал и описал истоки нескольких рек. Эта область лежит к западу от Аддис-Абебы, примерно между восьмым и десятым градусами северной широты. Она обладает весьма сложным горным рельефом. Ответвляющиеся от возвышенностей Шоа и Каффы горные хребты перемежаются глубокими долинами, на дне которых стремительно несутся реки. Горные хребты образуют водоразделы притоков Голубого Нила, Собата и Омо. Разобраться в этом лабиринте гор, ущелий и долин нелегко. Вот, очевидно, почему А. К. Булатович допустил две ошибки, он отождествил верховья реки Гибье с верховьями реки Собат и предположил, что реки Баро и Собат соединяются. Эти заблуждения были им исправлены во время второго путешествия.

* * *

В Петербурге полным ходом шла подготовка к установлению официальных дипломатических отношений с Эфиопией. Первую русскую чрезвычайную дипломатическую миссию должен был возглавлять умный и опытный дипломат, выдержанный, спокойный и чрезвычайно добросовестный человек, П. М. Власов, бывший генеральный консул в Мешхеде, проживший много лет в Иране, а до этого в Иерусалиме. Он хорошо знал Восток, его обычаи, условия жизни. У российского правительства были все основания рассчитывать, что миссия, возглавляемая им, будет успешной.

14 июня 1897 года из Берлина пришло письмо Шведова, бывшего главы отряда Красного Креста, который рекомендовал включить в миссию поручика Булатовича как знающего амхарский язык, имеющего опыт в организации и ведении караванов в пустыне и в охране их. Кроме того, писал Шведов, этот офицер знаком со многими влиятельными лицами в стране и пользуется их симпатией, что очень важно для успеха предстоящей миссии. Кандидатура Булатовича почти не обсуждалась.

Итак, впереди снова была Африка, знакомая и полная загадок.

Отъезд дипломатической миссии был назначен на середину октября. В ведомствах и канцеляриях Петербурга составлялись описки членов миссии и состав казачьего конвоя, который должен был не только произвести впечатление на эфиопов своим блеском и выправкой, но и обеспечивать безопасность посольства на трудном пути из Джибути в Аддис-Абебу. Уточнялось снаряжение, размеры довольствия, подарки императору и его приближенным. И почти на каждом документе есть ссылка на «мнение поручика Булатовича». В докладной записке генерал-лейтенанта Проненко по поводу снаряжения есть, например, такие строки: «...необходимо еще назначить каждому особую сумму на представительство на месте в Абиссинии, приему туземцев, мелкие им подарки и наем туземцев-прислуги; расходы эти, по заявлению поручика Булатовича, совершенно необходимы для поддержания престижа русского имени и сообразны местным обычаям и образу действия других европейцев в Абиссинии...»

В состав конвоя Булатович рекомендовал назначить казаков из кавказских войск – они более привычны к трудным горным дорогам; неплохо иметь в конвое людей, советовал он, хорошо знающих устройство ручного огнестрельного оружия и горной артиллерии на случай, если потребуется преподать эфиопам некоторые инструкции по обращению с ними.

Возникло затруднение с переводчиками для миссии. В России не нашлось ни одного человека, который знал бы амхарский язык. Министр иностранных дел Муравьев запросил русского консула в Каире Кояндера, но тот ответил, что сношения Эфиопии с внешним миром до сих пор были слабые, поэтому мало кто из чужестранцев знаком с наречиями ее обитателей. Переводчиков обычно ищут среди эфиопов, но из них весьма немногие знают иностранные языки. Кояндер рекомендовал обратиться к французским властям в Джибути, которые могли бы выручить миссию на пути до Аддис-Абебы. У Менелика же есть два переводчика для бесед с иностранцами.

На том и порешили.

Сам Булатович тоже тщательно готовился к поездке. Но в это время Власов высказал еще одно соображение негус Менелик должен быть заранее извещен о предстоящем прибытии миссии в Аддис-Абебу. Иначе власти могут задержать посольство на границе, и нетрудно представить себе, какие кривотолки вызовет это в Англии или Италии. Конечно, можно было бы предупредить негуса через российское посольство в Париже и французских властей в Джибути. Но раз уж признано необходимым окружить миссию особой пышностью и подчеркнуть ее характер совершенно самостоятельного обращения России к негусу, то более целесообразно известить Менелика посылкой специального курьера, уже бывшего в этой стране и знакомого с ее обычаями, например поручика Булатовича.

Доложили царю, и тот согласился с этими доводами.

Теперь уже нужно было торопиться со сборами. Булатович обращается в Главный штаб с просьбой выдать ему три трехлинейные винтовки, восемь револьверов, сто винтовок-берданок

и патронов к ним. Кроме того, ему нужны инструменты для съемки местности и нанесения ее на карту. В недавнем путешествии к реке Баро ему так не хватало инструментов, а достать их в Эфиопии нельзя. Еще одна просьба Булатовича состояла в том, что он просил разрешить ему взять с собой состоящего при нем денщиком рядового Зелепукина, на которого он мог бы вполне положиться во всех трудностях и опасностях пути.

Все просьбы Булатовича были удовлетворены, и 10 сентября 1897 года он выехал из Петербурга в Париж, чтобы затем через Марсель и Джибути отправиться в Эфиопию. Из Петербурга были даны шифрованные телеграммы посланникам во Франции и Египте с предписанием оказывать ему всяческое содействие.

Не встретив в пути никаких неожиданных препятствий, Булатович благополучно прибыл в Аддис-Абебу 15 октября и предстал перед негусом Менеликом.

* * *

Для обоих встреча была радостной. Императору нравился этот отчаянно храбрый и умный офицер, который, казалось, не ведал, что такое страх, опасность, усталость и который бескорыстно старался помочь ему, императору, дельными советами. Среди европейцев Менелик не знал таких людей. Все они смотрели на Эфиопию как на место, где можно неплохо пожить. И почти всегда за их доброжелательными речами скрывались корыстные цели.

Булатович же, со своей стороны, отлично понимал и горячо одобрял дальновидную и мудрую политику Менелика II, преисполненного решимости не только отстаивать свободу и независимость своей страны, но и вернуть Эфиопии былое величие, объединив разрозненные области крепкой централизованной властью.

Булатович передал негусу письмо российского министра иностранных дел. Менелик читал его и был явно рад известию, содержащемуся в нем государь император всероссийский повелел своему действительному статскому советнику Петру Власову прибыть в столицу Эфиопии с особой миссией; поручик Булатович послан известить негуса о таковой монаршей воле и просить его оказывать господину Власову и сопровождающим его лицам полное содействие и внимание.

Менелик, расспросив Булатовича о Власове, выразил удовлетворение, что столь опытный в делах человек будет представлять при его дворе великую Россию, и заметил, что сейчас, как никогда, он нуждается в ее помощи.

Булатович не заметил особых перемен в Аддис-Абебе – это был все тот же тихий сонный город. Но в императорском дворце царило оживление. Четкий распорядок дворцовой жизни был явно нарушен к императору один за другим прибывали военачальники, а во дворце заседал военный совет под председательством самого императора. 20 октября Менелик объявил мобилизацию своих войск.

Что же происходило?

В конце 1897 года в Африке назревали события, которые должны были определить в конце концов ее будущее.

Как только Эфиопия заключила почетный для себя мир с Италией, в Аддис-Абебу немедленно прибыли посольства двух держав, которые оспаривали друг у друга право прибрать Африку к рукам, – Англии и Франции. Восточная Африка пока еще была полем дипломатических битв, но со дня на день можно было ожидать начала военных действий.

К югу от Эфиопии Англии принадлежали громадные владения – область Больших озер и истоки Нила; на севере она оккупировала Египет и фактически владела устьем Нила. Северные и южные владения Англии разделялись обширной территорией, занятой частично независимыми племенами, а частично – самостоятельным государством махдистов в Судане.

Франция владела обширными территориями на севере и северо-западе Африканского континента, а также в центре – в бассейне Конго. На востоке Африки Франции принадлежало побережье Таджурского залива.

Французское правительство, стоявшее тогда у власти, полагало, что Судан следует признать достоянием Турции, восточную часть будущей Экваториальной провинции отдать

Эфиопии, и западную часть присоединить к французским владениям в Конго. Тогда Англия не сможет объединить своих северных и южных колоний в Африке.

Следует отдать должное французам, они правильно оценивали сложившееся соотношение сил и ясно сознавали, что далеко не все лелеемые ими мечты удастся претворить в жизнь. Поэтому Франция справедливо полагала, что иметь своим соседом Эфиопию гораздо удобнее и безопаснее, чем Англию, что было очень скоро доказано на практике весьма досадным для самолюбия Франции знаменитым инцидентом в Фашоде.

Французский резидент при дворе Менелика II Лягард, даже не прибегая к двусмысленным и туманным намекам, дал понять негусу, что правительство Франции отнюдь не собирается чинить ему препятствий, если он пожелает отодвинуть свои границы на юге и юго-западе.

Впрочем, негус не нуждался в подобных разрешениях или поощрениях. Он прекрасно понимал, что, овладев свободными территориями, англичане двинутся дальше – в Эфиопию. Менелик не скрывал своих притязаний на земли, примыкавшие к западным и юго-западным границам Эфиопии, и старался использовать соперничество Англии и Франции.

Специальное посольство Великобритании, возглавляемое Реннелом Роддом, было принято императором, мягко говоря, прохладно. Менелик на переговорах заявил, что Эфиопия считает своими территории, расположенные между четырнадцатым и вторым градусами северной широты и от побережья океана на востоке до правого берега Белого Нила на западе, и что он, император, будет отстаивать эти свои притязания.

По возвращении посольства в Англию ее правительство поспешило принять меры, которые должны были помочь осуществить намеченные планы. Двадцатитысячный корпус англо-египетских войск под начальством генерала Китчера после захвата Хартума предполагалось двинуть дальше на юг, а навстречу ему, с юга, из Уганды должен был направиться отряд майора Макдональда и занять все верхнее течение Белого Нила, течение реки Джубы и устье Омо. Таким образом, англичане намеревались захватить не только все земли, прилегающие к верхнему и среднему течению Нила, но и области, непосредственно граничащие с Эфиопией. Однако этим замыслам не суждено было осуществиться, и не только потому, что взбунтовались солдаты Макдональда, махдисты упорно сражались в Судане, а буры отвлекали силы Англии в Трансваале.

Менелик уже давно с тревогой следил за интригами колониальных держав и за тем, как они поработали свободные племена и народы. Еще в 1891 году негус весьма твердо и определенно заявил, что не останется сторонним и пассивным наблюдателем, если европейские державы станут делить между собой некогда принадлежавшие Эфиопии земли. Менелик решил восстановить древние рубежи страны на западе и юге вплоть до правого берега Белого Нила и озера Виктория. И эти свои намерения Менелик неуклонно проводил в жизнь. За последние десять лет территория Эфиопии удвоилась.

Император Эфиопии хотел показать англичанам и французам, что он не только претендует на территории между Белым Нилом и Индийским океаном, но и в состоянии подтвердить свои намерения действием. К берегам Белого Нила отправлялись три экспедиции. Рас Меконнен с тридцатитысячным отрядом шел на завоевание области Бени-Шенгул, правитель которой Абдурахман хоть и высказал желание мирно покориться, но так и не явился в Аддис-Абебу. Армия дадьязмачей Тасама и Демесье должна была идти к нижнему течению Собата и к Белому Нилу. И, наконец, рас Вальде Георгис, правитель недавно завоеванной Каффы, двигался на юго-запад, чтобы присоединить к империи все свободные территории, утвердиться на озере Рудольф и выйти на крайний южный рубеж империи – на второй градус северной широты. Император охотно делился с Булатовичем планами предстоящих доходов. Если они увенчаются успехом, то Англия вряд ли отнесется к этому спокойно. Так что столкновение с Англией император предвидит и готовит ся к нему. Почему он советуется с русским офицером? Потому что у России нет в Африке корыстных интересов, она не участвует в дележе того огромного пирога, который зовется Африкой. В то же время в борьбе Эфиопии с европейскими державами России, конечно же, выгоднее победа Эфиопии, так как вряд ли она желает усиления Англии.

Менелик поинтересовался, как русский офицер относится к его завоевательным планам.

Булатович много размышлял об этом. Непрестанно шедшие войны в Африке будоражили

Европу. И Булатович считал, что в стремлении расширить пределы своих владений Менелик делает новый шаг к утверждению и развитию своей империи, которая издавна объединял! все родственные племена на Абиссинском нагорье и несла им свою, более высокую культуру. Поэтому русские не могут не сочувствовать этим намерениям Менелика. Но есть здесь кроме политического еще и нравственный аспект. Хотя сам он, Булатович, европеец, он не может закрывать глаза на то, к чему ведут завоевания европейцами отсталых племен. Покорители обращают покоренных в рабов или вовсе истребляют, как это было с индейцами Америки.

Эфиопия же проводит иную политику на завоеванных землях. Ни одно племя не стерто ею с лица земли. Покоренный народ сохраняет свои обычаи, веру, свою самобытность. Через Эфиопию к недавно еще диким племенам, несомненно, придет впоследствии более высокая культура.

– Мы, русские... – сказал Булатович, – не можем не пожелать единоверческому нашему народу, чтобы он приобщился к лучшим завоеваниям европейской цивилизации, сохранив за собой свободу, независимость и тот клочок земли, которым владели его предки и который у него хотят отнять наши алчные белые собраты.

В конце беседы Менелик предложил русскому офицеру отправиться в военный поход с одной из экспедиций. Это было как раз то, чего Булатович тщетно добивался в свой прошлый приезд. Конечно, он готов выехать и если императору будет угодно, то хотел бы побывать в Каффе. Ведь войско Вальде Георгиса пойдет по совершенно неисследованным землям. Ни один европеец до сих пор не проникал дальше северных границ Каффы.

Каффа до завоевания ее Эфиопией была надежно защищена от путешественников не только горами и джунглями, но и своими законами, по которым ни один чужестранец не мог переступить ее границ, а купцов, вывозивших из Каффы золото, кофе и слоновую кость, пукали лишь в приграничный город Бонга.

Кроме того, маршрут похода Вальде Георгиса позволял Булатовичу решить одну из неразгаданных географических тайн: куда впадает одна из главных рек Эфиопии Омо? В озеро Рудольф или в Нил? Если Омо – не верховье Собата, то где его истоки?

Император Менелик вручил Булатовичу письмо, адресованное Власову. К тому времени Власов прибыл уже в Джибути и как глава дипломатической миссии, в состав которой входил Булатович, должен был дать согласие на эту поездку.

Ждать, когда Власов прибудет в Аддис-Абебу, времени не оставалось. Выступление Вальде Георгиса из Андрачи, столицы Каффы и резиденции расы, было назначено на первые числа января. Необходимо срочно ехать в Джибути, а затем, вернувшись в Аддис-Абебу и собрав отряд, отправляться в Каффу. И весь этот путь, длиной две тысячи километров, нужно было проделать за полтора месяца.

Не медля ни дня, сразу же после аудиенции у Менелика, Булатович выехал в Джибути. При нем не было ни багажа, ни запасов продовольствия – только бурка для защиты от ночных холодов да оружие. На двенадцатый день в Баяде, что в шести часах пути от Джибути, он встретился с русским посольством, направлявшимся в Аддис-Абебу.

Булатович рассказал Власову о том нетерпении, с которым негус ожидает русского посла, и вручил ему письмо Менелика и свою докладную записку, которая сразу же вводила Власова в курс всех событий, происходивших в Эфиопии.

В секретном донесении в Петербург, посланном из Харара, Власов писал: «Так как Менелик, в сказанном Письме своем, выразил желание, чтобы поручик Булатович сопровождал южный отряд его войск, высылаемых через Каффу, к истоку озера Альберт и далее к Ладю, на Ниле, то есть состоял в самой интересной, важной и трудной из четырех экспедиций, предпринимаемых Абиссиниею к верховьям Нила, то я не счел себя вправе отказать на то в моем согласии. Причем строго внушил Булатовичу воздерживаться от какого-либо активного участия в делах абиссинцев, ограничиваясь ролью лишь частного зрителя».

Получив от Власова письмо к императору Менелику, переменяя слуг и мулов, которые не смогли выдержать таких темпов и трудностей пути, Булатович выехал обратно в Аддис-Абебу. Поездка оказалась крайне тяжелой. Днем стояла невыносимая жара, а ночью, перед рассветом, температура воздуха падала до минус двух градусов. Холод особенно давал себя чувствовать на перевалах через горы Черчера. У Булатовича сильно болели ноги – начинался ревматизм.

Болезнь причиняла такие страдания, что иногда он не мог один, без помощи слуг, сесть в седло. И все-таки через десять дней, 20 декабря, он снова предстал перед Менеликом.

Негус был поражен быстротой передвижения Булатовича по трудным дорогам его страны и оказал, что русский офицер подобен птице – для него как будто не существует труднодоступных гор, знойных пустынь и дальних расстояний.

На формирование отряда ушла неделя. Булатович купил восемнадцать мулов и несколько лошадей, вьючные седла к ним. Предстояло самое трудное – набор людей. Ведь от их преданности и самоотверженности часто зависит успех экспедиции. Но люди, бывшие с Булатовичем в его первом путешествии, услышав о возвращении в Эфиопию своего начальника, снова пришли к нему и привели из деревень своих родичей. Булатович отобрал тридцать человек и распределил между ними обязанности.

Багаж Булатовича был невелик оружие, патроны, одежда, ящик с аптекой, ящик с фотографическими принадлежностями, геодезические инструменты, продукты, рассчитанные на пять дней, подарки.

26 декабря вечером Булатович писал в Петербург генерал-лейтенанту А. П. Пропенко: «Что касается до меня, то я уже попрощался с Менеликом, у меня уже все уложено и завтра надеюсь выступить. Надо быть, конечно, на все готовым. И потому я позволю себе, ваше превосходительство, от всей души поблагодарить Вас за ваше доброе отношение ко мне».

Он понимал, что из Каффы можно живым не вернуться.

* * *

Что же было известно о Каффе перед путешествием Булатовича? Сведения эти были очень скудны и носили самый общий характер.

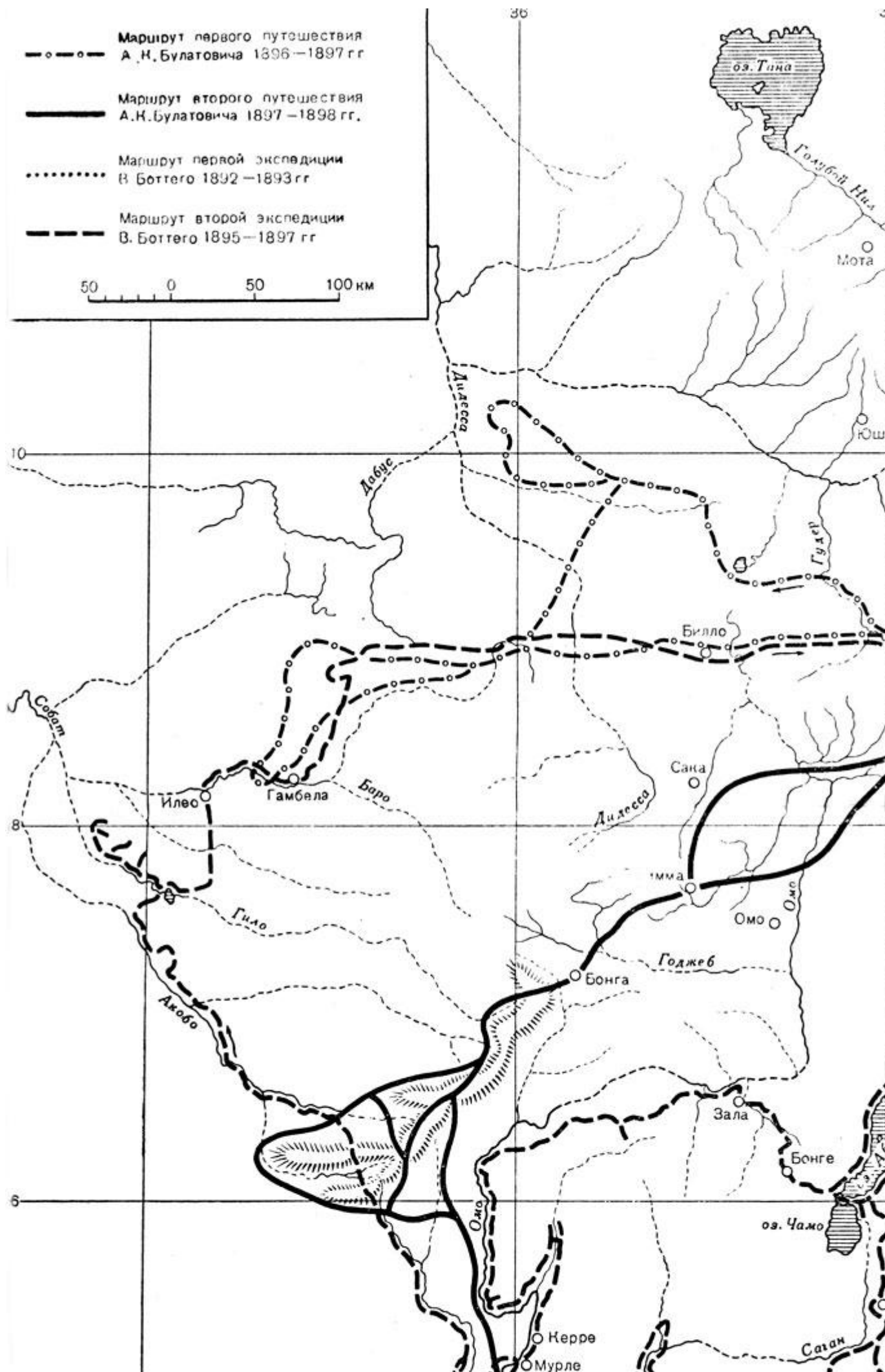
Государство Каффа возникло, вероятно, в конце XIII века. Оно было основано народом гонга, который в с тех пор стал называть себя каффичо. Откуда пришел этот народ, где место его первоначального обитания – об этом сохранились лишь устные предания. Одна из легенд рассказывала, что каффичо пришли сюда, на это плоскогорье, поросшее непроходимыми тропическими лесами, с берегов Нила, а случилось это в давние времена, семьдесят поколений тому назад.

...В тот год бог солнца Хекко гневался на страну и иссушил священные воды Нила. Опустели поля – их покрыл желтый песок пустыни, который нес людям голодную смерть. И тогда решили люди, собрав последние силы, идти вверх по Нилу, туда, где, по словам лодочников, лея^т в горах плодородная страна, где не бывает засухи и бескормицы.

Неделя за неделей шли люди через пустыню. И вот однажды далеко-далеко впереди, где небо касалось земли, увидели они высокие горы. Земля обетованная была близка. Ее окружали горы и покрывали густые леса, а над нею в голубом небе ярко сиял Хекко. И в благодарность ему совершили старейшины жертвоприношения и поклялись, что будут на новой земле хранить в чистоте старую веру и старые обычаи...

Но это легенда, красивая сказка о великом переселении сынов Нила в страну Каффа. А достоверно было известно лишь то, что все, кто за время существования царства Каффы отважился приблизиться к его границам, были изгнаны или убиты. Почему этот народ так упорно скрывал свою жизнь, предания, обычаи?

В средние века все племена, жившие на Абиссинском нагорье, в том числе и каффичо, объединились в могущественное государство – Эфиопскую империю. К началу XVI века эта империя была так велика и сильна, что один из ее императоров, пегус негести Лобне Дангель (Давид II), молился богу о ниспослании ему врагов. Уже сорок восемь народов покорились императору. Однажды Лебне Дангель собрал свое огромное войско, и стан его растянулся от Гондара до Годжама. При виде своего могущества и горюя, что ему не с кем помериться силой, негус приказал солдатам бить землю кнутами и сжег кучку ладана, дым которого поднялся к небу. Видимо, его молитвы были услышаны.

В XVI веке на Абиссинское нагорье вторглись племена оромо. Дикие мусульманские полчища султана Сомали Мухаммеда Гранье отделили Каффу от Эфиопии. Каффа, однако, сумела отстоять свою независимость. Изолированная от разоренной и раздробленной Эфиопии, она сохранила, а затем и приумножила свое могущество. Уже в начале XIX века ее царю подчинялось около сорока племен и народностей, которые платили ему щедрую дань. Царь Каффы был верховным собственником земли, своих подданных и их имущества. Значительную часть населения Каффы составляли рабы. В 1854 году на каффский престол вступил царь Кайе Шерочо. Власть царя ограничивалась советом семи микиречо, старейшин, представителей семи наиболее влиятельных племен. Без совета старейшин царь не имел права принимать ни одного важного решения. Более того, микиречо неотступно следили за тем, чтобы царь соблюдал все предписанные ему религией обязанности и ограничения. Ведь царь был не только верховным жрецом, но и живым богом, поэтому от того, как он выполнял обряды и соблюдал обычаи, зависели благополучие и безопасность страны.

Когда царь умирал, микиречо из его сыновей выбирали ему преемника. Отношения, характерные для восточной деспотии, сочетались в Каффе с обычаями родового строя. Да и рабство, широко распространенное в Каффе не только среди знати, но и среди простых людей, имело примитивный, патриархальный характер рабы и их дети считались членами семьи, жили на земле хозяина и даже могли вести собственное хозяйство с его разрешения.

В рабство было обращено древнейшее население этих мест – негроидные племена мандшо. Отряды воинов мандшо несли караульную службу на всех путях, ведущих в Каффу, и никого не пропускали в страну.

В конце XVII века в некоторых странах Европы, в самых богатых домах, стали пить удивительно ароматный напиток, возвращавший людям бодрость, снимавший сон и усталость. Это был кофе, который ценился тогда на вес золота. Его покупали у арабских купцов, и никто не подозревал, что название этим драгоценным зернам дала их родина – Каффа.

Тогда же, в конце XVII века, появилось первое упоминание о Каффе в европейской литературе. Но существу, это было только название страны – «Сафа». О ней упомянул в изданной в 1660 году истории Эфиопии португалец Бальтазар Теллеш на основании сообщения своего соотечественника иезуита-миссионера патера Антонио Фернандеша, который в 1613 году побывал в соседних с Каффой странах.

Только через сто тридцать лет до Европы снова дошли весьма скудные вести о Каффе. В самом конце XVIII века английский путешественник Джеймс Брюс, открывший истоки Голубого Нила, называет Каффу в описании своих странствий и сообщает о ней некоторые подробности.

К середине XIX века на картах Африки более или менее точно обозначается расположение Каффы. Француз Т. Лефевр, многие годы проживший в Эфиопии, пытается собрать все то, правда очень немного, что стало к тому времени известно о Каффе преимущественно из расспросов побывавших там эфиопов.

И, наконец, в 1843 году первый европеец переступил заветные границы – Антуан д'Аббади, выдающийся французский исследователь Эфиопии, прожил в запретном царстве одиннадцать дней, по дальше пограничного города Бонги, несмотря на все попытки, проникнуть не мог. Однако за этот короткий срок он успел сделать ценные геодезические измерения. Кроме того, д'Аббади собрал немало сведений о Каффе во время своих долгих путешествий по Эфиопии.

Почти два года – с октября 1859 по август 1861 – прожил в Бонге монах ордена капуцинов, впоследствии кардинал Г. Массай, глава католической миссии. Однако он слишком усердно приобщал к «истинной вере» местных жителей, и царь Кайе Шерочо попросил его покинуть пределы Каффы значительно раньше, чем рассчитывал Массай. Позднее в Риме кардинал Массай написал двенадцать томов о своем пребывании в Эфиопии. Один из них целиком посвящен Каффе, ее жителям, их обычаям и нравам. И хотя кардиналу приходилось писать по памяти – его дневники пропали, – сведения Массай имеют большую ценность, так как относятся к годам расцвета независимого Каффского царства.

Во второй половине прошлого века европейцы предприняли несколько попыток

проникнуть в Каффу. Особое рвение проявляли итальянцы. Капитан Чекки и доктор Кьярини достигли области Гера, лежащей к северу от Каффы. Здесь их задержали. С трудом, используя хитрость и силу, итальянцам удалось освободиться. В июне 1879 года они в течение недели шли по северным районам страны и, миновав Бонгу, проникли в область Кор, что находится северо-западнее Каффы. Доктор Кьярини не выдержал трудностей пути и скончался в октябре того же года. Чекки издал довольно подробное описание Каффы и ее жителей. Отчет включал также словарь и грамматику языка каффичо.

Одним из немногих европейцев, которым довелось побывать в этой почти легендарной стране перед утратой ею независимости, был француз Пьер Солейе. Он пробыл в Каффе всего десять дней и познакомился лишь с ее северными окраинами. Это было в декабре 1883 года.

Таким образом, до Булатовича лишь пятеро европейцев побывали в Каффе, но ни один из них не проник в глубь страны.

В конце 1896 года, когда Булатович отправился в свое первое путешествие по Эфиопии, рас Вальде Георгис во главе громадного войска двинулся на юг, к до сих пор непобедимому царству Каффа. Эфиопы без особой охоты шли в этот поход ведь шесть предыдущих не увенчались успехом. Горные дороги были трудны, а леса непроходимы. Но Каффа богата, а полководец, рас Вальде Георгис, на недавнем обеде в императорском дворце поклялся, что покорит ее, а царя приведет в Аддис-Абебу с камнем на шее.

Каффские солдаты заметили приближение эфиопов, и в ночи раздались удары сигнальных барабанов. Барабаны войны понесли по ущельям и горным тропам в столицу Каффы весть о великой опасности.

Гаки Шерочо, бог-царь, всегда скрытый от глаз своих подданных белыми одеждами, призвал жрецов на совет. Царь Каффы был молод, энергичен, он знал, как предан ему его народ, и решил сопротивляться до последней возможности. Народу передали его повеление – уничтожить все запасы хлеба, чтобы голод заставил эфиопов уйти из Каффы. Верховный жрец от имени царя-бога призвал народ к оружию. И в ту же ночь эфиопы увидели, как на том берегу реки, на всех вершинах гор зажглись костры – священные огни войны. Вальде Георгис и его воины поняли, что Каффа будет упорно сопротивляться.

Наутро армия Вальде Георгиса перешла границы Каффского царства. Каффичо бесстрашно встретили ее копьями и стрелами, но они были бессильны перед пулями. Самые храбрые и мужественные воины падали замертво, сраженные ружейным огнем.

Тогда Гаки Шерочо приказал своим воинам отступить, заманить врага в густые леса и там поразить отравленными стрелами. В тот же день он повелел одному из своих жрецов спрятать царскую корону и священные регалии Каффского царства в надежном месте, в глухом лесу, потому что древнее предание гласило пока золо тая царская корона с золотым о трех концах фаллосом, символом силы и мужества, находится в стране, Каффа будет свободной. Войска Вальде Георгиса быстро продвигались в глубь страны. Их путь был отмечен пожарищами и трупами. Вскоре они вошли в Андрачи, но считать себя победителями не могли. Каффичо ушли в леса и из засад обрушивали на завоевателей тучи отравленных стрел. В тех же лесах укрылся и царь, а пока он на свободе, каффичо не признавали себя побежденными. В прежних походах эфиопское войско не раз разоряло Каффу, но победители всегда уходили – начинался голод, потому что каффичо угоняли в леса весь скот, а дожди приносили болезни. Царь Каффы возвращался из джунглей в столицу, его подданные заново отстраивали дома, и Каффа продолжала жить – свободная, как раньше.

Вальде Георгию разделил свою армию на отряды и разослал их в разные концы страны. Они опустошали и разоряли ее, захватывали пленников, но Гаки Шерочо был неуловим.

Разведчики донесли Вальде Георгису, где скрывается царь. Воины раса окружили эту область и поставили на всех дорогах и тропинках заставы, через которые не мог проскочить невидимым даже зверь.

Гаки Шерочо приходилось туго. Его жены, кроме одной, самой любимой, попали в плен, свита погибла, и только несколько верных слуг помогали ему скрываться. Восемь месяцев – жил он в лесах, с трудом добывая пищу, не имея крова над головой. Его смелость и мужество поражали эфиопов. Среди воинов ходили слухи, что каффский царь, одетый в простую одежду, появляется в лагере раса и, никем не опознанный, снова уходит в лес.

Но и Вальде Георгису было нелегко. Продовольствие кончилось, от болезней и голода пали мулы. Наступил сезон дождей, горные и лесные дороги сделались непроходимыми. В войсках начались эпидемии – спутники всех войн. Солдаты требовали, чтобы рас ушел из разграбленного опустевшего края. Вальде Георгис всячески оттягивал отход, каждый день ожидая известия о поимке царя. В Каффе полегло много его воинов, и он не мог смириться с мыслью, что жертвы эти окажутся напрасными.

Чтобы как-то успокоить солдат и воодушевить их, он отдал им на разграбление не тронутую до того область Геше. Набег укрепил боевой дух солдат, но ненадолго. Добытая еда скоро кончилась, голод и болезни валили людей. Половина населения Каффы погибла от эфиопских пуль, не осталось на ее земле ни одного неразоренного города или селения, а Вальде Георгис все еще не мог сообщить Менелику о своей победе.

Но вот 14 августа 1897 года с южных застав прискакал гонец и привез известие, что Гаки Шерочо взят в плен. Он пытался уйти из Каффы на юг и скрывался в приграничном лесу. Вечером один эфиопский солдат, разыскивая в лесу своего мула, нечаянно наткнулся на царя. Тот выпустил в солдата два копья, но промахнулся. Теперь у него не было надежды на спасение.

А за несколько дней до этого воины Вальде Георгиса выследили жреца, прятавшего в лесу священные царские регалии. Жрец был убит, а золотая корона, зеленая мантия и золотой меч отправлены в Андрачи расу.

В ноябре Вальде Георгис возвратился в Аддис-Абебу победителем. Он принес Менелику царскую корону и регалии Каффы, а плененного царя-бога, последнего царя Каффы, Гаки Шерочо привел с собой.

На большом поле перед королевским дворцом собрались подданные Менелика П. В императорский дворец впустили лишь избранных – тех, кто отличился в походе на Каффу.

Большой тронный зал был празднично украшен. Над тронном, инкрустированным золотом и обитым бархатом, нависал тяжелый балдахин с золотой каймой. Вокруг трона стояли мальчики из знатнейших семей и держали в руках зажженные свечи. Император вошел в зал и поднялся на трон. Как и положено по строгому придворному этикету, слуги натянули перед тронном большие белые занавеси народ не должен видеть, как император опускается в кресло.

Наконец, занавеси раздвинулись. Рядом с императором стоял Вальде Георгис.

Но вот загремели барабаны. Толпа замерла.

У первых, закрытых ворот императорского дворца в окружении жрецов появился царь Каффы Гаки Шерочо. В последний раз он надел на голову золотую корону, накинул на плечи зеленую мантию, вышитую золотом, взял в руки золотой меч. Лицо его скрывала ослепительно белая шамма.

Трижды верховный жрец стучал в ворота и просил разрешения войти. Ворота медленно раскрывались. Та же церемония повторилась перед вторыми и третьими воротами, и, наконец, Гаки Шерочо предстал перед негусом негести. Жрецы покинули его, а белая шамма упала вниз.

Вальде Георгис медленно подошел к Гаки Шерочо, снял с него ко, рону, мантию, взял золотой меч и торжественно передал регалии Каффы императору Эфиопии. Затем он взял большую черную шамму и набросил ее на плечи низложенного, отрекшегося от власти царя.

Жрецы вывели Гаки Шерочо на площадь перед императорским дворцом. Он сел на выведенного к нему мула и с обнаженной головой и камнем на шею – знаком рабства – вновь двинулся к трону. Опять началось унижительное шествие через трое ворот, и вот, наконец, Гаки Шерочо вновь приблизился к трону и упал ниц, к ногам императора.

Вождь Мигеро (Каффа) с сыном. Собрание М. И. Лебединского (1898 г.)

Тогда император велел Гаки Шерочо подняться и сбросить с шеи позорный камень. В тронный зал слуга ввел раба. Рас Вальде Георгис еще раз подошел к Гаки Шерочо и наложил на его шею тяжелую серебряную цепь. К другому концу ее приковали раба. Так император Менелик вынес свой приговор. Отныне последний царь побежденной Каффы будет пленником Эфиопии...

27 декабря в полдень Булатович во главе своего отряда выехал из Аддис-Абебы в Андрачи, бывшую столицу Каффского царства, а ныне резиденцию раса Вальде Георгиса.

На второй день отряд спустился в долину Аваша – широкую красивую равнину, обрамленную на горизонте громадами гор. Одна за другой тянулись галласские усадьбы – большие круглые хижины под соломенными крышами среди хорошо возделанных полей.

Долина Аваша осталась позади, начались горы. На одной из вершин Булатович увидел небольшую крепость, окруженную высоким частоколом и рвом с водой. На соседнем холме в тени громадных смоковниц пряталась церковь, а по склонам ютились домики солдат. Это резиденция дадьязмача Хайле Мариама. Но людей в крепости почти нет. Хайле Мариам и его солдаты ушли в поход с армией раса Меконнена.

На следующее утро дорога пошла вверх, на гребень горы Денди. С горы открывалась сказочная картина внизу, в огромной зеленой чаще зеркало голубое, как небо, озеро, опоясанное густой зеленью громадных деревьев, а вокруг теснились дикие неприступные скалы. Из этого озера вытекает река Улука, которая несет свои прозрачные воды в Голубой Нил.

Внизу к одной из отвесных скал прилепилась усадьба фитаурари Абте Георгиса, командира гвардии Менелика II. Отсюда и до самой Джиммы тянулись его владения.

Абте Георгис сам встретил Булатовича и провел его в дом, где гостя уже ждал обед.

Император считал Абте Георгиса одним из самых отважных военачальников. Абте Георгис – сын главы маленького галласского племени. Когда воины Менелика покоряли галласов, то, согласно обычаям, детей знатных родов покоренного племени они забирали и приводили ко двору негуса. При дворе Абте Георгис прошел курс наук, проявил хорошие способности и отличился под Адуа. Менелик сделал его начальником гвардии. Это был человек необыкновенной храбрости. Должность обязывала его в любом военном походе быть всегда впереди и первым атаковать противника.

На следующее утро караван Булатовича снова двинулся в путь по дороге, ведущей в Джимму. Булатович тепло простился с Абте Георгисом и подарил ему отличный клинок знаменитой на весь мир златоустовской стали.

Утро выдалось холодное, дул сильный ветер, и босоногие полуголые слуги Булатовича, дрожа, бежали рядом с мулами, чтобы согреться. А впереди отряда ехал на Муле проводник – старый галлас, в живописном плаще, в соломенной шляпе, с зонтиком в руках и длинным копьём на плече. Когда-то он был царьком племени и никак не мог расстаться со знаками своего бывшего величия.

Отряд шел без отдыха уже девять с половиной часов и, перейдя реку Уальгу, остановился на отдых. Сильный ветер перешел к ночи в ураган. Но утром все стихло, и отряд снова двинулся в путь. Теперь дорога шла по пустынной равнине, которая тянулась вдоль реки Гибье. Был канун нового, 1898 года, и снова, во второй раз, Булатович проводил новогоднюю ночь в африканской глуши. На биваке Зелепукин ухитрился подстрелить дикую козу, и новогодний ужин удался на славу суп, жаркое и хороший кофе с ликером.

На следующий день дорога вывела отряд на высокое крутое плато. Внизу, метрах в восьмистах, вилась река Гибье. Булатович заглянул вниз – от такой крутизны с непривычки может закружиться голова. Узкая тропинка уходила вниз. Казалось, что пройти по пей нагруженному мулу невозможно. Но мулы, ступая спокойно и осторожно, уверенно шагали с камня на камень над самой пропастью.

Гибье, берущая начало в горах Гудера, течет здесь в узком и глубоком ущелье, а вырвавшись из гор, бежит на юг, широко и привольно разливаясь по равнине. И здесь ее называют Омо.

Реку перешли вброд и остановились на ночлег. Проводники предупредили путешественника в этих местах водятся хищники. Всю ночь вокруг маленького лагеря горели костры и перекликались караульные.

2 января отряд прошел лес, тянувшийся узкой полоской вдоль русла Гобье, и поднялся на высокий берег, где была застава, охраняемая несколькими галласами. Здесь начиналась Джимма – одна из самых плодородных и богатых областей Эфиопии. В Джимму по караванным дорогам идут купцы – арабы, амхарцы и галласы, чтобы обменять заморские материи, оружие и бусы на кофе, мускус, слоновую кость, мед, воск, хлеб и лошадей.

Теперь дорога шла по очень красивой, густо населенной местности. Пустующих земель вокруг совсем не было, так как галласы, населяющие Джимму, выращивают хлеб не только для себя и для уплаты налогов, но и на вывоз.

Народ Джиммы всегда жил сравнительно богато и занимался торговлей. Поэтому он не отличался боевыми качествами и предпочитал быть данником сильнейшего соседа – сначала Каффы, затем негуса Годжамского и, наконец, с 1886 года, негуса Менелика. Управляет Джиммой царь Аба-Джефар. Он независим в своих действиях, но платит Менелику дань – деньгами, медом, слоновой костью, мускусом, железом, хлебом и т. д. – и выполняет обязательные для всей империи законы и указы.

Дороги в Джимме были на редкость хороши. Во всей Эфиопии не встречал Булатович таких – широкие, ровные, обсаженные деревьями, с мостами через речки и канавы. Здесь строго соблюдается дорожная повинность каждый владелец земли, под страхом тяжелого наказания, обязан содержать дорогу в порядке. Отряд Булатовича продвигался быстро. Навстречу то и дело попадались торговые караваны. Погонщики окружали тяжело нагруженных мулов и лошадей. Сзади важно восседал на своем муле хозяин в фетровой шляпе и с соломенным зонтиком в руках. За караваном плелись женщины – служанки и жены погонщиков, которые в пути вели хозяйство. Вечером, когда солнце садится за горизонт, погонщики выбирают близ

дороги одну из громадных смоковниц и разбивают палатки. У большого костра снуют женщины, мужчины режут серпами на ночь траву для мулов; поужинав, путники усаживаются вокруг костра, и начинается бесконечный разговор. Иногда кто-нибудь затягивает грустную, протяжную мелодию. Но вот гаснет костер, и в лагере до восхода солнца воцаряется полная тишина.

На всех дорогах Джиммы устроены заставы. Вооруженные галласы открывают путь любому каравану, везущему в Джимму товар. Но ни один караван не может выехать из Джиммы без разрешения правителя и выплаты дани. Если он дает такое разрешение, то караван идет до заставы в сопровождении особо назначенного человека, вооруженного копьем с двумя лезвиями.

Вдоль дороги часто попадаются базары, где женщины продают хлеб и пиво, – путник на дорогах Джиммы не умрет от голода.

Женщины показались Булатовичу очень привлекательными. Но почему они так угрюмы, забиты? Может быть, это печать мусульманства, которое исповедуют галласы Джиммы?

4 января к вечеру отряд Булатовича вступил в город Джерен – столицу Джиммы. Город был расположен у подножия хребта, а на одном из высоких холмов красовался дворец Аба-Джефара. Булатович направился к воротам. Его неожиданный приезд произвел во дворце переполох. Навстречу вышел азадж – управляющий дворцом и пригласил путешественника к правителю.

Булатович вошел во двор, разделенный заборами из бамбука на множество маленьких двориков. Затем его провели во двор, где находилась опочивальня правителя. Здесь же высилось двухэтажное здание с узкими окошками и пестро раскрашенной галереей, окруженное высоким забором и зарослями бананов. Тут жили в заточении две жены Аба-Джефара и две его наложницы.

Царь Джиммы сидел около очага в окружении приближенных. Он поднялся со своего места и поздоровался с гостем по-европейски, за руку.

Ото был молодой красивый человек. Лицо его обрамляла густая черная борода. Курчавые волосы были коротко острижены. Громадные золотые перстни блестели на пальцах.

Теперь Аба-Джефар считался одним из послушнейших вассалов Менелика II. Но так было не всегда. Через два года после присоединения Джиммы к Эфиопии Менелик заметил, что Аба-Джефар чрезмерно увеличивает свое войско и переманивает эфиопских солдат к себе на службу. Менелику это не понравилось, и он заточил Аба-Джефара на год в Анкобере. Когда Аба-Джефар отбыл наказание, он вновь получил от Менелика престол Джиммы. И с тех пор он ничем не навлекал на себя гнев императора.

На ломаном амхарском языке царь расспрашивал путешественника про дорогу, осведомился о его самочувствии, а затем извинился и попросил подождать настало время вечерней молитвы. Мальчик-слуга внес в покои серебряный таз и кувшин, и Аба-Джефар, как и положено мусульманину, омыл руки, ноги, грудь, голову, плечи. Затем он поднялся на белую каменную площадку, покрытую циновкой, и обратившись лицом к востоку, начал молиться.

В темноте ярко пылал костер, и в его свете картина моления казалась фантастической. Фигура царя, задрапированного в белую шамму, четко выделялась на фоне ночного неба. Он перебирал в руках четки, клал земные поклоны.

Но вот молитва окончилась, и прерванный разговор возобновился. Слуги внесли большой глиняный кофейник и угостили приезжих ароматным кофе.

А потом царь приказал проводить гостя и его слуг на ночлег. Дорогу им освещали факелом, сделанным из бамбукового ствола, залитого воском.

Путники очень устали за день и буквально валились с ног. Когда они вошли в отведенные им покои, целый отряд рабынь во главе со старшим ключником принес от царя почетные дары – хлеб, баранов, кур, мед, молоко, сено и ячмень для мулов.

На следующий день царь Джиммы решил устроить торжественный прием в честь гостя, чтобы показать ему все великолепие своего двора.

Отряд гвардии, человек в пятьсот при полном параде, выстроился перед домом, где ночевал Булатович. Когда европеец вышел, воины поклонились ему до земли и торжественно двинулись ко дворцу.

В большом внутреннем дворе, служившем приемным залом и свободно вмещавшем несколько тысяч человек, высился деревянный павильон, своей архитектурой напоминавший индийские постройки. В этом павильоне в нише помещался устланный коврами трон царя Джиммы. На троне, по-турецки поджав ноги, сидел Аба-Джефар. Прямо против него стоял раскладной стул для гостя.

На ступеньках трона сидел мулла, а по бокам, на низеньких табуретках, размещались старики, главы древнейших и знатнейших родов.

Аба-Джефар приветствовал гостя по-арабски, а затем повел с ним оживленную беседу на амхарском языке.

Царя интересовали европейские государства – Булатович отметил для себя, что для владыки столь отдаленной от центров цивилизации страны он неплохо осведомлен.

Царь поинтересовался аптечкой Булатовича и спросил, не сможет ли он дать лекарств для его больной матери. Булатович предложил сначала осмотреть больную. Его повели по длинному узкому двору мимо домиков, у дверей которых стояли безусые евнухи с длинными кнутами.

Вход в дом, где жила царица, загораживала белая занавеска. Булатовичу вынесли стул, и разговор шел через занавеску. Женщина жаловалась на кашель и головные боли. Булатович вошел в комнату. На диване сидела женщина в черном, шитом золотом бурнусе. Она была очень красива и выглядела гораздо моложе своих сорока лет. В комнате стоял терпкий запах розового масла и сандала. Толпа служанок в кожаных юбочках была явно смущена появлением мужчины в этих покоях. Самые застенчивые не поднимали глаз, а те, что побойчее, с любопытством разглядывали белого «человека» и перешептывались между собой.

Когда Булатович стал выслушивать больную, служанки пришли в ужас. К счастью, у царицы оказался всего-навсего бронхит, а в аптечке нашлись порошки от кашля.

Царица предложила Булатовичу стакан меда, разведенного с водой. Она вела себя так просто и непринужденно, что не верилось, что вся жизнь ее проходит в этом гареме, в четырех стенах, за дверьми, которые стережет свирепый евнух. Более того, она проявила не меньший, чем ее сын, интерес к европейским государствам и текущим событиям, в которых, кстати, неплохо разбиралась. Она очень удивилась, когда узнала, что в Европе женщины ходят по улице с открытыми лицами и злой дух не насылает на них за это болезни и несчастья.

По дороге непрерывной вереницей шли носильщики. На головах у них – большие меха с зерном. Каффа была разорена недавней войной, и сейчас туда из Джиммы доставляли хлеб. Обратно носильщики несли кофе и мед. По этой же дороге шли к сборному пункту солдаты Вальде Георгиса. За каждым из них несколько осликов везли домашний скарб, жена тащила на себе кухню, а сын или слуга – тяжелое ружье.

Солдаты ступали по земле, только что завоеванной ими, и чувствовали себя победителями. Они отбирали у встречных все, что им попадалось на глаза. Слуги Булатовича мгновенно уловили общее настроение, и через некоторое время все они уже имели соломенные зонтики, которые, по их словам, им «дали» галласы. Они никак не могли понять, почему хозяин гневается.

Рас Вальде Георгис

За рекой Годжеб начались земли Каффы. Дорогу преграждали заставы, волчьи ямы, частоколы, правда, сейчас разрушенные. Вошли в густой лес. Прохладный воздух пьянил ароматом цветов, но всюду в этом волшебном лесу были видны следы смерти и разрушения. Среди зелени белели человеческие кости. Поселений нигде не было – их сожгли завоеватели, а на месте пожарищ уже поднялись густые заросли. В Андрачи Вальде Георгис торжественно «принял Булатовича. Он успел вовремя. Армия раса была уже готова к походу. Столица Каффы живописно раскинулась на нескольких холмах. Домики скрыты в пышной зелени. Горизонт со всех сторон обступают высокие горы. На вершине самого высокого холма стоял когда-то дворец царя Каффы.

Дворец сожгли по повелению Вальде Георгиса, и теперь на его месте построен новый – резиденция раса.

За главными воротами дворца находился большой двор – здесь вожди раса, приезжая на военный совет или пир, оставляют мулов. В большом тронном зале рас обычно вершит суд и устраивает торжественные приемы. Дальше, за тронным залом – столовая, вмещающая чуть ли не тысячу человек. По воскресеньям, четвергам и в праздничные дни рас угощает тут солдат и офицеров.

О бывшем дворце каффекого царя напоминает лишь молельня, расположенная рядом с резиденцией раса. Теперь она превращена в церковь.

Три дня рас не беспокоил Булатовича эфиопский этикет позволяет путнику отдохнуть после долгой дороги. Но утром и вечером к Булатовичу являлись слуги раса и осведомлялись о

здоровье гостя. Путешественник с такой же аккуратностью посылал своего слугу к расу спросить о здоровье его самого и его супруги.

С утра Булатович обычно работал – он пытался нанести на карту свой маршрут до Каффы и определить ее координаты по солнцу. Тотчас же вокруг диковинных приборов собиралась толпа любопытных, а в полдень небо, чистое и голубое с утра, заволакивалось тучами, и работу приходилось прекращать.

В воскресенье, 11 января, рас давал большой обед и просил Булатовича пожаловать на него.

Столовая была похожа на огромный сарай без окон. У одной из стен под белым балдахинном стоял трон. Рас сидел на диване, покрытом коврами и отделенном от всего зала белой занавеской. Сзади него застыл оруженосец – громадный красавец галлас, а вокруг расположились военачальники и слуги.

Для Булатовича был поставлен раскладной стул, одолженный расом у него же накануне. Слуги внесли две большие корзины, покрытые красной материей, а затем женщины-кухарки расставили перед расом и его гостем множество горшочков с разными кушаньями. Обед был вполне европейский – вареное и жареное мясо, яйца всмятку... Булатович ел с большим аппетитом, и рас был доволен.

Когда часть блюд была съедена, к столу раса допустили командиров полков и старших офицеров. А затем двери столовой распахнулись настежь, и в зал, чинно, не торопясь, стали заходить остальные гости. Они рассаживались вокруг корзин с лепешками, а слуги, сгибаясь под тяжестью нош, предлагали гостям любимое кушанье – сырое мясо. Каждый вырезал себе понравившийся кусок и ел его, ловко орудуя ножом. Виночерпии раса разносили пирующим кубки с медом.

Булатович привык к таким обедам – его не раз приглашал во дворец Менелик, – и в этом зале, заполненном пестрой шумной толпой, он чувствовал себя непринужденно, с любопытством наблюдая за гостями.

Вот гости, насытившись, поднялись со своих мест и вышли, а в зале появилась новая смена приглашенных, за ней – третья, а потом четвертая. Рас и его почетные гости все это время сидели, не торопясь пили мед и красное вино и вели приятную беседу.

Вальде Георгис расспрашивал Булатовича, умеют ли в России пить и бывают ли там такие славные пиры, как у него. Булатович ответил, что на его родине торжественные обеды выглядят несколько иначе, но вот в добрые старые времена киевский князь Владимир устраивал для своих дружинников такие же пиры, а что касается хмельного, то тот же князь, выбирая для Руси подходящую веру, так ответил на предложения послов волжских булгар принять мусульманство: «Веселие Руси есть пити, и без него нельзя нам быти». Рас оценил жизнелюбие киевского князя, а его приближенные тут же единогласно решили, что русские должны быть истинными христианами.

И конечно же, говорили о военных походах, недавних победах и потерях близких. Вспоминали сражение с негусом Годжамским, когда исход боя решил легендарный рас Гобана, вовремя подоспевший со своими кавалеристами, и битву на реке Аваш, которую солдаты раса выиграли, но с поля боя все-таки бежали, так как лихорадка уносила больше жертв, чем вражеские копья. Но самым захватывающим был, конечно, рассказ о покорении Каффы.

* * *

На всех базарах, во всех селениях глашатаи раса объявили призыв Вальде Георгиса: «Я выступаю в поход против негров. Собирайтесь все до единого к празднику крещения в Андрачи. Кто опоздает, тот не пойдет со мной и упустит возможность стяжать себе славу и добыть скот и пленных». И вот теперь на зов раса Вальде Георгиса каждый день в Андрачи прибывали новые полки из отдаленных областей. Они спускались в город с вершины зеленого холма, ветер развеивал разноцветные флаги и белоснежные шаммы воинов, на солнце ослепительно блестели доспехи и оружие. Зрелище было великолепное. Полк выстраивался на площади перед расом, и в ответ на его приветствие солдаты, все как один, опускали ружья на

землю, припадали на одно колено и низко, до самой земли, склоняли головы.

Вальде Георгию любовался своими войсками. Булатовича поражало, что в этих полках, насчитывавших тысячи воинов, рас знал почти всех офицеров и многих солдат.

– Видишь солдата на сером муле? – обращался он к путешественнику. – Так вот, этого мула я подарил ему в прошлом году за храбрость. А вон у того на голове появилась лента – верно, убил слона в последней охоте. Саблю с серебряным наконечником этот солдат получил за то, что с поля боя вынес раненых под вражескими стрелами. А про того красивого, статного офицера, Аба-Ильму, рассказывают легенды. Я никогда не поверил бы им, если бы сам не видал Аба-Ильму в бою. У него есть все отличия, которые может получить в нашей армии офицер, – серебряный щит, золотые серьги, шелковые ленты, серебряный головной убор, лемда из лвиной гривы. Сколько на его теле ран, не знает даже он сам. Я сам видел, как пуля пробилась ему грудь навывлет. И в охоте на слонов ему нет равных. Однажды раненый слон бросился его преследовать, но Аба-Ильма, подпустив его совсем близко, ударом сабли отрубил кусок хобота. Обезумевший слон бросился бежать. Тогда Аба-Ильм вторым ударом сабли обрубил ему хвост. Еще никто в Эфиопии не добывал почетных трофеев таким способом.

Вальде Георгию гордился своим войском, с которым была связана вся его жизнь, прошедшая в военных походах, сражениях, у лагерных костров.

В одиннадцать лет его отдали пажом на службу к негусу. Служба эта была, конечно, почетной, но не легкой мальчик сопровождал Менелика во всех походах. Однажды – это было в 1870 году – в палатку императора привели трех молодых солдат, которые раньше служили у царя Феодора, а теперь хотели поступить на службу к Менелику. – А ну, Вальде Георгис, – обратился император к своему пажу, – посоветуй, кому отдать их. – Мне, – ответил тот. С этих трех солдат и началась ныне знаменитая своими победами пятнадцатитысячная армия Вальде Георгиса, паж, ставший теперь военачальником, немедленно произвел своих трех солдат в пятидесятники. У родственников он выпросил для них леопардовые шкуры. Вскоре в его войске было уже двадцать человек. Они участвовали в набегах и на добытые деньги купили вьючного мула, который вез за маленьким отрядом продовольствие и палатку начальника. После каждого сражения росла слава Вальде Георгиса и его отчаянно храбрых солдат. И в знаменитый отряд приходили все новые и новые воины. Поначалу этот отряд в армии негуса называли «муча» – «молокососы», но не проходило дня, чтобы эти «молокососы» не участвовали в набеге и не возвращались в лагерь с трофеями, и однажды император сказал какие же они «муча», они – «уаруари» – «метатели копий». Так это название и укрепилось за войском Вальде Георгиса.

* * *

К 15 января 1898 года все полки собрались в Андричи, а на 24-е было назначено выступление. На всех холмах, окружавших город, насколько хватало глаз, виднелись солдатские палатки. По ночам сотни, а может быть, и тысячи костров загорались на холмах. Солдаты группками собирались у огня и долго, почти до рассвета, обсуждали предстоящий поход. Куда они идут? Что там, в этих землях, где никто из эфиопов никогда не был раньше? И зачем надо идти за тридевять земель, если по соседству есть еще области, где много скота и продовольствия? Солдаты были возбуждены, обеспокоены, а приезд в лагерь русского офицера вызвал множество толков. Отт сам слышал, как однажды у костра один солдат рассказывал:

– У фрэнджа (иностранца) англичане отняли землю, жену и детей. Он пожаловался Менелику, и тот приказал расу идти наказывать англичан и вернуть фрэнджу отнятое у него. Только, говорят, это очень далеко. И там живут люди, похожие на собак. Плохо будет нам...

Рас знал о настроении своих солдат. Он и сам беспокоился, хотя перед солдатами держался уверенно и ничем не выдавал своей тревоги. Но от Булатовича он ничего не скрывал и прислушивался к его советам.

Однажды утром он прислал своего слугу за Булатовичем, чтобы подробно обсудить с ним план действий.

Рабочий кабинет раса располагался под невысоким, крытым соломой навесом. Вальде

Георгис сидел на диване, а рядом, на полу, расположился его секретарь и что-то писал на клочке бумаги, скрипя тростниковым пером, которое он макал в чернильницу, зажатую между пальцами ноги.

Булатович разложил на полу карту, которую он составил сам и надписал по-амхарски. Рас отыскал на ней Аддис-Абебу, Андрачи и попросил показать ему тот самый второй градус, куда он должен выйти со своей армией и где волей Менелика, должна пройти южная граница Эфиопской империи.

– Почему там, куда мы идем, нет ни надписей, ни гор, ни рек? – спросил рас.

Булатович пояснил, что места эти еще никем не исследованы. Никто не знает, живут ли там какие-либо племена, есть ли там хлеб и скот.

Рас покачал головой и задумался. Его армия живет в походе только добычей. Продовольственных обозов у нее нет. Если места, по которым пойдет армия, окажутся необитаемыми, то голод, а за ним болезни неминуемы. Он очень верил в своих солдат, он знал, что их мужеству и выносливости завидуют все другие военачальники Менелика. Но вместе с тем он сознавал, какую ответственность берет на себя перед своими солдатами и перед императором.

Посылать разведчиков уже не было времени. Менелик требовал, чтобы Вальде Георгис в этом году вышел и южной границе и на заставах вдоль нее поднял эфиопские флаги. «...Противодействуя при этом всякой другой державе, которая возымела бы намерение захватить зем ли между Каффой, озерами Альберт и Рудольф», – доавил Менелик, имея в виду, конечно, Англию. И если солдаты не понимали, зачем и куда их ведут, то Вальде Георгис отлично разбирался в политике Менелика и сознавал все значение предстоящего похода для престижа и независимости империи. И поэтому в его озабоченности не было и тени нерешительности и неуверенности. Без малейшего колебания он сказал Булатовичу:

– Трудное дело предстоит нам, но я уповаю на бога Менелика, который мне поможет. Для утверждения же престола Менелика я положу все свои силы и с радостью пожертвую своей жизнью.

До племен, граничащих с Каффой, уже дошла весть о походе Вальде Георгиса. В Андрачи прибыли посланцы племени гимиро вождь, главный жрец и три старика. Они принесли расу слоновую кость и попросили принять их племя под свое покровительство.

Булатович попытался узнать у них кое-какие географические сведения. Течет ли по земле племени гимиро большая река по имени Омо? Но старики качали головами они не слыхали о большой реке.

С географией пришлось покончить. Попробовал Булатович узнать что-нибудь про быт и образ жизни племени гимиро. Но из этого тоже ничего не вышло. Желая выяснить, есть ли у гимиро многоженство, путешественник спросил жреца, сколько у него жен. Жрец подозрительно посмотрел на белого, проявляющего такое любопытство для чего это ему надо знать? Может, сейчас потребует одну в подарок? И на всякий случай ответил I уклончиво: «Сколько бог пошлет». Больше ничего узнать Внe удалось.

Дни проходили быстро в заботах и приготовлениях к походу. С утра, составив с помощью своего секретаря письма и донесения в Аддис-Абебу, рас лично осматривал полки, беседовал с офицерами, проверял, как идет снаряжение войска. Часто он вершил суд, потому что Вальде Георгис был не только начальником армии, но и правителем Каффы, а тяжб у солдат с местным населением было предостаточно. Иногда во дворце устраивались обильные пиры для поддержания в солдатах боевого духа. Порой эти пиры заканчивались потасовками, в которых, по мнению солдат, только и можно было окончательно выяснить степень преданности солдата своему расу.

Вальде Георгис познакомил Булатовича со своей женой – визиро Эшимабьет, родной сестрой императрицы Таиту. Прием, обставленный чрезвычайно торжественно, происходил в спальне раса. Круглая комната, устланная коврами, была почти пуста. У стены стояла большая кровать под белым балдахинoм. На стене висели ружья и сабли раса и его библиотека каждая книга вложена в большой кожаный футляр и повешена на ремне на гвоздь. Рядом с кроватью на низеньком диванчике сидела женщина – красивая, светлокожая, богато одетая, сверкающая золотыми и серебряными украшениями.

Вальде Георгис – третий муж Эшимабьет супруги несколько лет тому назад повенчались в церкви.

Эшимабьет пригласила Булатовича сесть, и начались церемонии, предписанные этикетом хозяйка интересовалась здоровьем гостя, спрашивала, понравилась ли ему их страна, и т. д.

Рядом с хозяйкой и расом стояло несколько прислужниц и пажей, а в дверной щели блестели чьи-то любопытные глаза. Как выяснилось, там прятались две дочери раса от его первой жены, две дочери Эшимабьет от первого мужа и две дочери раса и Эшимабьет.

Рас попросил Булатовича сфотографировать жену. Когда в комнату внесли аппарат, вся церемонность мигом исчезла. Рас то и дело вскакивал со своего места, подбегал к жене, поправлял ее украшения и складки на платье. Он был весел, разговорчив и очень старался, чтобы портрет любимой жены вышел как можно удачнее.

Потом слуги принесли графинчики белого меда, рас привел дочерей, и оживленная беседа затянулась до позднего вечера.

Когда Булатович вернулся к себе в палатку, слуги сказали, что дамы из дворца прислали ему в подарок несколько кувшинов старого меда. Тут же во дворец была послана бутылка шампанского.

Булатович решил выступить в поход немного раньше армии раса он хотел не торопясь произвести точную съемку местности. К его отряду рас приставил переводчика Габру и проводника-каффичо. Утром 21 января маленький отряд покинул Андрачи.

Впереди шел обоз, а замыкал шествие Зелепукин Сзади на своем муле, окруженный оруженосцами, ехал Булатович. Отряд продвигался быстро, но Булатович часто останавливался, чтобы нанести местность на карту.

Дорога шла прямо на юго-запад. По обеим сторонам ее раскинулись пальмовые рощи, росли кофейные деревья, кое-где виднелись остатки банановых плантаций. Иногда дорога уходила в лес. Здесь между деревьями возвышался гигантский папоротник, стеной стояли заросли бамбука. Кое-где попадались хижины – они были наскоро построены после войны и окружены сплетенными из бамбука изгородями.

В одной из таких хижин жили под строгим надзором жопы последнего каффского царя – Гаки Шерочо. Булатович выразил желание познакомиться с ними, и стражапустила его во двор. Там в тени банановых деревьев сидела молодая красивая женщина. Она охотно и очень непринужденно разговаривала с европейцем. Ей было двенадцать лет, когда ее взял в жены Гаки Шерочо. Она прожила при его дворе тринадцать лет – и все эти годы ей сопутствовало счастье. Царь любил ее больше других своих жен, делал ей богатые подарки и часто вечером посылал за ней своих слуг.

Кроме нее в хижине жили еще две жены царя, четыре наложницы и его двенадцатилетняя сестра. Лица пленниц были грустны. В заточении они часто вспоминали прежнюю жизнь, которая уже никогда не вернется... В полдень Булатович поднялся на вершину горы Бонга-Беке. Отсюда открывался вид на Каффское нагорье, разделенное речками и горными хребтами. Булатович нанес реки и горы на карту и после долгих расспросов туземцев установил их название. К биваку, расположившемуся на берегу реки Уоши, вечером пришла толпа каффичо, которые принесли отряду продовольствие. Булатович уже не раз видел, как к; его палатке приходили голодные дети – черные, скелеты с вздувшимися животами. Они бродили вокруг бивака в поисках объедков, и смотреть на них без содрагания было нельзя. Булатович представил себе, как собирали каффичо это продовольствие, и ему стало не по себе. Он возвратил им все, что они принесли. Люди были тронуты в знак благодарности они били себя в грудь и целовали землю.

Вот уже несколько дней отряд шел по землям Каффы. 26 января он вступил в область Чана, которая граничила с землями негроидного племени шуро. Это племя уже знало, что из Каффы идет на них войско. Можно было заметить, как по ту сторону границы, в лесу, то и дело мелькали черные фигурки людей они старались укрепить свои рубежи.

Отряд перешел реку Уку по хорошему мосту. За ней лежала область Уота, подвластная Каффе. Горный хребет тянулся вдоль реки на восток, а затем поворачивал на юг. Булатович поднялся на одну из его вершин. Альтиметр показал высоту – 2714 метров над уровнем моря. В предутренней дымке путешественник увидел далеко на юге цепь вершин – потом он подойдет к

ним ближе, нанесет на карту их высоты и названия. На востоке виднелась пирамидальная вершина Смит – первооткрыватель Дональдсон Смит назвал ее своим именем. Булатович впоследствии уточнит ее координаты, как, впрочем, и других вершин, и исправит ошибки, допущенные на составленных до него картах. А на севере виднелась гора, своими очертаниями напоминавшая усеченную сахарную голову. Булатович впервые нанес ее на карту. Эта гора и гора Смит находились по ту сторону реки Омо. Именно тогда, прослеживая направление торного хребта, Булатович впервые усомнился в том, что Омо, обогнув этот хребет с юга, поворачивает на запад, к Нилу, как было принято думать в то время. Хребет – мощная преграда на пути реки, и вряд ли она в состоянии пробить ее. Так, может быть, Омо не поворачивает на запад, а несет свои воды в озеро Рудольф? Хребет же служит водоразделом между Нилом и Омо? Во время дальнейшего путешествия эти предположения русского исследователя подтвердились.

По склонам хребта, густо поросшим лесом и перерезанным речными долинами, были разбросаны деревушки. Здесь жило племя гимиро, то самое, которое присылало к Вальде Георгису своих послов с выражением покорности. Народ этот показался Булатовичу хозяйственным и очень трудолюбивым. Деревенские хижины, подобные амхарским и каффским, сделаны добротнo, поля аккуратно вспаханы и засеяны пшеницей. По внешнему виду гимиро отличаются от каффичо кожа у них темнее, черты лица грубее, а язык труден в произношении и не похож на другие языки Эфиопии.

31 января отряд остановился в области Ишено, которая граничит на востоке и юге с землями негроидного племени шуро. Бивак разбили рядом с домом, выстроенным для раса. Правитель Пшено – громадного роста гимиро – поспешил явиться в лагерь с дарами. А на следующий день путешественник вместе с вождем и его отрядом человек в сто отправился исследовать хребет, вдоль которого проходила западная граница Ишено.

Путники поднялись на гребень хребта. Отсюда очень хорошо просматривались разбросанные по склонам поселки племени шуро. До них было рукой подать. Пока воины правителя и слуги Булатовича воинственно криками и выстрелами из ружей выражали желание немедленно спуститься с гребня во вражью землю, Булатович нанес местность на карту и произвел измерения.

Возвращались через поселок гимиро, где в тот день был базар, и все окрестное население собралось на площади. Люди со страхом смотрели на амхарцев и белого офицера видимо, они ожидали, что сейчас их новые покровители начнут отбирать товары, принесенные на продажу. Но, пожалуй, еще больше они были напуганы тем, что белый человек, осмотрев большую деревянную трубку, которую продавал один каффичо, не забрал ее, а купил. Через два дня к Ишено подошел рас со своим войском, и его полки, растянувшись бесконечной вереницей, двинулись к границам враждебного племени. Булатович впервые наблюдал эфиопскую армию в походном марше. Мужчины, женщины, дети, мулы – все перемешалось. Крики, хохот и ругань людей заглушались ревом животных. И ничем это движение не напоминало военный марш. Скорее оно походило на переселение какого-нибудь племени, которое согнали завоеватели с земли и которое двигалось теперь в поисках нового пристанища, прихватив с собой весь скарб.

Вот идет пожилой воин – видно, он не первый раз в походе лицо его пересекает глубокий шрам от сабельного удара. Он гонит мула, которого почти не видно под выюком здесь и палатка, и меха с водой, зерном и мукой, а сбоку прицеплена железная сковородка. За солдатом идет жена, у нее за спиной выдолбленная тыква, в которой квасится тесто, а в самом хвосте плетется мальчишка, который гордо песет щит и ружье отца.

А вот галлас пошел на войну налегке, без всякого обоза. Все его богатство – это кинжал за поясом да винтовка за плечом. Имущество он, видимо, рассчитывает быть в бою.

Попалась вереница женщин – это шла кухня раса. Женщины несли кувшины тэджа или тыквы с тестом.

Головная часть отряда подошла к крутому скалистому обрыву. Вниз вела узенькая тропка, по которой можно двигаться только по одному. Булатович с ужасом подумал, что сейчас неминуемо случится беда. Ведь стоит только идущим сзади надавить чуть-чуть на передних, как солдаты, мулы и весь скарб – все полетит в пропасть. Но ничего этого не произошло. Толпа (а как еще можно назвать эту беспорядочную массу людей и животных?) оказалась удивительно

дисциплинированной. Все шумели, кричали, но никто не лез вперед, каждый терпеливо дожидался, когда дойдет его очередь ступить на тропинку. Такую организованную, сознательную толпу Булатович видел впервые в жизни. И он подумал, как здесь, в Африке, обманчивы первые впечатления беспорядочная на вид армия оказалась и отлично управляемой, и дисциплинированной.

Но вот показался строй флейтистов, за ними – литаврщики в красных фесках; высоко поднимая палки, они задорно ударяли в литавры, навьюченные на мулов. Следом Два мула везли огромный шатер раса. Сверкая богатыми серебряными уборами, шли лошади Вальде Георгиса, а сзади двигалась вереница пажей и носильщиков. Они несли складное кресло раса, ковер, аптечку, два меха с водой, библиотеку, подзорную трубу.

За носильщиками опять шли флейтисты, наигрывая бравурную мелодию. И, наконец, в окружении офицеров показался сам рас. Вальде Георгис, как и все солдаты, шел босиком, ветер развеивал его тончайшую белую шамму. Он был вооружен маленьким револьвером и саблей в золотых ножнах, полученными от Менелика.

Главкомандующего сопровождали оруженосцы. А потом опять потянулись солдаты, женщины, дети, мулы...

На биваке решили, что небольшой отряд, человек в сто, выйдет вперед и в пограничном лесу, где дорога превращалась в труднопроходимую тропку, расчистит путь войску. Вместе с этим отрядом к границе вышел и Булатович.

Миновали лес. Дорога стала взбираться на гребень горного отрога, и сверху открылся вид на долину неизвестной реки. Вся долина и окрестные холмы были усеяны хижинами шуро. Ничто не говорило о приготовлениях к войне. Мирно пасся скот, из домов поднимался дымок. Завтра все здесь будет разрушено, сожжено, вытоптано. Эту землю ожидает участь Каффы. Почему шуро не желают добровольно покориться? Рас не единожды предлагал им это. А ведь дозорные шуро, верно, уже донесли своим вождям, какая громадная армия движется на них. И все-таки вожди молчат. На что они надеются, если Каффа, могущественная Каффа, была сломлена этой армией, сожжена и разграблена? Следующий день начался мелким морозящим дождем. Солдаты рубили деревья, расчищая дорогу, а Булатович снова поднялся на гору. Теперь картина изменилась. Женщины, нагруженные домашним скарбом, поспешно уходили из деревни и угоняли с собой скот. Видимо, вожди племени решили не сдаваться. Через несколько часов в деревню лавиной хлынули солдаты Вальде Георгиса. Они врываются в усадьбы и уносили все, что могли унести, – зерно, солому для мулов, кур, баранов. Боя никакого не состоялось – был обыкновенный грабеж. Мужчины шуро, скрывавшиеся в лесах, все время наблюдали за врагами, но напасть на них не решились. В тот же день войско получило приказ людей из племени шуро не убивать, а брать в плен, чтобы добыть пронодников. Вечером солдаты привели к расу трех женщин – старуху и двух молодых. Женщины были на редкость уродливы в толстые губы вставлены деревянные палочки, нижние резцы выбиты, волосы, коротко остриженные вокруг макушки, смазаны маслом и глиной. Вся одежда их состояла из воловьих шкур; за пазухой они хранили разные вещи – железные браслеты, хозяйственную утварь, продовольствие. Узнать что-нибудь от них не удалось. Они перепугались и что-то бессвязно бормотали. Рас велел их накормить, двоих отпустить, а одну оставить в качестве проводника. Женщины целовали землю и били себя в грудь – этим самым они выражали расу свою благодарность и полную покорность.

Первый день на чужой земле оказался удачным – потерь по было, солдаты пополнили свои продовольственные запасы, и по этому случаю в лагере царил веселое оживление.

Но Вальде Георгиса не покидала тревога. Что ждет впереди его тридцатитысячную армию? Триумф? А может быть, голод? Рас не скрывал своих опасений от Булатовича и предложил ему отправиться с одним из полков в разведку. Булатович без колебаний согласился.

На следующее утро, как только начало светать, разведывательный полк выступил из лагеря. Впереди на маленьком белом муле с длинным дротиком в руках ехал командир полка – фитаурари Атырсье. Он оказался на редкость приятным и веселым человеком. Его родители возделывали землю и пасли скот, а он, еще мальчиком, вступил в армию Вальде Георгиса и участвовал во всех его походах.

Рядом с Атырсье ехал Ато-Баю – молодой красивый офицер, который выделялся своей

манерой держаться и обращением с окружающими. Это была очень интересная фигура – опальный офицер, сосланный Менеликом в полк, под вражеские стрелы. Его карьера, начавшаяся, как и у большинства молодых офицеров, с пажеской службы при дворе, складывалась блестяще. За свой ум, таланты и храбрость он получил от Менелика в управление большую область Уоллегу. Многие завидовали молодому царедворцу Уоллега богата золотом и слоновой костью. И при дворе стали поговаривать, что Ато-Баю дружит с европейцами и обогащается за счет императора. До Менелика дошли эти сплетни, и он отобрал у Ато-Баю Уоллегу. Когда негус объявил свою волю, Ато-Баю был дерзок и несдержан. За это он год просидел в заточении в Анкобере, а затем был освобожден и отправлен в ссылку к расу Вальде Георгису.

Вот уже четыре года Ато-Баю находится у раса и за это время стал его ближайшим советником во всех делах.

С вершины горы Кайфеш Булатович осмотрел местность. С помощью проводницы он нанес на карту названия ближайших гор и наметил дальнейшее направление разведки. Путь пролегал через деревню. Домики туземцев, тесно лепившиеся друг к другу, скорее напоминали шалаши, чем хижины. Построенные во дворе навесы для скота и небольшие амбары были приподняты над землей для защиты от термитов, главного бича здешних мест. Деревня опустела – все женщины и дети ушли на юг, а мужчины, рассыпавшись по гребням окружающих гор зорко наблюдали за неприятелем.

Внезапно воины шуро напали на полк послышались звуки рога и боевые кличи туземцев. Солдаты открыли огонь – через несколько минут шуро уже отступали, и по поспешности отступления можно было заключить, что ни вряд ли решатся повторить нападение. Однако солат уже ничто не могло остановить. Фитаурари кричал им, чтобы они не убивали туземцев, а брали их в плен, Но не так-то просто поймать туземца в густых колючих арослях. Каждый солдат стремился первым схватить ленника, а когда тот ускользал от него, солдат, забыв приказах начальника, стрелял туземцу в спину. Но вот выстрелы в лесу смолкли, солдаты стали возвращаться... Они проходили мимо Атырсье и громко возвещали о своих победах. В плен удалось захватить лишь одного старика. Он убегал удивительно быстро для своих лет, но внезапно упал, зацепившись за лиану. Старик, почти голый – вся его одежда состояла из шкурки козленка, – дрожал от страха всем телом и ждал, когда же его убьют. Офицеры успокоили старика и пообещали свободу за верную службу. Он перестал дрожать и сказал, что знает дорогу, которая ведет на юго-запад.

Полк снова двинулся в путь. Старика привязали к руке проводницы, и теперь он показывал дорогу.

Старик, успокоившись и заметно повеселев, охотно отвечал на вопросы. Да, у их племени есть бог, его зовут Туму. Чем отличается богатый шуро от бедного? Количеством жен, потому что за них надо платить большой выкуп. Носят ли они одежду из тканей? Нет, кроме шкур, у них нет никакой одежды, а мужчины вообще чаще всего ходят голыми. Есть ли у них царь? На земле шуро живет несколько племен, у каждого есть свой вождь, а вождя вождей – нет.

К полудню отряд вышел, наконец, на дорогу, о которой говорил старик. Остановились на берегу речки Ки. Здесь Булатович расставил свои инструменты, чтобы в полдень уточнить составленную им карту местности. Спускаясь с горы, он вдруг увидел, что люди, ехавшие впереди него, бросились на землю и стали закрывать головы шаммами. Булатович ничего не понял – вокруг царила тишина, но вдруг откуда ни возьмись налетели пчелы, и его мул как сумасшедший бросился вниз по тропинке. От пчел невозможно было избавиться. Спасли Булатовича солдаты, которые накрыли мула и его самого шаммами и отбили пчел.

Вечером отряд прибыл в лагерь раса. Вальде Георгис остался доволен результатами разведки. Старику пленному он велел подарить шамму и накормить. Увидев Булатовича, рас пришел в ужас все лицо его распухло, и он с трудом держался на ногах от бившей его лихорадки.

Но на следующее утро, в пять часов, по сигналу выступления, Булатович уже сидел в седле. Армия двинулась по разведанной накануне дороге.

Рас снова выслал вперед разведчиков, и Булатович, невзирая на нездоровье, поехал с ними. Впереди лежала густонаселенная местность, но ни одного жителя в деревнях не было.

Вальде Георгис каждый вечер спрашивал Булатовича: «Много, ли градусов осталось идти?» И всякий раз Булатович отвечал: «Впереди у нас столько же пути, сколько было накануне».

Тридцатитысячное войско с громоздким обозом шло по узкой тропинке и в день делало не более десяти-пятнадцати километров. Причем, когда головные части становились на отдых, арьергард находился от них в пяти-семи часах пути.

Вечерами на биваке рас обычно приглашал к себе офицеров. Александр Ксаверьевич любил такие вечера. В уютной палатке Вальде Георгиса, широкой, круглой, обитой зеленой материей, царил полумрак. Свет от длинной восковой свечи падал на лица раса и приглашенных, которые рассаживались кружком на ковре. Кухарки вносили кушанья и корзины с хлебом. И начинался оживленный разговор. В этой мужской компании уже не было ни начальников, ни подчиненных – только боевые товарищи, связанные одной судьбой. В палатке то и дело раздавался дружный хохот. Секретарь раса Ато-Мелк, красивый молодой человек, уже в который раз для всеобщего удовольствия рассказывал о своих любовных приключениях. Казалось, что этих рассказов ему хватит до конца похода, как бы он ни затянулся. Слушая Ато-Мелка, снисходительно улыбался дадьязmach Балай. Не давно император лишил его всех владений за междоусобную войну и сослал в Каффу. От прежних богатств не осталось ни гроша, но Вальде Георгис ценил его храбрость, былую славу и потому кормил и одевал и самого дадьязмача, и его многочисленных слуг. У раса доброе сердце, и он понимал, что судьба не всегда справедлива к людям.

Рядом с расом его близкий друг Гета-Уали – огромный человек, обросший густой черной бородой. Это предводитель одного из самых воинственных мусульманских племен в области Уоло. Отправляясь в поход, Вальде Георгис известил Гета-Уали, и тот, бросив дом и семью, примчался в Андрачи.

Священник аба Вальде Мадхын в этой компании обычно молчал и лишь изредка кротко и тихо улыбался шуткам. Он худой, почти высохший, потому что даже в походе соблюдал все посты. Но, несмотря на внешнюю слабость, он проявлял исключительную выносливость при любых обстоятельствах. Его любили все – и рас, и офицеры, и солдаты.

Расходились поздно, когда лагерь уже спал – после трудных переходов солдаты к ночи валились с ног. Булатович пробирался к своей палатке в сопровождении слуги, который нес факел. Вокруг прямо на земле лежали завернутые в белые шаммы, словно мумии, фигуры людей. Тишину лишь изредка разрывал крик мула или ночной птицы.

Теперь каждый день был похож на предыдущий. С утра разведывательный полк уходил вперед. Булатович наносил на карту дороги, опустевшие деревушки, реки, горные вершины. В полдень он устанавливал инструменты, и часто сам рас приходил, чтобы посмотреть, как «в трубе ходит небесное светило». Враг стал чаще тревожить войска раса, и после обеда к палатке русского офицера сходились раненые. Они терпеливо переносили все операции и перевязки.

Ежедневные разведки были крайне утомительны. Разведчикам приходилось совершать двойные переходы, так как вечером они возвращались в лагерь раса и докладывали о результатах. Булатович предложил Вальде Георгису более дальние разведки, которые полезнее для правильного выбора пути, к тому же и люди меньше бы уставали.

Так и порешили. Наутро разведывательный полк покинул лагерь. Он должен был уйти на два перехода вперед и там дожидаться прибытия раса.

Остановились в урочище Шабали. Видимо, в этих местах проходила граница племени шуру. Все бежавшее со своих земель население собралось в долине реки, которую проводница называла не то Чому, не то как-то еще. Здесь, наверное, туземцы решили дать расу решительный бой.

Пленный старик шуру ничего не знал о землях, лежащих за хребтом на юго-востоке. То он утверждал, что там в двух-трех днях пути находятся богатые, густонаселенные земли, то говорил, что, кроме слонов, за хребтом живых душ нет. Видимо, там обитало другое племя.

12 февраля полк Габро Мариама отправился на разведку. Долина реки Чому была пустыня. Нещадно палило солнце, и люди с трудом продвигались вперед.

На следующий день утром полк подошел к горам, и вскоре невдалеке стали попадаться хижины туземцев. Добротные усадьбы прятались за высокими заборами, а вокруг расстились

хорошо обработанные поля.

Туземцы, завидев солдат, подняли тревогу и с криками ринулись навстречу. Солдаты не стреляли, а переводчик напрасно кричал туземцам, что солдаты идут к ним с миром. Туземцы не понимали ни слова на языке шуро, и вот уже камни градом полетели в солдат. Габро Мариам увидел, что сдерживать солдат бесполезно, – и конный отряд бросился на туземцев. Началась резня. Голые безоружные туземцы разбежались во все стороны, но от сабельных ударов и пуль им негде было укрыться. К небу поднялись столбы дыма – это горели хижины, в которых туземцы пытались спрятаться. Скоро в селении не осталось ни одной живой души кто смог, убежал, а остальных перебили. Рука солдата не останавливалась даже тогда, когда туземцы бросались на колени и, опустив головы до земли, покорно отдавались на милость завоевателей. Но милости не было. Ничто – ни приказ командира, ни угрозы офицеров – не могло остановить опьяненного кровью воина.

В полдень отряд стал подниматься на гребень хребта. Узкая тропинка шла по краю обрыва, и туземцы могли бы теперь отомстить солдатам, спуская на них обвалы. Но туземцы были ошеломлены недавним боем, и солдаты без всяких препятствий поднялись на вершину, где находилось богатое селение.

На площади около большого дома собрались, видимо, все жители. Их оружие – пращи, копья, щиты – лежали на земле, а люди, подняв руки вверх, что-то кричали – наверное, молили о пощаде.

Эти люди не походили ни на одно из племен, встреченных ранее. Они высокие, хорошо сложенные. На руках и ногах отлично выделанные браслеты – костяные, железные, медные, а кожа на правой части груди и руках покрыта татуировкой. В ушах висели большие серьги из камня или дерева. Головы покрывали повязки или шапочки из шкуры обезьяны. Для здешних глухих мест это было вполне развитое племя.

Булатович приказал солдатам сесть на землю, а сам сорвал пучок травы и показал его туземцам, стоявшим в отдалении, метрах в пятнадцати у многих племен такой пучок символизировал мирные намерения того, кто его нес. Туземцы тоже присели на корточки. И начались переговоры. Солдаты обращались к туземцам на всех языках и наречиях, которые только были им известны. Туземцы ничего не понимали. Тогда Булатович встал и направился к большому дому, который, видимо, принадлежал главе племени. Туземцы заволновались, и по их жестам путешественник понял, что его просят не входить в дом. Но они, видимо, догадались, что белый человек хочет видеть их вождя, и несколько туземцев бросились в дом и вынесли дары тыквы с пивом, слоновый клык, кур, пакетики меду и табаку, и затем вытащили большую собаку. Наконец, вышел сам вождь он внешне ничем не отличался от своих подданных, потому что был гол, как и они. Одному из туземцев он приказал поцеловать белому человеку руку и, исполненный достоинства, сел напротив Булатовича.

Переговоры шли с прежним успехом обе стороны не понимали друг друга, но по всему было, видно, что мир и дружба обеспечены.

Эфиопы пришли в восторг от своих новых подданных – вождя уважают, живут хорошо и покоряются с достоинством. Но зачем собаку подарили? Может, они едят собак? Или подарили на всякий случай вдруг пришельцы ими питаются? Наутро Булатович решил осмотреть местность, лежащую к югу от гребня. Часть отряда поднялась на холм, с которого открывался вид на окрестности. Туземцы сидели на корточках вдоль дороги и больше уже не дрожали от страха. Один юркий, маленький старичок показался Булатовичу умным, сообразительным, и он позвал его с собой, чтобы разузнать кое-какие названия. И прежде всего, конечно, название земли, на которую ступила армия Вальде Георгиса. Булатович топал ногой, потом касался рукой земли и все это сопровождал вопросительными криками. Старик не понимал и очень старательно повторял все движения Булатовича. Наконец, до него дошло, чего от него хотят, и закричал радостно: «Беру!» Беру – так называлась эта земля.

На следующий день старик – его звали Кира – пришел в лагерь с дарами и жестами дал понять, что вождь просит принять эти дары и уйти с их земли. Булатович попытался объяснить ему, что сзади движется большое войско, а идут они на юг. Язык жестов настолько обогатился, что Булатович скоро узнал, что Кира был родом из другой земли, а сюда его грудным младенцем принесла мать. Он сообщил, что на востоке есть река Кибиш, а дальше – очень

большая река Шорум, где много гиппопотамов. О существовании на юге большой стоячей воды – озера Рудольф – Кира ничего не знал.

Булатович решил проехать вперед, чтобы разведать местность, и взял с собой Киру. Когда переехали ручей, старик объявил, что началась земля Касси. А на западе, по его словам, лежала страна Мен, где было много хлеба. Но далеко ли до этой страны, Кира не знал.

Утром следующего дня подошло войско раса. Булатович направился в его палатку и повел с собой Киру. Старик целовал Вальде Георгису руку, пел, танцевал и совершенно очаровал раса.

К Вальде Георгису приходили вожди окрестных племен с выражением покорности. Рас дарил им плащи и шаммы. Но вожди, видимо, не усматривали в одежде никакой пользы и очень неохотно надевали ее на себя.

Киру рас решил взять в отряд проводником. Кира встретил это известие без энтузиазма. Солдаты принесли кандалы, чтобы заковать его и лишить возможности сбежать. Булатовичу стало жаль старика, и он взял его на поруки. Спать положил в своей палатке, к дверям приставил караул.

А утром на том месте, где спал Кира, остались только штаны и шамма, подаренные старику Вальде Георгисом. Кира исчез. Отряд, вступивший теперь в землю Балис, остался без проводника.

Где земля Мен, богатая, изобильная, о которой говорил Кира? И снова два полка, а с ними Булатович отправились в разведку, на юг. Очень скоро вокруг исчезли всякие следы жилищ – начались необитаемые земли. Пустынное, скалистое плато, покрытое острыми обломками камней да тощими пучочками травы, расстила лось вокруг. Нещадно палило солнце, и русла речек, встречавшихся на пути, высохли, растрескались. Только к вечеру удалось найти воду, правда довольно скверную, и разведчики остановились на отдых. Наутро отряд двинулся на юго-запад. С холма Булатович осмотрел окрестности перед ним была пустыня, усеянная гранитными скалами самых причудливых форм. На юго-западе виднелась лента зеленых деревьев – видимо, там текла какая-то речка. За ней возвышались скалистые горы, а далее, у самого горизонта, в бинокль можно было рассмотреть пологие скаты гор. По очертаниям они напоминали горы Беру. Видимо, там и находилась земля Мен. Булатович предложил офицерам разведывательного полка направиться на запад, но те запротестовали: горы далеко, нельзя так отрываться от главных сил.

Разведчики возвратились в лагерь раса ни с чем. Вальде Георгис отлично понимал всю необычность предпринятого им похода. Скорее, это был не военный поход, а географическая экспедиция по неизвестной земле. «Мои солдаты храбры, любят войну, но не терпят пустыни, – говорил рас Булатовичу. – Теперь они уверены, что дальше людей уже нет, и, куда бы я ни стал их посылать, они будут возвращаться с одним ответом: идти дальше невозможно. Только за мной они еще пойдут вперед. Но куда?..»

Булатович предложил свой план оставить на месте больных, раненых и большую часть отряда, а с отборными частями двинуться на юг. Земля Мен, видимо, недалеко. Если там, на холмах, окажутся богатые хлебом земли, то туда можно будет перетянуть остальные полки.

Вальде Георгис выслушал Булатовича с большим вниманием и сказал, как обычно говорят эфиопы, когда слышат добрый совет: «Твои слова вошли мне через уши в сердце».

4 марта рано утром отборный отряд из пяти с половиной тысяч человек, предводительствуемый расом, выступил из Колу, где остались главные силы. Впереди вели четырех переводчиков, которых с трудом удалось найти среди туземцев. Десять часов подряд шел отряд по безжизненной, прокаленной солнцем каменной пустыне. А к вечеру вышли на берег ручья и внезапно наткнулись на поселение. Туземцы в страхе бросились бежать, но солдаты все-таки схватили нескольких женщин и привели к расу. Туземки ничего не знали о большом озере, но твердили, что близко есть «место, где вода ложится». Кроме того, они говорили, что в прошлом году через их землю проходили белые – «гучумба». Видимо, это была экспедиция Боттето.

Здесь надобно, пожалуй, сделать небольшое отступление. Через два года Булатовичу удалось выяснить некоторые обстоятельства гибели этого отважного итальянского путешественника. Они заставляют пересмотреть версию, приведенную в книге спутников

Боттето лейтенантов Ваннутелли и Читерни, которая вышла в свет в Милане в 1899 году, когда Булатович в третий раз посетил Эфиопию. Естественно, 27 июля того же года – этой датой помечено доведение А. К. Булатовича П. М. Власову – книгу итальянских лейтенантов он еще не видел. Донесение это до сих пор оставалось неопубликованным.

Родившийся в 1860 году капитан Витторио Боттето уже после первого своего путешествия в 1892–1893 годах прославился тем, что он вторым пересек Сомалийский полуостров и впервые нанес на карту неведомую до того систему реки Джубы (выше Бардеры) и ее истоков. Возглавленная им экспедиция преследовала не столько научные, сколько военно-разведывательные цели ведь именно в эти годы Италия последовательно и настойчиво стремилась прибрать к рукам Эфиопию.

Те же задачи были поставлены и перед второй экспедицией Боттето, выступившей 13 октября 1895 г. из Бравы в сопровождении 250 солдат. По времени она совпала с итало-абиссинской войной. Боттето и его спутники первыми из европейцев достигли озера Абая, установили его сток, а затем дошли до реки Омо и опустились по ней до озера Рудольф. Пройдя по западному берегу озера, экспедиция направилась на север вдоль юго-западных склонов Эфиопского нагорья и достигла реки Акого – притока Пибора, впадающего в Собат. Эта река была прежде неизвестна, и Боттето ее исследовал. Отсюда он направился к реке Баро.

В. Боттего

4 марта 1897 года путешественники вышли из селения Гамбека, расположенного на берегу реки Упено, северного рукава Собата. Они хотели ознакомиться со страной Бени-Шенгул, а затем возвратиться к побережью Красного моря. Военные действия между Эфиопией и Италией после поражения последней при Адуа были завершены, но отношения оставались достаточно напряженными – эфиопы не забыли тяжелых испытаний, выпавших на их долю по вине агрессора, и относились к итальянцам с вполне оправданным подозрением.

Узнав, что на пути в Бени-Шенгул, в Сайо, находится резидент дадьязмача Джоти, правителя области Келлем, Боттего направил ему письмо, извещая о прибытии экспедиции и испрашивая разрешение на дальнейшее ее следование.

В одном дне пути от Сайо путешественников встретил отряд солдат, высланный резидентом, с тем чтобы сопровождать их в город. Солдаты были весьма предупредительны, за что получили в дар быка. Резидент Сайо радушно принял Боттего, который поблагодарил его, одарив ружьем и патронами. Этот чиновник сообщил, что письмо, полученное им, он направил в Леку дадьязмачу Джоти, своему начальнику.

Не дожидаясь ответа, Боттего, подгоняемый нетерпением, задержался здесь только на сутки, а затем, в сопровождении брата Джоти – Аба Джефара, направился дальше. На втором этапе экспедицию встретил другой брат дадьязмача – Аба Чела с многочисленным эскортом. Быстро состоялось знакомство, последовали заверения в дружбе, а затем все вместе продолжили путь. В пути любезность хозяев удвоилась, и Аба Чела пригласил путешественников отобедать у него в шатре. На гостеприимство гости ответили обычным даром – ружьем и патронами к нему.

По собственному признанию итальянцев, подобный избыток сердечности показался им подозрительным, тем более что за каждым их шагом следили люди Аба Челы, старательно ограждая от общения с местными жителями.

На пути в Леку некий мусульманин-портной, которого эфиопы, желая воспользоваться его искусством, удерживали силой, тайком сообщил Боттего, что Джоти намеревается завладеть имуществом экспедиции, а его, Ваннутелли и Читерни задержать, с тем чтобы они научили эфиопов изготовлять ружья.

16 марта путники прибыли в Гадаме, где находился Джоти, и здесь также были приняты весьма торжественно. Невзирая на радушный прием, они, подстрекаемые собственной мнительностью и провокационными слухами, расположились лагерем на изолированном холме, дабы избежать ожидаемого ими внезапного нападения.

Боттего, после вручения обычных даров Джоти, нанес ему визит и был очень хорошо принят. В течение этого дня до итальянцев вновь дошли слухи, что их солдат уговаривают дезертировать, пугая намеченным якобы на завтра нападением на европейцев, отразить которое за недостатком сил они не смогут, так как у дадьязмача имеется тысяча ружей.

Около полуночи было обнаружено исчезновение двенадцати солдат, унесших с собой два ящика патронов. Это произвело на итальянцев такое впечатление, что они уже не смыкали более глаз, обсуждая вполголоса, какие меры следует принять утром. Им вспомнились предупреждения портного. Гостеприимство Джоти казалось подозрительным не вызвано ли оно стремлением усыпить их бдительность? Было решено выступить на рассвете и идти ускоренным маршем, а если им станут противодействовать, пробиться силой.

При первых проблесках зари итальянцы заметили, что лагерь их окружен. Отправленный для переговоров парламентар, по уверениям Ваннутелли и Читерни, был встречен страшными угрозами. Боттего решил проложить дорогу огнем.

Был принят боевой порядок в центре встал Боттего, слева Ваннутелли, справа – Читерни. Затем последовала команда открыть огонь. О том, что инициатива исходила от итальянцев, в их отчете умалчивается. Говорится лишь об удачном отражении первой атаки. За ней последовали другие, более успешные, и в конце концов обороняющиеся оказались на вершине холма, окруженные с трех сторон неприятелем, с четвертой зияла пропасть. Вершина представляла

собой открытую площадку и простреливалась насквозь. Удержаться здесь, как пишут Ваннутелли и Читерни, против «стократно» превосходящих сил было невозможно. Отчаянно защищавшийся Боттего пал, сраженный пулями в грудь и в висок. Читерни ранило в ногу. Обороняющихся прижали к краю пропасти. Оставшиеся в живых, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, решили спуститься вниз в надежде незаметно скрыться, а затем пробиться к побережью. Но их заметили и захватили в плен. Это произошло 17 марта 1897 года.

Спустя три месяца, в июне, Ваннутелли и Читерни были доставлены в Аддис-Абебу, где были весьма дружелюбно приняты на специальной аудиенции Менеликом, обласканы им и наделены дарами. Точно такая же встреча ожидала их по пути на родину – в Хараре у раса Меконнона. Такова вкратце версия итальянских офицеров.

Какова же была истинная причина этого трагического происшествия, стоившего жизни смелому исследователю? Ответ даст упомянутое донесение Булатовича, основанное на его беседе с солдатом-годжамцем Негусье, который принимал участие в этих событиях и едва ли имел основание приукрашивать или искажать действительное положение вещей.

Менелик, узнав, что экспедиция Боттего перешла границу его владений, предупредил Джоти о необходимости остановить ее и направить в Аддис-Абебу. Разумеется, этот приказ был вполне оправдан всем предшествующим поведением Италии и еще не определенным тогда статусом политических отношений с ней. При приближении к Гадаме Боттего был встречен Почетным конвоем в несколько сот человек, вооруженных ружьями. Он был так поражен всем этим, что взвел курок револьвера. Джоти встретил путешественника с почетом и устроил в честь его пир. Однако вместе с тем были приняты и меры предосторожности. Дадьязмач приказал собрать в Гадаме свои войска.

Это обстоятельство заставило Боттего встревожиться, и он решил разбить свой лагерь на расположенном у дороги скалистом холме, надеясь таким образом защитить себя от возможного нападения, хотя ему был приготовлен дом у Джоти, который его ждал. Затем Боттего велел сказать дадьязмачу, что намеревается на следующий день двинуться в Бени-Шенгул и просит проводников. Вечером Джоти отправил гостям дары несколько быков, много хлеба и меда. Боттего, заподозрив, что продукты отравлены, сжег корзины с хлебом и разбил кувшины с медом.

Джоти продолжал, повинуясь полученным указаниям, уговаривать главу экспедиции направиться к Менелику в Аддис-Абебу, на что Боттего ответил категорическим отказом. Естественно, дадьязмачу пришлось прибегнуть к предупредительным мерам ночью вокруг холма расположился отряд стражников около двухсот человек. На рассвете, увидев, что лагерь его окружен, Боттего первым открыл огонь. Завязался бой. Позицию итальянцы выбрали неудачно отсутствовала вода, подножие скалы находилось в мертвом пространстве, а подступы поросли высокой сухой травой. Итальянцы и Их люди находились на виду. Деморализованные безнадежностью своего положения, солдаты и Боттего бросали оружие и бежали, скатываясь с отвесной скалы, с той стороны, где не было наступающих. В это время вспыхнула трава. Примеру солдат последовали оба офицера, сопровождавших Боттего. Он остался один и отстреливался, поразив трех воинов-галласов, но один галлаоский солдат ранил его. Боттего упал, продолжая отчаянно защищаться, пока его не зарубили саблями.

Таким образом, рассказ Негусье вносит существенные коррективы в сообщения Ваннутелли и Читерни, поведение которых, видимо, было не столь уж безупречным.

Гибель Боттего объясняется в значительной степени его мнительностью и необдуманной горячностью. «Умер Боттего как безумец, но во всяком случае как храбрец и честный солдат», – заключает Булатович свое донесение. С этими словами следует, конечно, согласиться.

Миновав селение, отряд двинулся вдоль реки Кори. Речные берега поросли чахлой травой и колючими мимозами. Переводчики утверждали, что здесь живут лишь дикари, которые скитаются по стопи, вооруженные луками и стрелами. «Иденич, – называли их переводчики и при этом презрительно сплевывали. – Не людские дети.

Они дикие звери, едят мясо слонов и ящериц, а хлеба не сеют». Скоро солдаты, действительно, взяли в плен двух туземцев-иденич. Допрашивая их, Булатович снова напал на след Боттего один из туземцев приводил в лагерь «гучумбо» барана на продажу. О земле Мен туземцы знали она в двух днях пути, а об озере они ничего не слыхали.

На следующий день пришли к «месту, где вода ложится». Это было слияние рек Кори и Меру. Здесь разбили бивак. Булатович же решил взобраться на скалистую вершину, видневшуюся километрах в семи, и осмотреть местность.

На северо-востоке возвышался горный хребет. Стекающие с его западных склонов речки и ручейки, соединяясь, образуют многоводный Собат, а за восточным склоном должна быть река Омо. Итак, это была южная часть водораздельного хребта. Он начинался в галласских землях, потом переходил в горы Каффы, а южные его отроги лежали здесь, в этой пустыне. Река Омо, подходя иногда к хребту на тридцать-сорок километров, тем не менее нигде не пробивала его, а несла свои воды на юг, видимо, к озеру Рудольф. Граф Телеки и Хенель, открывшие озеро Рудольф, нашли на северном его берегу устье большой реки и предположили, что это Омо. Но Дональдсон Смит вскоре опроверг эту гипотезу. Впрочем, он ошибся, так как принял за реку Омо один из ее притоков. Теперь Булатович был почти уверен, что Телеки и Хенель оказались правы.

Хребет, который предстал перед Булатовичем, не был описан ни одним путешественником. Къярины, Чекки и монсиньор Массай прошли лишь по его северным отрогам. Вообще пространство, находившееся между седьмым градусом северной шпроты и озером Рудольф, оставалось неисследованным и на всех картах Африки выглядело белым пятном. Булатович стал первым путешественником, прошедшим через эти земли и нанесшим на карту громадный горный хребет. Впоследствии он, как первооткрыватель, предложил назвать этот хребет именем Николая И.

Отряд по-прежнему продвигался на юго-запад по безлюдной степи, которая изобиловала дичью. Иногда прямо из-под ног вырывалась испуганная дикая коза, попадались газели – огромные, величиной с быка, но легкие и грациозные.

Наконец, перевалив через несколько горных отрогов, отряд вступил в землю Мен. Хижины туземцев располагались группами, поля были возделаны, а в долинах паслись стада коз и баранов. Увидев солдат, туземцы разбежались, а солдаты, не мешкая, принялись пополнять истощившиеся за время похода съестные припасы. Нескольких туземцев привели на допрос. Это, без сомнения, были иденич – и по внешности, и по языку. Вождь племени, Весела – дряхлый старик, одетый в бычью шкуру, увешанный тяжелыми железными браслетами, – тоже попал в плен. Он никогда не слышал о большом озере на юго-востоке и утверждал, что дальше, на юге, лежат совершенно пустынные земли, где люди не живут. Когда же Булатович спросил его, видал ли он когда-нибудь европейцев, Весела ответил, что европейцы находятся неподалеку, на южных границах его земли.

Известие очень встревожило раса. Кто эти европейцы? Может быть, полк майора Макдональда, который идет из Уганды навстречу Китчеру? Ни Вальде Георгис, ни Булатович тогда еще не знали, что солдаты Макдональда взбунтовались и его экспедиция не состоялась.

Решили идти к лагерю европейцев. Еще не встало солнце, когда прозвучал сигнальный рожок раса. Каждый полк выстроился в несколько шеренг впереди – пешие, за ними – командир полка, а сзади – конники. Между полками, как обычно, ехал главнокомандующий. Солдаты личной охраны раса несли его знамя, ружья, палатку, литавры, щели его боевых коней.

Когда колонна поднялась на вершину горы, у подножия которой с другой стороны должен был находиться лагерь европейцев, солдаты увидели лишь засеку, окружавшую место покинутой стоянки, да потухший костер. Туземцы объяснили, что «тучумба» ушли прошлой ночью на восток – туда же, откуда пришли шесть дней назад.

Булатович спустился в лагерь. Нет, военный отряд здесь не останавливался. Скорее, это была небольшая научная экспедиция. Внутри засеки, видимо, стояли две палатки и кухня – Булатович нашел следы кольев. Судя по всему, люди панически бежали отсюда скот был брошен, засека разрушена, всюду валялись позабытые второпях вещи, по которым Булатович смог определить, что бивак принадлежал англичанам.

Итак, земля Мен пройдена. Перед Вальде Георгисом встал вопрос куда идти дальше? На юго-запад? Но туземцы, все как один, уверяли, что там нет обитаемых земель, а живут в тех местах слоны и другие дикие звери. Рас решил идти к озеру Рудольф и завладеть устьем реки Омо. Приближался период дождей, и нужно было успеть возвратиться в Каффу до того, как горы станут непроходимыми. Туземцы ничего не знали об озере Рудольф. Единственным

проводником войска стал компас. Булатович определил направление, где должно быть северное побережье озера, и рас решил вести туда свой отряд. Идти предстояло по пустынному и совершенно неразведанному плато.

И марта отряд выступил в путь.

Для Булатовича этот поход оказался вдвойне трудным – у него началась лихорадка. Длинные переходы по пустыне под лучами палящего солнца казались ему бесконечными. Отдых «на биваке тоже не приносил облегчения. Брезентовая палатка накалялась на солнце и не только не спасала от жары, но еще более усиливала ее. А ночью, когда, казалось, можно было наконец-то отдохнуть в прохладе, вдруг налетел ураган. Он срывал палатки и обрушивал на людей лавину тропического ливня. А наутро снова переход под беспощадным солнцем, иногда без капли воды за день.

Необычно тихо было по вечерам в лагере. Не слышно песен и смеха возле костров. У солдат уже не осталось продовольствия, и они добывали пищу охотой. Ели все, что попадалось, не брезгуя ничем.

Солдаты сидели у огня в угрюмом молчании. Они не понимали, зачем завел их рас в эту пустыню, где нет ни людей, ни воды. Им казалось, что во всем виноват белый, который ведет их отряд и указывает расу путь. «Он хочет нас всех погубить, – говорили солдаты. – Ему самому все нипочем, он заколдован, может не есть, не гнить, не устает!»

Друзья предупредили Булатовича, что ему нужно остерегаться какой-нибудь доведенный до отчаяния голодом и жаждой солдат может во время охоты «случайно» подстрелить его.

Женщины-туземки, попавшие в плен, сказали, что на севере в двух днях пути лежит богатая хлебом земля Кира. Отряд повернул на север – в горы. Перевалили через хребет и вышли к реке, – в которой, однако, воды было так мало, что ее хватило только для людей. К счастью, в этих местах кочевало со своими стадами одно из племен иденич. Солдаты захватили стадо – и впервые за много дней по-настоящему поужинали.

На следующий день вышли к реке Кибиш, которая, спускаясь с юго-восточных склонов хребта, впадает в Омо. На берегу реки вновь обнаружили свежие следы европейцев костры еще дымились, рядом с ними валялись куски мяса, одежда, ножи с английскими клеймами. Европейцы поспешно бежали при приближении эфиопов. Откуда этот панический страх? Рас недоумевал. Ведь несколько дней назад он через одного из туземцев послал европейцам письмо, где объяснял, что у его армии нет никаких враждебных намерений по отношению к путешественникам и он, рас, будет счастлив встретиться с ними в этой безлюдной пустыне. Ответа не последовало.

Булатович предполагал, в чем причина бегства англичан. Вероятно, они поверили Дональдсону Смит, который, вернувшись из Африки, опубликовал описание своего путешествия. Рассказ Смита так искажал действительность, был пропитан такой недоброжелательностью к эфиопам, что ничего, кроме страха перед ними, не мог внушить читавшим его. Дональдсон Смит прожил некоторое время в резиденции дадьязмача Вальде Габриэля – правителя Черчера и Ишу, ожидая разрешения Менелика на путешествие через Эфиопию к озеру Уаламо. Вальде Габриэль оказал ему самый радушный прием, устроил в своем доме, кормил его и весь его караван, а на прощание Подарил несколько отличных верблюдов. Англичанина, настроенного враждебно к эфиопам, не тронуло радушие хозяина, хотя подарки он взял. А в книге, вышедшей после путешествия, о Вальде Габриэле было написано, что он... попрошайка, потому что один из его приближенных сказал Дональдсону Смит, что Вальде Габриэлю очень нравится его ружье. В таком тоне – насмешливо-снисходительном, даже брезгливом – описал Д. Смит «диких» эфиопов.

В землю Кира вступили на третий день. Солдаты, в поисках продовольствия рассыпались по селениям, из которых поспешно убегали жители. Рас приказал солдатам запастись продовольствием не менее чем на десять суток предстоял десятидневный переход по пустынному каменистому плато к озеру Рудольф. Не только солдаты, но и многие офицеры протестовали против этого похода. А есть ли там, на юго-востоке, озеро? Ведь ни один пленный еще не сказал, что он хотя бы слышал о нем.

Во всем многотысячном войске лишь один человек твердо знал о существовании озера Рудольф – Булатович. Ведь оно уже было открыто европейцами и нанесено на карту.

Рас верил Булатовичу. На военном совете, собравшемся накануне выступления, он сказал своим офицерам: «Пускай трусы и бабы погибают или убируются вон. Я не возвращусь, не побывав на берегу озера, и, если вы меня покинете, я пойду туда с русским и с людьми моей охраны». И утомленное, изможденное недавним голодом войско двинулось за своим вождем в пустыню. Авторитет Вальде Георгиса оставался непререкаемым.

До реки Омо, по словам туземцев, было два перехода. Есть ли по пути вода, этого никто не знал. Булатович и Вальде Георгис поднялись на одну из вершин на востоке и километрах в тридцати увидели темную полосу деревьев – очевидно, там была река. Рас решил идти туда напрямик.

Вышли с берегов Кибиса в четыре часа утра. Позади остались прибрежные кусты, и началась степь. К десяти часам местность изменилась пошли редкие кусты, а потом густые заросли низеньких колючих деревьев, через которые приходилось шашками прорубать дорогу. Солнце стояло в зените и пекло нестерпимо. Запасы воды уже давно кончились.

Теперь надежды солдат были обращены к реке. Вот местность начала круто понижаться, все устремились вперед, чтобы поскорее увидеть желанную воду, но... это было пересохшее русло. Потом попало еще одно, за ним – третье. Воды не было. Солдаты начали падать от солнечных ударов.

А вдруг до реки еще десятки километров, а здесь ничего, кроме высохших притоков, нет? Может быть, Булатович ошибся, определяя местоположение отряда на карте? Если это так, то отряд неминуемо погибнет.

Ню вдруг где-то впереди раздался радостный крик: «Вода!» Как молния, пронесся он по всей колонне до самого арьергарда. Прозвучал рожок раса – бивак! Внизу, прямо под ногами, блестела широкая лента реки. На ее поверхности чернели громадные, дремлющие на солнце крокодилы.

Вода! Отряд спасен. Солдаты прыгали с крутых песчаных обрывов и пили тепловатую долгожданную воду Омо.

Женщина-туземка, попавшая в плен и назвавшаяся Келемисой, сказала, что это река Уар. Сама Келемиса принадлежала к дикому племени, которое жило в этих лесах и промышляло охотой и рыбной ловлей. До мест, обильных хлебом, по словам Келемисы, пять-шесть дней пути.

Теперь отряд шел вдоль берега реки, прорубая дорогу в колючих зарослях. Река делала множество зигзагов, и, вероятно, экономнее и удобнее было бы идти на некотором расстоянии от реки и лишь бивак устраивать на берегу.

Рас решил снова допросить Келемису и уточнить у нее, где лежит обильная хлебом земля. И вдруг Келемиса озадачила всех она заявила, что такой земли вообще не знает, а то, что говорила два дня назад, было ложью. Солдаты, присутствовавшие при допросе, заволновались.

Но Булатович понял, что Келемиса говорит неправду ее научили этому другие пленные проводники, которые хотели, чтобы отряд как можно скорее возвратился назад.

– Ты лжешь, – оказал он Келемисе, – вот я тебе за это вложу сейчас в рот такое лекарство, от которого ты немедленно умрешь, как только еще раз скажешь не правду.

Солдаты раскрыли перепуганной Келемисе рот, и Булатович втиснул ей между зубов кусочек хины.

– Так где эта земля? – спросил он.

Келемиса быстро указала рукой на юг. Итак, впереди все-таки был хлеб.

Теперь Келемиса стала послушной и не делала никаких попыток сбить отряд с пути.

А дорога до озера оказалась неблизкой. Когда Булатович показал Вальде Георгису точку на карте, где находился отряд, рас пришел в отчаяние. Он уже сомневался, что когда-либо дойдет до этого пресловутого озера Рудольф.

На следующий день утром вдруг кончились солончаковые холмы, покрытые колючим кустарником. Степь зазеленела от сочной травы, а скоро показались возделанные поля, стада скота и хутора. Вот она, долгожданная земля, обильная хлебом. Солдаты сразу же, не дожидаясь команды, бросились по хижинам в поисках хлеба, молока, мяса. Туземцы в страхе разбежались, но нескольких из них все-таки удалось взять в плен. Эти люди, вероятно, принадлежали к племени иденич. Мужчины ходили абсолютно голыми, на женщинах же был

передничек, расшитый раковинами, и бычья шкура, отлично выделанная. Руки и ноги туземцы украшали железными браслетами, в ушах висели медные серьги, а у женщин на шее – еще и ожерелья из распиленных птичьих, и крокодиловых косточек. На лбу у каждого было несколько вертикальных черточек – знак принадлежности к определенному племени.

Туземцы сообщили, что до озера всего два дня пути. Впервые за три недели похода люди могли спокойно заснуть, не заботясь о завтрашнем дне.

Но лагерь долго не успокаивался в эту ночь. Солдаты смеялись, пели, били в литавры, рассказывали об эпизодах прошедшего дня – словом, это опять был бивак эфиопских солдат – неунывающих, веселых, шумных.

А утром 26 марта проводник вывел отряд прямо через зеленую степь к берегам озера. Экспедиция достигла цели. По приказу Менелика его солдаты вышли на второй градус северной широты, к новым границам Эфиопии. А Булатович мог теперь с абсолютной уверенностью обозначить на карте реку, впадающую с севера в озеро Рудольф Омо.

Лагерь разбили на берегу реки у впадения ее в залив Рус, в тени высоких деревьев. Солдаты занялись пополнением своих съестных припасов и постройкой шалашей. Со всех сторон они несли к биваку Кукурузу, тыквы с кислым молоком, гнали ослов, баранов, коз, быков, тащили щиты, копья и луки, отбитые у туземцев. Булатовича теперь встречали с особым почтением. Некоторые солдаты кидались целовать ему колени за то, что «он привел их в такую хорошую землю...».

Вскоре к палатке русского подошел сам рас в сопровождении священника и толпы солдат. Они несли мальчика-туземца лет трех, страшно изуродованного, видимо, солдатами куло. Солдаты этого кровожадного племени не состояли в регулярном войске Вальде Георгиса. Когда глашатаи раса разнесли весть о мобилизации, отряд куло вступил в войско, отправлявшееся на завоевание новых земель. Их жестокости, казалось, нет предела. Врываясь в какую-нибудь деревушку, они вырезали там всех жителей – от мала до велика. Быкам и баранам, которых куло не могли угнать с собой, они перерезали горло, а туши бросали на дороге. Так изуродовать ребенка могли только куло.

Окровавленный мальчик не плакал и даже не стонал – слишком велик был его страх перед людьми, причинившими ему столько мучений. Солдаты, для многих из которых война и кровопролитие стали главным занятием в жизни, не могли без слез смотреть на это маленькое кровоточащее тельце. Они не выдерживали и уходили из палатки. Ушел и Вальде Георгис. Булатович, промыв и перевязав раны, уложил мальчика в своей палатке. Рас отдал приказ небольшому отряду добыть челн, переправиться на другой берег реки и водрузить там эфиопский флаг. Булатович же велел привести к себе всех пленных переводчиков, чтобы поговорить с местными жителями племени машай. Разговор этот был не из легких. Булатович по-амхарски обращался к Габро Мариаму, и тот переводил его слова на язык шуро. Старик из племени шуро переводил этот вопрос пленному из земли Каита, тот передавал вопрос дальше на языке иденич, и, наконец, последний обращался к туземцам на языке племени машай. Словом, это был изрядно испорченный телефон, и, в отличие от детской игры, невозможно было установить, в каком из звеньев цепи вопрос искажался. Если ответ машая не соответствовал поставленному вопросу, приходилось снова передавать вопрос по всей цепи. После нескольких часов «переговоров» Булатовичу удалось выяснить, что к западу от устья Омо есть земля Ломодок, богатая скотом, а на юге, по берегам озера, живут воинственные тургана, у которых большие стада, но совершенно нет полей хлеб они не сеют.

Затем переводчиков потребовал к себе рас с их помощью следовало убедить туземцев на той стороне реки не сопротивляться эфиопам.

На противоположном берегу Омо под развесистым деревом сидели на низеньких табуреточках несколько туземцев-парламентеров, и диалог велся примерно так:

– Приходите нам покориться.

– Мы вас не знаем, уходите с нашей земли.

– Не придете добровольно, мы спалим вас огнем наших ружей, а ваших жен и детей уведем в плен. Мы ваши властители – амхарцы Менелика.

– Мы не знаем амхарцев Менелика. Уходите.

Так повторялось несколько раз, и переговоры успеха не имели. Но когда солдаты

пригнали откуда-то челнок, туземцы стали сговорчивее. Они поинтересовались, кто такой Менелик, и ушли, чтобы посоветоваться, стоит ли им сдаваться какому-то неведомому, но, наверное, могущественному царю.

К утру два челнока были готовы, и солдаты начали переправляться в них на другую сторону. По эту сторону на высоком берегу залегли стрелки с ружьями – на случай, если туземцы не будут достаточно благоразумны и атакуют десантников. Но ничто не нарушало тишины. Челноки сновали от одного берега к другому, перевозя партии солдат. Последними высадились на берег Булатович и Ато-Баю. Они везли флаг, укрепленный на длинном древке. Один из солдат ловко взобрался на верхушку высоченного дерева и укрепил там флаг.

Вечером все войско раса торжественным маршем двинулось к берегу озера. Каждый, не исключая и самого Вальде Георгиса, нес на плечах два камня. На берегу на одном из холмов из этих камней вырос своеобразный монумент, на вершине которого бился на ветру шелковый зелено-красно-желтый эфиопский флаг. По сигналу раса пять тысяч ружей отсалютовали новым владениям Менелика. Забили литавры, затрубили трубы, засвистели флейты – солдаты праздновали победу.

30 марта отряд выступил в обратный путь. Теперь походная колонна возросла примерно вдвое. Солдаты гнали захваченный скот, погрузив на мулов запасы продовольствия; пленные мальчишки несли ружья и щиты, а женщины-туземки, не проявляя особого упрямства, ходили за водой, рвали траву для мулов и мололи зерно. Солдаты ликовали. Они шли домой с победой и большой добычей. Вальде Георгис понимал, как трудно будет идти по пустыне с таким обозом, но он понимал и другое: никакая сила, даже приказ любимого военачальника, не сможет сейчас заставить солдат отказаться от добычи.

Булатович в сопровождении Двух слуг, которые горевали, что у них нет пленницы и теперь самим приходится запасать траву для мулов, решил подняться на гору Курас, которая возвышалась на южной оконечности горного хребта в нескольких километрах от берега Омр. Он не предупредил расу о своем намерении, так как Вальде Георгис не отпустил бы его без надежного конвоя: в лесах скрывались туземцы, покинувшие свои жилища при приближении войска.

Выступили в четыре часа утра. Булатович ехал на муле, а слуги с ружьями и инструментами бегом поспевали за ним. Пока не взошло солнце, ехать было легко и приятно. Но уже к девяти часам утра стало жарко, да и дорога, выйдя из прибрежного леса, пошла по равнине, перерезанной глубокими трещинами. Мул стал оступаться, пришлось двигаться медленнее.

Внезапно в кустах путники наткнулись на десяток туземцев, которые сидели кружком у только что зарезанного барана. При виде вооруженных людей они бросились в разные стороны. Одному из слуг все-таки удалось схватить высокого туземца, вооруженного луком, щитом и копьем, а другой слуга поймал его жену с маленьким ребенком.

Лица у туземцев были красивые, не изуродованные татуировкой. Вся одежда мужчины состояла из шкуры козленка, его длинные волосы спускались до самых плеч. На женщине была воловья шкура вокруг бедер.

Супруги пришли в полное отчаяние. Они что-то мычали и протягивали к Булатовичу руки, моля о пощаде. Ребенок ревел, а у ног вертелась с лаем маленькая собачонка, не бросившая своих хозяев.

Объясниться с туземцами не было никакой возможности – они ничего не понимали, но кое-как, знаками, Булатович заставил их умолкнуть и, указывая на гору, стал объяснять, что, как только они взойдут туда, их немедленно отпустят домой.

Туземцы, видимо, что-то поняли, успокоились и позволили взвалить на себя инструменты. При дальнейших расспросах удалось выяснить, что туземцы принадлежат к племени тургана и живут на западных берегах озера.

Склоны горы оказались очень крутыми. Мелкие острые камни ежеминутно впивались в ноги. Ухватиться за растущие по склонам кустики было нельзя – их ветви усеивали длинные колючки. И вдобавок солнце пекло в этот день с беспощадной силой. На полдороге измученные туземцы легли на землю, и никакие угрозы не могли заставить их подняться. Булатовичу очень нужен был проводник, потому что только с его помощью он мог пометить на карте местные

названия некоторых неизвестных вершин. Но туземцы, казалось, уже окончательно свыклись с мыслью о смерти и не внимали никаким угрозам и посулам.

Тогда Булатович подошел к туземцу и выстрелил из револьвера почти над самым его ухом. Бедняга от ужаса, видимо, лишился последних признаков сознания. Слуги подняли его на ноги, Булатович взял на себя ношу туземца, и все начали медленно карабкаться вверх. К полудню, совершенно измученные, поднялись на вершину. Нужно было спешно установить инструменты, чтобы наблюдать солнце, когда оно будет в зените.

Отсюда, с вершины, открывался вид на северную часть озера с тремя заливами. В один из них – Рус – впадает Омо. На западе, окруженный горами, лежал залив, открытый Боттего в 1896 году; в следующем году здесь побывал Кавендиш. Но ни тот, ни другой не узнали местного названия залива. Пленный тургана называл его Лабур, и Булатович нанес это название на карту. С юга залив оканчивался длинным мысом, на котором возвышались три пика. Туземец не знал, как называется этот мыс, и Булатович написал на карте свое наименование – Васькин мыс – в честь израненного мальчика, найденного на берегах Омо, вылеченного и выхоженного им и Зелепукиным. Неизвестно почему, оба они стали называть мальчугана Васькой, и вот теперь имя нового подданного императора Менелика появилось на географической карте Булатовича.

Спускаться с горы ничуть не легче, чем взбираться на нее склоны, усыпанные щебнем, так круты, что удержаться на ногах нет никакой возможности. Жара не спадала. В тылке оставалось несколько глотков воды, и их разделили поровну. До Омо было километров двадцать. Туземца отпустили, как и обещали. Леса, окаймляющие Омо, виднелись у самого горизонта, но путникам казалось, что по мере их продвижения узкая полоска отступает все дальше и дальше. А вокруг лежала желтая голая степь.

Часов в пять вечера из-за кустов вышло стадо коз и баранов, которых туземцы гнали подальше от эфиопов. Усталым путникам, все вооружение которых состояло из одного ружья с тридцатью патронами и револьвера – с десятью, эта встреча не сулила ничего хорошего.

Булатович, как опытный офицер, всегда помнил старое мудрое правило лучший вид обороны – нападение. Не теряя ни минуты, он выскочил из-за кустов и двинулся на туземцев. Расчет его оказался правильным напуганные туземцы – а их было несколько десятков – побросали своих коз и баранов и кинулись бежать, как будто перед ними был не один человек, а, по крайней мере, полк вооруженных до зубов солдат.

Слуги Булатовича, воодушевленные таким оборотом дела, забыв про усталость, начали преследовать туземцев, хотя нужды в этом не было никакой. Путь был свободен. Однако напрасно Булатович звал слуг, стрелял в воздух. Они скрылись в кустарнике. Ждать их в этом месте было опасно туземцы, опомнившись, могли подкрасться сзади. Если слуги живы, то они направятся к реке.

И Булатович пошел один. Солнце уже село, когда он достиг прибрежного леса и, продираясь сквозь чащу, вышел на высокий и обрывистый берег Омо. Он привязал мула к шашке, воткнутой в землю, а сам по лиане спустился к воде. Вода была теплая и мутная, но путешественнику казалось что вкуснее напитка он в жизни не пробовал.

Теперь предстояло искать следы отряда, уходившего на север. Стало совсем темно, лес стоял вокруг черной стеной. С реки доносился рев гиппопотама. Иногда Булатович слышал, как сквозь чащу продирался слон. То и дело раздавались пронзительные крики ночных птиц. Александру Ксаверьевичу, вообще не ведавшему страха в самых отчаянных положениях, стало жутко в этом враждебном лесу. Еще засветло, пробираясь сквозь чащу, он то и дело натыкался на следы туземцев – потухшие костры, покинутые стоянки, а потом вдруг набрел на эфиопского солдата, видимо разведчика, убитого туземным копьем. Этот лес, вероятно, не был таким безлюдным, как это могло показаться сначала.

Идти дальше стало невозможно. Надо было ждать луны. Булатович сел на землю, привязан поводья мула к руке, и задремал. Сон походил на забытье. Булатович отлично слышал любой, даже малейший шорох, чувствовал каждое движение мула, и в то же время он ясно, отчетливо видел Петербург, своих полковых товарищей... Это был сон из прошлого, в котором одну картину от другой отделял резкий крик птицы или храп мула, учувшего поблизости зверя.

Наконец, в полночь взошла луна – голубая, огромная. Стало светло. Булатович поднялся.

Он пошел на север вдоль берега реки и скоро наткнулся на широкую тропинку, утопанную людьми и животными. Ее не могли проложить туземцы – людей по тропинке прошло слишком много. Это, несомненно, след эфиопского войска.

К четырем часам утра он вышел к биваку. Его встревоженные слуги не спали, а с горящими головнями бродили вокруг бивака в ожидании хозяина.

Два спутника Булатовича тоже благополучно вернулись почти одновременно с ним прекратив преследование туземцев, они не нашли в себе сил вернуться назад и, как и предполагал Булатович, направились к реке.

Жуткая ночь кончилась. Засыпая на рассвете, Булатович вспомнил, как в Петербурге многие его знакомые, узнав, что он едет в Африку и намерен путешествовать по не исследованным ранее землям, говорили, что завидуют ему ну разве можно придумать более приятного времяпрепровождения, чем путешествие! Как они заблуждались! Ведь путешествие – это прежде всего труд, упорный, самоотверженный, изнурительный, это лишения, смертельная опасность и лишь в самую последнюю очередь – приятное времяпрепровождение, да и то в очень редкие дни.

Обратный путь отряда был нелегко. Каждый день недосчитывались нескольких солдат – они умирали от ран, болезней, солнечных ударов. Страшно было смотреть на измученных, ослабевших пленниц. Время от времени то одна из них, то другая, совершенно обессилив, падала. Хозяин начинал ее бить, но град ударов не действовал. Женщину оставляли умирать на дороге. Путь отряда был отмечен трупами людей и животных.

Всю дорогу слуги Булатовича несли Ваську на руках. Он почти поправился, повеселел и уже знал несколько слов по-русски. Зелепукин возился с Васькой, как самая настоящая нянька, клал его с собой спать, а каждое утро, под громкий смех солдат, ворчал на недостойное васькино поведение ночью.

Отряд шел теперь по травянистой степи прямо к реке Кибиш.

На берегу разбили бивак. На сыром прибрежном песке отчетливо виднелись следы мощных львиных лап. В этих местах львов так много, что туземцы называют свою землю Яамбаса-Мьеда – Львиное поле. Ночью львы напали на лагерь – они утащили двух ослов и женщину. На следующую ночь Булатович с одним из слуг отправился на охоту на царя зверей. Но охота не состоялась – львы так и не вышли.

Каждый бивак для солдата – желанный отдых. Булатовича же на биваке ожидали новые труды надо сделать записи в дневнике, отметить на карте пройденный маршрут и, конечно, произвести с какой-либо вершины съемку местности и астрономические наблюдения. Теперь рас не отпускал Булатовича без конвоя, и тем не менее почти всякий раз Булатович оказывался в обстоятельствах, которые могли окончиться крайне печально.

Однажды он в сопровождении трех слуг и двадцати шести человек конвоя отправился на одну из вершин, возвышавшихся над долиной Омо.

Склоны горы отвесной стеной поднимались вверх, а на террасах лепились друг к другу хижины туземцев. Узкая тропинка вела вверх. Туземцы с дикими криками, вооруженные копьями и щитами, сбегались со всех сторон. Одного старика туземца слуги Булатовича захватили в плен. Старик был дряхл, но сохранял удивительное хладнокровие попав в плен, он продолжал курить свою длинную трубку.

Отряд снова двинулся вверх, а впереди шел старик. Туземцы – их было человек сто – преградили дорогу. Булатович сорвал пучок травы – знак мирных намерений – и двинулся навстречу туземцам. Они, видимо, не предполагали нападать, но указывали все время па старика. Булатович понял, что они просят отпустить его, и тут же выполнил эту просьбу. Затем он знаками объяснил туземцам, что они должны положить оружие на землю. Туземцы поняли и не упрямылись.

Солдаты Булатовича стали просить его вернуться опасно идти наверх, прямо в руки туземцев, которые, конечно, не оставят отряд в покое. Но Булатович стоял на своем позор солдатам с ружьями, если они убегают от туземцев, вооруженных лишь копьями. «Вы не воины – вы мыши!» – крикнул он им и пошел вперед. Его решимость и оскорбительные слова подействовали – солдаты последовали за ним.

Вскоре туземцы обошли отряд сзади и почти настигли его. Впереди бежал громадного

роста человек со страусовыми перьями на голове и копьями в руках. Он уже прицелился в одного из солдат, но в это время грянул выстрел. Туземцы, схватив сраженного наповал смельчака, бросились бежать и как будто прекратили всякие попытки атаковать. Так что на вершину взойшли без всяких помех, и Булатович, установив инструмент, принялся за обычную работу. Прошло уже более часа, туземцы ничем не обнаруживали своего присутствия, но солдаты торопили Булатовича. Ему оставалось еще на несколько минут работы, и он приказал солдатам спускаться, оставив при себе троих слуг.

И вдруг, когда отряд отошел уже на приличное расстояние, а Булатович брал последний азимут, из-за кустов и камней появились черные фигуры вооруженных туземцев.

На всех, оставшихся на вершине, имелось четыре ружья и револьвер. Булатович в этот момент был и вовсе безоружен – шашка и револьвер мешали ему работать, он снял их и положил на землю в нескольких шагах. Отступать вслед за отрядом и стрелять – явно бессмысленно и ничего, кроме верной гибели, не сулит. Нужно как-то отвлечь туземцев от их намерений, выиграть время, чтобы ушедшие вперед солдаты успели возвратиться.

«Халио! Мир!» – крикнул Булатович одному из туземцев, прятавшемуся за деревом, и с компасом и планшетом в руках двинулся ему навстречу. Тот остановился, тихо проговорил «халио» и стал ждать, что будет дальше.

Булатович поманил туземца, тот нерешительно подошел и поцеловал протянутую ему руку. Булатович присел на корточки – туземец тоже. Булатович заставил туземца положить копье на землю, затем поманил к себе еще нескольких туземцев и заставил их тоже положить оружие и поцеловать ему руку. Вокруг собралось человек двадцать. Они рассматривали диковинный компас, слушали, как тикают часы. Время было выиграно. Булатович подозвал одного из слуг, посадил его на свое место, дав понять туземцам, что теперь следует целовать руку его заместителя, и сам поспешил к своему оружию. Пора было уходить с вершины. Крикнув несколько раз «халио!», Булатович и его слуги стали быстро спускаться.

И все-таки пришлось открыть стрельбу, хотя Булатовичу очень не хотелось этого делать. Но туземцы опять окружили отряд, угрожая солдатам дротиками. Туземцы находились всего в двадцати шагах, и пули разили их без промаха.

Это ошеломило туземцев, они убегали, забирая с собой убитых и раненых, а на какое-то время солдаты получали возможность беспрепятственно спускаться вниз.

Но потом туземцы вновь приободрились и прибегли к другому способу нападения. Они стали обрушивать на узкую тропинку каменные обвалы. Огромные камни с грохотом скатывались вниз под дикий вой и крики туземцев. Впрочем, вреда солдатам эти камни не причинили, хотя и вызвали панику. Выстрелами все-таки удалось отогнать туземцев, и отряд спустился вниз. На бивак вернулись поздно ночью, тем не менее рас сразу же позвал к себе Булатовича.

Вальде Георгис уже знал все подробности прошедшего дня. Он очень тревожился за своего друга и теперь, поздравив его с победой, сказал: «Почему ты не известил меня, что едешь драться? Я бы тебе дал больше солдат. Не понимаю, как ты остался цел и как твои солдаты не разбежались. Ведь гибель должна была казаться им неминуемой. Ты дьявол, но только знай, что твоя теперешняя храбрость не есть еще настоящее мужество, а пылкость молодости и неопытности. Поверь мне, что только тогда, когда ты испытаешь бегство и будешь равен, ты станешь понимать опасность и неопытная пылкость заменится в тебе сознательным мужеством закаленного в боях воина».

14 апреля к войскам раса присоединился отряд, остававшийся в крепости Колу. Теперь вся армия Вальде Георгиса собралась вместе и, вытянувшись в бесконечную вереницу, двинулась на север.

Туземцы не упускали случая напасть на солдат. Они уже не разбежались при одном только виде ружья, а отчаянно бросались в бой, защищая свое имущество.

В отряде распространилась какая-то странная болезнь, уносившая ежедневно по несколько жертв. Еще утром человек был здоров и весел, а к вечеру впадал в беспамятство и умирал от нагноения в слюнных железах. По ночам на биваке слышались то и дело ружейные выстрелы, и нельзя было понять, что это очередная схватка с туземцами или салют по умершим от неведомой болезни товарищам.

Южные отроги горного хребта, по тропинкам которого шла домой армия Вальде Георгиса, населяли смелые и воинственные горские племена. Еще на пути к озеру Рудольф Булатович отметил, что горские племена резко отличаются от негроидного населения соседних областей. Горцы внешне не походили ни на шуро, ни на гими́ро, да и образ жизни у них иной. У горцев добротные усадьбы, отлично возделанные поля, они знают ремесла, умеют добывать и обрабатывать железо. Булатовича тогда поразил этот островок цивилизации среди отсталых негроидных племен. Откуда он? Как он здесь возник и сохранился?

И теперь, когда рас поручил трем полкам произвести разведку местности между горой Сай и землей Беру, Булатович присоединился к разведчикам в надежде добыть хоть какие-нибудь сведения, которые помогли бы ему разрешить загадку горских племен. И он не пожалел об этой поездке, хотя не один раз оказывался на краю гибели туземцы шли за разведчиками по пятам.

Накануне ночью прошел дождь, и теперь в свете утреннего солнца воздух казался особенно прозрачным. С одной из вершин Булатович отчетливо увидел далекие горы Каффы. До полудня оставались считанные минуты, и он не отрываясь смотрел в окуляр прибора на волосок, через который вот-вот начнет проходить солнце, как вдруг над самой его головой просвистел камень, пущенный, видимо, из пращи. Второй камень попал в ножку штатива, но инструмент все-таки не упал. Затрубили призывные рога туземцев, и послышались их воинственные крики.

А Булатович не отрываясь смотрел в окуляр. Трудно сейчас представить себе, что он испытывал в эти минуты под градом камней. Вечером того же дня, 22 апреля, он запишет в дневнике «Оторваться от инструмента в самый важный момент наблюдения не приходилось, и я продолжал свои занятия при довольно необычайной для астрономических работ обстановке».

Солдаты выстрелами отогнали туземцев. Те отступили, но не ушли. Всю дорогу они сопровождали отряд на почтительном расстоянии.

В одном из селений, откуда жители разбежались при приближении отряда, Булатович смог войти в хижину горца. То, что он увидел там, поразило его. Дверь, кото рая вела в хижину, была так мала, что через нее в дом вползали, а не входили.

Внутри было темно, а когда глаза после яркого дневного света привыкли немного к темноте, Булатовичу показалось, что он попал в какой-то древний храм. Потолок удерживали толстые колонны из бревен, оплетенных хворостом и обмазанных глиной. По сырой глине выполнен узор, подобный узору на татуировках туземцев. На стене висели два больших барабана такой же формы, как и в эфиопских церквях. Тут же стояла большая деревянная арфа, тоже ничем не отличавшаяся от эфиопской, на которой, по преданию, играл сам царь Давид. Откуда все это здесь, за тридевять земель от Эфиопии? Ведь местные жители ничего не слышали не только об эфиопах, но даже о своих более близких соседях – каффичо.

В середине хижины находился очаг, а вокруг него стояли три глиняные урны. Во дворе хижины Булатович увидел холмик в виде пирамиды, обложенный камнями. На верхушке лежали угольки, обглоданная баранья косточка, кусочки навоза слона. Что это? Могильные холмики, подобные тем, которые Булатович видел в галасских землях, с нехитрыми жертвоприношениями злым и добрым духам?

Загадка, мучившая Булатовича, не только не разрешилась, а, наоборот, окончательно завела его в тупик. Парадокс не просто вызывал недоумение он дразнил исследователя, заставлял его перебирать в уме факты, слышанные когда-то легенды, кровавую историю гибели и расцвета племен в этой части Африки. А что, если было так... В далекие, незапамятные времена все Абиссинское нагорье – все земли, которые сейчас вознамерился объединить под своей властью император Менелик, – населял один и тот же народ. Но вот с северо-востока двинулись на эти земли семитские племена. Они шли на юг и запад, оседали на богатых изобильных землях, смешивались с аборигенами, и в результате появились племена и народы, живущие ныне на Абиссинском нагорье. Причем путь этих семитских племен прослеживается, как по карте, по внешнему облику теперешних народов тигрейцы – самые северные – кажутся чистыми семитами, они наиболее Светлокожие, затем идут амхарцы – в них семитской крови поменьше, потом сидамо, в том числе каффичо, – здесь был, видимо, предел завоеваний, потому что живущие южнее гими́рра не имеют в своем облике ни единой семитской черты.

Скорее всего, тут древний эфиопский народ смешался с негроидными племенами. Они вторглись в эти земли и отделили от Эфиопии племя горцев. Земля горцев оказалась неприступной для врагов ее стерегли горы. И народ этот сохранил до сего дня чистоту крови – такими, видимо, были древнейшие обитатели Абиссинского нагорья.

Разведывательные полки продолжали рейд, а Булатович со своими слугами и полсотней солдат отправился к биваку главных сил. В этот день небольшой отряд Булатовича шел без отдыха и еды уже двенадцать часов. Солнце село, но ничто не говорило пока о близости эфиопской армии. По узенькой тропинке Булатович, сопровождаемый оруженосцем и одним из слуг, поднимался в гору, чтобы посмотреть оттуда, не видно ли где эфиопских палаток. Вдруг впереди на тропинке в нескольких шагах появился туземец с копьем на плече. Он остановился, но не побежал, как рассчитывал Булатович ведь перед туземцем были два солдата с ружьями и белый с шашкой. К изумлению Булатовича и его спутников, которые даже и не готовились к обороне, туземец бросился вперед с копьем и остановился шагах в десяти, выбирая момент для удара. Булатович выхватил шашку и крикнул своим людям, шедшим сзади: «Белау! Бей!» Прошло мгновение, другое, но те почему-то не стреляли. Обернуться было нельзя – в этот момент туземец метнул бы свое копье. Наконец, грянул выстрел – промах. Тогда Булатович бросился на туземца с шашкой, но второй выстрел сразил храбреца наповал.

Нередко бывает, что опасность подстерегает человека именно в тот момент, когда множество случайностей, каждая из которых сама по себе еще не грозит ничем, вдруг сходятся и становятся роковыми. Именно в этот день у Булатовича порвался ремень, на котором всегда висел его револьвер, и он оставил его в кобуре седла. Оруженосец Абто Селассие впервые держал в руках трехлинейную винтовку, затвор которой был на предохранителе, а оруженосец не знал, как его перевести на боевой взвод. У второго спутника попался толстый патрон, который застрял в патроннике.

Но в цепи роковых случайностей была еще одна – счастливая. Она-то и спасла Булатовичу жизнь. Один из офицеров видел, как уходил на гору Булатович, взяв с собой лишь двух слуг. Местность была беспокойна, за каждым кустом, за каждым стволом дерева мог скрываться враг. И офицер на всякий случай пошел за Булатовичем. Его пули и сразили туземца.

Булатович постоянно искал судьбу, и она подвергала его смертельным испытаниям. Сколько раз он выходил невредимым из, казалось бы, безвыходных положений. Поистине, судьба не только испытывала его, но и хранила.

Только на следующий день Булатович увидел вдалеке эфиопское войско. Он поспешил к своей палатке. Навстречу выбежал Васька и незамедлительно продемонстрировал свои достижения в изучении русского языка. «Здравия желаю, ваше высокоблагородие!» – радостно кричал он Булатовичу.

А через несколько дней Булатович с ужасом обнаружил, что неизвестная болезнь, косившая солдат раса, добралась и до него. Жар налил свинцом голову, глаза болели и слезились, на шее опухли железы. Новая болезнь не щадила никого – ни трусов, ни смельчаков. Теперь она наносила эфиопскому войску больший урон, чем копья и стрелы туземцев. Но и на этот раз спасение пришло.

Вальде Георгис прислал к Булатовичу одного из своих солдат – Лидж-Абаба, который жил до похода в северозападных землях около Кассалы и видел, как лечили такую же болезнь арабы. Он осмотрел горло, а потом крепко надавил пальцами на шейные железы. Несмотря на всю примитивность такого врачевания, Булатович сразу почувствовал облегчение.

Кто знает, сколько людей осталось бы в войске раса после похода, если бы не Лидж-Абаба, через руки которого ежедневно проходила масса больных. Многие из них выздоравливали.

Армия раса уже приближалась к землям гимирра. По этому случаю Вальде Георгис собрал военный совет. Новые территории, ставшие теперь частью Эфиопской империи, были разделены на пять областей. Пять самых храбрых военачальников раса назначались их правителями. Они должны были, дождавшись из Каффы обоза и запасов патронов, разойтись со своими полками по новым владениям и окончательно замирить туземцев, объявив им словом и делом, что отныне они – подданные великой империи.

Остальная же часть армии продолжала путь на север.

5 мая показались границы земель гимирра. Война закончилась. И тяготы труднейшего пути, и копыта туземцев – позади. Теперь все помыслы солдат были обращены к дому. Каждый уже представлял себе, как возвращается он в родное селение с добычей и знаками боевых отличий, как на пиру, устроенном по случаю возвращения, рассказывает соседям о своих подвигах и все завидуют ему. А те, кому так и не удалось убить врага, спешили теперь, пока войско не перешло границы мирно покорившихся гимирра, наверстать упущенное. Они прятались в шалаши, когда отряд уже снимался с бивака и уходил вперед, поджидали туземцев и пристреливали их из засады.

Вальде Георгису пришлось принять крутые меры против этого бессмысленного кровопролития. Удовольствие пристрелить мирного туземца стоило многим солдатам жизни.

Гимирра радостно встречали возвратившееся из похода войско. При встрече с расом они падали на колени, целовали землю и били себя руками в грудь. Они считали войско погибшим. Откуда-то дошел до них слух, что войско спустилось с гор в пустыню, проводники отказались его вести и оно погибло. По другим сведениям, всю армию уже давно унесло водой. И вот солдаты вернулись – вернулись победителями. Веселью и пирам, казалось, не будет конца.

Булатович уже вполне оправился от болезни и в один из вечеров написал письма домой – первые весточки о себе после пятимесячного молчания. В Аддис-Абебу отправлялся курьер с известием о новой победе Вальде Георгиса. С ним Булатович отправил свои письма.

Теперь уже близка Аддис-Абеба, а оттуда кажется недалеко и Россия. И он тоже размышлял о том, как возвращается домой и как, слушая его рассказы, завидуют ему товарищи, радуются вместе с ним, что счастливо избежал смертельной опасности...

И все-таки Булатович еще раз подверг свою судьбу испытанию. 9 мая со своими слугами и двадцатью солдатами он выехал из лагеря, чтобы поохотиться на слонов. На ночлег отряд остановился в усадьбе одного каффичо. Он жил со своим семейством в шалаше, потому что эфиопы во время покорения Каффы сожгли его дом, как, впрочем, и все другие дома в округе.

На рассвете выступили вновь и к полудню достигли урочища Купюре, где стоял дом Бита-раши, начальника области Биту. Бита-раша – один из немногих каффичо, которых удалось обратить в христианство миссионеру Массай. И в память об этом в доме, на стене, висело небольшое распятие.

На следующее утро с вершины гребня Булатович увидел внизу, на поляне, стадо слонов. Охотники оставили мулов и лошадей и двинулись к стаду, стараясь ничем не привлечь его внимания. Бита-раша вел охотников по слоновым тропкам, но на полянке слонов уже не оказалось. Свежие следы привели в густой лес. В лесу было тихо, но где-то поблизости, видимо, притаилось стадо. Шли тихо и очень осторожно, пока Бита-раша не указал пальцем на темно-коричневое пятно в зарослях, всего в нескольких шагах впереди. Булатович выстрелил, и тут же таинственную, обманчивую тишину леса разорвал треск ломающихся деревьев – стадо, скрывавшееся в чаще, в панике бросилось бежать. За ним устремились охотники. Булатович решил настигнуть раненого слона. Если рана серьезна, то он не мог далеко уйти. Следы крови на кустах повели его в глубь леса. Но там след раненого животного затерялся.

В лесу смолкли выстрелы – видимо, слоны ушли. Однако на этом неудачи не кончились. Поднявшись на гребень хребта, Булатович снова увидел стадо. Оно находилось недалеко – на расстоянии ружейного выстрела, и Булатович открыл по стаду огонь из своей трехлинейки. Слоны быстро скрылись в лесу, а под деревом остался лежать один – раненый. Булатович бегом бросился с вершины холма вниз, но раненый слон все-таки успел скрыться в чаще. Охотник побежал в лес, по следам слона. Вдруг совсем рядом послышался треск сучьев, а через мгновение все смолкло слон притаился и, видимо, поджидал своего преследователя. Раненый слон обычно очень злобен и опасен. Внезапно выскочив из-за большого дерева, шагах в двадцати от Булатовича, он с ревом бросился в атаку, обнаружив такую стремительность, какую трудно было заподозрить в огромном и на вид неповоротливом животном. Булатович выстрелил в упор, и слон упал в пяти шагах от него. Пуля дробила животному голову. Булатович по обычаю эфиопов, обрубив ему хобот и хвост, забрал почетные трофеи. Кроме того, путешественнику захотелось запечатлеть на фотографии поверженного им слона. Он послал слугу за аппаратом, который остался на муле, и стал ждать.

А через несколько минут невдалеке раздались частые выстрелы и слуги закричали

Булатовичу, чтобы он бежал прямо на него шло через лес стадо слонов. Булатович слышал треск сучьев и рев животных. Что делать? Бежать? Уже поздно. Стрелять? Нечем. Слуга, отправившийся за фотоаппаратом, попросил у Булатовича на всякий случай ружье. Нападать на слона с пашкой? Смешно.

Но тут он увидел, что корни огромного дерева, росшего рядом, образуют нишу и, не медля, забрался туда. Слева от тропинки его закрывали кусты, справа же кусты редели, и отсюда его вполне мог заметить слон. Все зависело от того, какую тропу выберут слоны – правую или левую?

Судьба испытывала Булатовича до конца. Слоны выбрали правую тропинку, и один из них, уже совсем было миновавший убежище, вдруг остановился, повернул назад и застыл как вкопанный перед человеком. Булатович совсем рядом видел маленькие блестящие глаза слона, видел, как он уже поднял вверх хобот, готовясь к нападению, но вдруг почему-то повернулся и побежал прочь.

Слоны один за другим пробегали мимо. Последним тяжело проковылял раненый по боку животного струилась кровь. И вдруг он остановился, развернулся и пошел прямо на человека. Теперь Булатович отсчитывал секунды, оставшиеся до гибели. Раненые слоны не щадят никого и ничего.

Но слон – опять неизвестно почему! – вдруг взвизгнул, повернулся и побежал вслед за стадом.

Что на сей раз спасло Булатовича, он и сам не знал. Словно неведомая сила отвлекла слонов и прогнала их прочь. Спасение было похоже на чудо.

Отряд подходил к Андрачи. 14 мая рас после четырехмесячного отсутствия вернулся домой. Победителей встречали с триумфом. Жители, духовенство, войска, остававшиеся в городе, выстроились по обе стороны дороги, и через этот живой коридор шли воины. Радостные крики встречавших смешивались с барабанным боем, с веселыми мелодиями флейт, с ружейными победными выстрелами.

20 мая Булатович попрощался с Вальде Георгиевм. Рас подарил ему своего мула, лошадь с серебряным убором, серебряное копье, которое в последний раз держал в руках последний царь Каффы, Гаки Шерочо, и которое он метнул в солдата, бравшего его в плен, украшенный серебром щит. И, наконец, отдал вещь, которой сам гордился всю жизнь золотую саблю, подаренную императором завоевателю Каффы. Это были не обычные подарки, а знаки отличия. Война, ее тяготы породнили эфиопского раса и русского офицера. Им было грустно расставаться – кто знает! – может быть, навсегда.

Булатович выехал из Андрачи по дороге на Аддис-Абебу. Он долго оглядывался назад, пока горы, сомкнувшись, не скрыли от него навсегда столицу легендарного Каффского царства.

И на этот раз на родине оценили заслуги А. К. Булатовича. Теперь он стал штабс-ротмистром, а к его наградам прибавился орден святого Станислава 2-й степени.

30 июля – сразу после возвращения в Петербург – Булатович представил министру иностранных дел графу М. Н. Муравьеву обстоятельную докладную записку, в которой охарактеризовал положение дел в Эфиопии и указал, какие возможные выгоды может получить Россия от постоянных и дружеских с ней сношений. Министр заключил, что сведения, приведенные в записке, «могут иметь в будущем серьезное значение», и распорядился послать ее военному министру А. Н. Куропаткину, а также русским послам в Париже, Лондоне, Константинополе и дипломатическому агенту в Каире. Куропаткин, хотя и нашел записку «интересной», не согласился с предложениями, в ней содержащимися, полагая, что России «надо долго избегать вмешиваться в африканские дела».

Украшенный серебром щит и золотая сабля – высшие военные награды Эфиопии, полученные А. К. Булатовичем

В Петербурге Булатович оставался до 10 марта 1899 года, когда вновь был направлен в Эфиопию по личному ходатайству министра иностранных дел, который писал о нем А. Н. Куропаткину «...названный офицер успел зарекомендовать себя самым блестящим образом во время поездок своих по границам Эфиопии... он вполне освоился с местными нравами и обычаями, ознакомился с языком страны, которым свободно владеет, и проявил редкие выносливость, храбрость и присутствие духа, и ...наконец, всеми своими качествами он сумел заслужить уважение абиссинских военачальников и доверие самого негуса, особенно к нему расположенного и которому выбор поручика Булатовича был бы более всего приятен». Но еще до отъезда, 13 января 1899 года, на общем собрании Русского географического общества А. К. Булатович прочел сообщение, озаглавленное «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа», которое затем было напечатано в «Известиях Русского географического общества». В это же время он завершает свой основной труд «С войсками Менелика II», который вышел в свет в следующем, 1900 году. Специалисты сразу же обратили внимание на эту книгу. По мнению известного ученого-географа Ю. М. Шокальского, результатом проведенных А. К. Булатовичем исследований «явились не только географические описания местностей и

этнографические коллекции, но и новая карта пройденных стран, составленная на основе съемок, произведенных самим путешественником, к тому же установленных по 34 астрономическим пунктам, определенным путешественником». По представлению Отделения географии математической и географии физической А. К. Булатовичу присуждается малая серебряная медаль.

Таким образом, труды Булатовича получили полное признание специалистов. Что же касается мнения прессы, то суждения рецензентов разошлись. «Русская мысль», один из наиболее солидных и распространенных тогда «толстых» журналов, в анонимной рецензии объективно и одобрительно высказалась и о книге, и о научных заслугах автора, признавая ценность сделанных им открытий в области географии и этнографии.

Другой журнал, «Мир божий», предоставил слово критику, скрывшемуся за инициалами А. Б. Подменив легковесным зубоскальством и дешевой демагогией серьезное обсуждение книги, рецензент обнаружил полное отсутствие исторического чутья и научной объективности. Труд русского путешественника был оценен и специалистами на Западе. Фридрих Бибер, самый глубокий знаток и исследователь Каффы, писал:

«Первым европейцем, вступившим в страну Каффу после ее завоевания и присоединения и имевшим возможность свободно путешествовать по ней, был русский, А. К. Булатович, капитан царской лейб-гвардии. О своем путешествии А. К. Булатович издал книгу с многочисленными редкими иллюстрациями и большой картой.

К сожалению, для нерусских она недоступна. В ней он приводит подробные сообщения о стране и населении Каффы». Ф. Бибер прямо признает, что некоторые сведения, например о завоевании Каффы, он заимствовал у А. К. Булатовича.

Но Ф. Бибера прежде всего интересовала именно Каффа, и поэтому его оценка односторонняя. Труды русского путешественника содержат большой и ценный материал для истории и этнографии Эфиопии в целом. Кроме того, им сделан ряд геогр. и географических открытий. О них следует сказать особо, поскольку приоритет А. К. Булатовича в некоторых случаях оспаривался, в частности в Италии.

Вплоть до последнего десятилетия минувшего века область к юго-западу от Каффы до озера Рудольф оставалась почти неисследованной, а о реке Омо имелись самые смутные и неопределенные представления. Не внесли ясности и посетившие эти места экспедиции Д. Смиты в 1894–1895 годах и В. Боттего в 1896 году.

А. К. БУЛАТОВИЧЪ.

СЪ ВОЙСКАМИ МЕНЕЛИКА II

Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа.

Съ 4 схемами, 3 картами и 78 фото-типогравюрами
по фотографіямъ автора и поручика Давыдова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-во Худож. Печати“, Английскій, 28.
1900.

Титульный лист второй книги А. К. Булатовича

Только А. К. Булатович, составив впервые подробную карту этой обширной местности и определив астрономически ряд пунктов, доказал окончательно, что река Омо не имеет никакого отношения ни к реке Собат, ни к бассейну Нила вообще. Истоки Омо находятся на восточных

склонах хребта, которому он присвоил имя Николая II. Хребет этот до Булатовича могли издали наблюдать д'Аббади, П. Солейе и А. Чекки, но ни один из них до него не дошел. И В. Боттего во время своего второго путешествия, из которого ему не суждено было вернуться, видел, следуя по левому берегу Омо, эти горы. Однако он их не пересекал, вопреки утверждениям Д. Ронкальи в «Бюллетене Итальянского географического общества» за 1900 год. Немецкий ученый Д. Крамер, в противоречии с истинным положением вещей, утверждал, что «отдельные неверные замечания ротмистра Булатовича – следствие незнания с историей открытия этих областей». Но это не так. Русский исследователь был в курсе новейшей литературы. Правда, во время работы над книгой он еще не мог знать о результатах путешествия В. Боттего, описание которого вышло в свет почти одновременно с ней. Но зато Булатовичу был прекрасно известен путь, по которому прошли В. Боттего и его спутники, а также Г. Кавендиш. К докладной записке, поданной Булатовичем министру иностранных дел, им приложены карты с нанесенными на них маршрутами Боттего и Кавендиша. Причем в самой записке Булатович ссылается на работы этих исследователей.

Таким образом, А. К. Булатович не только был достаточно хорошо знаком со специальной литературой, но и вполне отдавал себе отчет в том, чего достигли другие путешественники, заслуги которых он не хотел и не мог себе приписать.

В. Боттего достиг устья реки Омо 30 августа 1896 года – на полтора года раньше А. К. Булатовича. Но если сравнить карты этих двух путешественников, то результат сравнения будет не в пользу итальянца горы по правому, западному, берегу Омо нанесены им в самых общих чертах, очень приблизительно намечено и северное побережье озера Рудольф. Да и маршрут В. Боттего отличен от пути, пройденного Булатовичем. Проследовав дальше Булатовича на юг вдоль западного берега озера, В. Боттего и его спутники повернули обратно на север к реке Шаши и вдоль нее вышли к Собату, нанося на карту все очень обобщенно и схематично. Булатович же перевалил впервые через северные отроги хребта между реками Уоме и Дидесса еще 16 ноября 1896 года, а затем также впервые пересек эти горы в различных направлениях, определив астрономически ряд пунктов, и произвел маршрутную съемку, что дало возможность составить первую подробную карту этой обширной и почти неисследованной области. Он установил, что открытый им хребет служит водоразделом между бассейнами Нила и озера Рудольф, а северные его отроги образуют водораздел рек Гобы, Дидессы, Баро и других.

А. К. Булатович открыл несколько новых горных вершин и уточнил местоположение других, ошибочно определенных Д. Смитом. Вот почему он имел основания заявить: «Я первый европеец, прошедший через часть этих областей и открывший настоящий хребет. Через последний я перевалил в разных местах, поднимался на некоторые его вершины и проходил по его гребню».

Весной 1898 года были победоносно завершены все военные экспедиции, предпринятые Менеликом II к западным и южным границам империи. Рас Меконнен покорил Бени-Шенгул, дадьязмачи Демесье и Тасама вышли к Белому Нилу и нижнему течению Собата. И, наконец, Вальде Георгис водрузил эфиопский флаг на берегу озера Рудольф. Но эти победы не принесли Эфиопии покоя и безопасности. Успехи Менелика II заставляли его врагов действовать более решительно.

Самым опасным противником Эфиопии оставалась Англия. 1 мая 1898 года Власов писал в Петербург: «...утвердившись в Эфиопии без труда и с самыми незначительными затратами, Англия может на вербовать и держать в постоянной готовности прекрасную армию в 200–400 тысяч человек и, перебрасывая ее, по мере надобности, в свои африканские владения, сделаться повелительницей всей Африки. Эти стремления ее могут осуществиться лишь тогда, когда Судан будет лежать у ее ног и она твердой ногой станет на границах Эфиопии с севера – в Кассале и Хартуме, с запада – по Белому Нилу и с юга – в Уганде и у озера Альберта, куда ведется уже железная дорога от порта Момбаса». Действительно, движение английских колониальных армий осуществлялось именно в этих направлениях. Тревожные сообщения одно за другим поступали в Аддис-Абебу. Рас Меконнен известил императора, что с курьером из Джибути им получена информация о занятии англичанами Хартума.

Англо-египетские войска вошли в округ Калабата, лежавший в сфере влияния Эфиопии.

Обеспокоенный этими событиями, Менелик запросил английского посла Гаррингтона каковы дальнейшие намерения Англии? Гаррингтон отвечал, что ничего не знает. 28 октября посол Англии Посетил Власова и сообщил ему, что англо-египетские войска заняли Росайрес на Голубом Ниле и готовятся захватить Метемму. Теперь намерения Англии проявились окончательно. Через день Власов сообщает в Петербург: «...стремления Англии направлены в данное время к тому, чтобы ввести Эфиопию в рамки границ, отведенных ей на всех европейских картах, а именно от юго-западного угла Эритреи или юго-восточнее Кассалы по 35-й градус восточной долготы до 6-го градуса северной широты. Так что с занятием Хартума и Омдурмана дальнейшие завоевания Англии ведутся не против Судана, в строгом смысле, а против Эфиопии». Позиция Англии отчетливо выражалась в поведении английского посла. Гаррингтон то груб и заносчив, нахален и чванлив, то вкрадчив и велеречив. Его не только не любят при дворе Менелика II – его ненавидят. Едва английские войска вышли на границы Эфиопии, Гаррингтон сделался самоуверенным. Он стал посмеиваться над эфиопами, над императором, учить эфиопов манерам, угрожать отъездом. В конце концов он отказался послать запрос Менелика в Лондон по поводу занятия эфиопских территорий англичанами, мотивируя свой отказ тем, что эти территории, по его мнению, не принадлежат Эфиопии.

Но Лондон хотел обещаниями и компромиссами успокоить Менелика и заставить его примириться с захватами. И Гаррингтон от развязной самоуверенности переходит к лицемерной благожелательности он почтительно просит Менелика принять его для личных переговоров до спешному делу.

Стремясь повлиять на негуса, Англия отнюдь не рассчитывала лишь на дипломатические способности посла Гаррингтона. Осенью 1898 года в провинции Тигре начался мятеж. Рас Мангаши, сын императора Иоанна IV от морганатического брака, поднялся против Менелика, задетый уступкой Италии части земель, унаследованных им от отца. У раса Мангаши, конечно, не было никаких шансов на победу его малочисленная армия не могла бы сопротивляться войскам негуса. Понимая это, Мангаши 17 сентября прислал Менелику челобитную с повинной. Менелик не хотел братоубийственной войны, которая истощит и ослабит страну. Поэтому он ответил Мангаши, что готов простить его, если его раскаяние искренне и если он сам придет в Аддис-Абебу с повинной. Рас Мангаши прислал негусу депутацию, но сам в Аддис-Абебу не явился. Что удерживало его? Конечно, он боялся гнева Менелика и ответственности за поднятый мятеж. Но существовала и другая причина, более важная. Руки его были связаны англичанами и итальянцами. Ведь именно они инспирировали феодальный мятеж в Тигре. Итальянский посол уговаривал Менелика лично предпринять экспедицию против Мангаши. Англия хотела отвлечь силы и внимание Менелика от своих захватнических действий.

Англичане интриговали не только в Тигре, но и в других провинциях Эфиопии. Вскоре стало известно, что пегус Годжама Текло Хайманот вступил в тайные сношения с англичанами и готовит восстание против Менелика. Это была серьезная опасность. Годжам находился у самого театра военных действий англо-египетской армии. Власов писал об этом: «...вне всякого сомнения, Англия окажет негусу Текло Хайманоту самую энергичную поддержку, при условии получения от последнего права занять главные удобные доступы и входы, ведущие через Годжам в сердце Эфиопии, вернее, ключи к ней».

К восстанию готовился и правитель Уолло рас Микаэль, зять императора. Положение усугублялась тем, что нельзя было полагаться на недавно покоренные племена, населившие западные и южные приграничные области Эфиопии. Они не упустили бы случая выйти из-под власти Менелика II. Империя стояла перед грозным испытанием. Власов это отлично понимал и сообщал в Петербург: «Для Эфиопии, по-видимому, наступают вновь тяжелые дни, и только дух веры да любовь к родине и свободе будут в силах, быть может, спасти ее и на этот раз от потери независимости».

Менелик принял меры для защиты своих границ. Десятитысячное войско дадьязмача Демесье отправилось к Белому Нилу. Правитель южных областей и Каффы рас Вальде Георгис пошел со своим войском к Ладо. Дадьязмач Тасама, находившийся в то время на реке Собат, получил распоряжение не покидать занимаемых позиций. Все остальные правители должны были держать свои войска в полной боевой готовности.

Англичанам при содействии Италии удалось все-таки втянуть Менелика в войну против раса Мангаши. 15 октября 1898 года Менелик и его супруга Таиту покинули Аддис-Абебу. Войско Менелика двинулось в Тигре. Власов предложил императору взять с собой в поход русского врача. Менелик с радостью согласился. Хирург и фельдшер, забрав в посольстве все запасы медикаментов и перевязочных средств, отправились с Менеликом. За императором покинули Аддис-Абебу и все придворные чины. Столица опустела. 6 ноября Менелик обратился к населению Тигре с воззванием. Мангаши отстранялся от управления страной, на его место назначался рас Меконнен, главнокомандующий всеми объединенными военными силами, которые сражались против Мангаши.

Сам мятежник с двадцатитысячным войском заперся в крепости Макалэ. На обращение негуса он ответил, что предпочтет умереть в Тигре, чем сдаться. Но 13 января рас Меконнен известил императора, что Мангаши окружен и готов явиться с повинной.

Под пышным конвоем, при салютах из пушек и митральез мятежник Мангаши, с камнем на шее, был введен в Дессие, где стоял император.

Это была важная победа. Сразу же прибыл в Дессие и негус Годжамский. Он принес императору богатые подарки. Менелик не высказал ему ни слова упрека он хотел сплочения, а не раздоров.

20 марта Менелик с триумфом вернулся в Аддис-Абебу. Но угроза со стороны Англии не миновала.

Власов понимал, что Менелику ни в коем случае нельзя поддаваться на провокации Англии, ввязываться в войну с ней. Поражение в этой войне приведет Эфиопию к утрате независимости. Империя, объединяемая и сплачиваемая ценою огромных усилий, распадется. Если же Менелику удастся избежать войны, то государство сохранит свою самостоятельность и роль на Африканском континенте. Поэтому Власов советовал Менелику не горячиться и в то же время позаботиться об обороноспособности своих границ. В ответ на угрозы и шантаж Гаррингтона Менелик заявил, что с оружием в руках будет защищать свои владения.

В разгар этих событий Александр Ксаверьевич Булатович находился на пути в Аддис-Абебу, где он вновь должен был поступить в распоряжение П. М. Власова.

22 марта Булатович отправился из Одессы на пароходе «Тамбов» и 4 апреля прибыл в Аден. В тот же день на персидском пароходе, поддерживавшем еженедельное почтовое сообщение между Аденом, Берберой и Зейлой, он отплыл в Зейлу, находившуюся под протекторатом Англии.

5 апреля в полдень пароход прибыл в Зейлу. Резидент Зейлы поручик Гарольд очень любезно принял Булатовича и предложил ему остановиться в своем доме.

Зейла – древний сомалийский городок. Десяток каменных домов составляет торговый квартал города. Здесь живут арабы, индийцы, греки. А за этим кварталом тесно лепятся друг к другу соломенные хижины туземцев. Кочевники сомалийцы держат большие стада верблюдов и рогатого скота. В Зейле они меняют скот и кожу на зерно хлебопашеством сомалийцы не занимаются. Но главное, чем живут сомалийцы, – это доставка грузов с побережья к эфиопской границе. Нет такой сомалийской семьи, которая хотя бы раз в год не посылала кого-либо из своих членов в Зейлу или Берберу. Сомалиец гонит на побережье годных к выючке верблюдов, берет груз до Джильдесе, а оттуда, тоже с грузом, возвращается в Зейлу. На заработанные деньги он покупает зерно, материю, а потом уходит в родные кочевья.

Пока шел наем верблюдов и формирование каравана, Булатович внимательно осмотрел Зейлу и Берберу – порт, находившийся километрах в ста к востоку от Зейлы. Смогут ли англичане, если им удастся втянуть Эфиопию в войну, использовать эти порты?

Зейла, безусловно, не имела никакого военного значения. Гавань ее чересчур мелка, и выгрузить большой десант чрезвычайно трудно. Да и дорога, идущая отсюда на Харар, пустынна и безводна. А вот Берберу англичане вполне могут использовать. Гавань в Бербере отличная, дорога на Харар удобна не только для пешего войска, но и для артиллерии и колесного обоза.

Наем верблюдов оказался делом нелегким. Незадолго до приезда в Зейлу Булатовича отсюда вышел в Эфиопию громадный караван в тысячу верблюдов. Караван вез берданки и патроны, пожалованные русским императором негусу Менелику. Из России ружья и патроны

были доставлены в Джибути, но там Ато Иосиф, которому Менелик поручил переправить оружие в Эфиопию, не смог натянуть верблюдов французские сомали подняли бунт. Возмущение туземцев было вызвано постройкой на их земле железной дороги, которая лишала сомалийцев средств к существованию. Сомалийцы напали на железнодорожных рабочих и остановили работы. Одновременно они прервали караванную почтовую связь между Джибути и Джильдессой. Город Джибути некоторое время жил в паническом страхе. Жители вооружались и готовились к обороне. Наконец, в ответ на требование французских властей в Джибути прибыла рота морской пехоты. Солдаты заняли караулы в городе. Население успокоилось.

Ато Иосиф переправил на лодках оружие в Зейлу. Английский резидент не только не препятствовал переправе оружия из Зейлы в Джильдессу, что было нетрудно сделать, но даже содействовал этому. Булатович был удивлен и озадачен что бы это могло означать при нынешних натянутых отношениях между Англией и Эфиопией?

13 апреля Булатович выступил из Зейлы с небольшим караваном в шесть верблюдов. Дорога шла по территории, лежавшей по соседству с землями бунтовавших сомали. В пути к биваку часто подходили туземцы, подозрительно осматривали караван, но, узнав, что его хозяин «москоб» и идет из Зейлы, успокаивались.

В Джильдессе, куда караван прибыл 21 апреля, сомалийские верблюды были заменены ослами галласов, и Булатович в этот же день двинулся дальше.

На ночлег остановился в урочище Белау, в двадцати двух километрах от Харара. Здесь Булатович повстречался с майором Маршаном, который вместе со своими спутниками направлялся в Джибути после отступления французов из Фашоды. Офицеры Маршана радушно приняли Булатовича. Французы обсуждали знаменитый фашодский кризис, и ультиматум Китчера, и свое отступление. Маршан горячо говорил об отношениях Англии и Эфиопии и о неизбежном их столкновении:

– Я глубоко убежден, что не позже чем через пятнадцать месяцев, а именно во время Всемирной Парижской выставки Англия атакует Эфиопию со всех сторон.

Английские офицеры в Египте говорили мне, что Англия никогда не будет спокойна в Судане, пока на ее фланге находится воинственная и сильная Эфиопия. В Судане из взятых в плен сторонников Махди организован два дватипятидесятитысячный корпус, и я сам видел, как они маршируют под барабаны в Хартуме.

Булатович удивился.

– Откуда же взялся корпус махдистов? Ведь после битвы при Омдурмане англичане, как известно, уничтожили всех пленных!

– В том-то и дело, что нет. Китчер нарочно распустил слух о своем зверстве, чтобы скрыть увеличение своих военных сил.

– А знает ли об этом император Менелик?

– Знает, – ответил Маршан. – Я ему рассказал все это во время последней аудиенции.

– И как же юн на это реагировал?

– Он пришел в ужас, вскочил со своего трона и сказал: «Если так будет, то я застрелюсь!» Я предложил императору свои личные услуги в хлопотах об оказании ему помощи со стороны Франции. Он ответил: «Пришли мне побольше ружей и патронов!» Для Франции Эфиопия – последняя позиция в борьбе за положение в Африке. Если Эфиопия потерпит поражение, французы могут уходить. Кстати, – добавил Маршан после небольшой паузы, – интересы России в Африке тоже должны побудить ее поддержать Эфиопию в предстоящей борьбе.

– Позвольте узнать, – прервал Маршана Булатович, – что вы понимаете под русскими интересами в Африке?

Я до сих пор не полагал, что у России есть другие интересы в Африке, кроме, так сказать, пассивного свойства. По отношению же к Эфиопии участие в ее судьбе есть выражение традиционного сочувствия наших государей к слабейшим угнетенным христианам.

– Если у России пока нет прямых интересов в Африке, то они легко могли бы появиться, – возразил Маршан. – К примеру, единение церквей – православной и эфиопской. Или приобретение порта на главном водном пути на Восток. Обе эти идеи легкоосуществимы и имеют весьма важное значение для России. Вместе с тем эти интересы не идут вразрез с политикой Франции, и последняя могла бы им только сочувствовать. – Маршан говорил горячо,

увлеченно и, развивая дальше свою мысль, обмолвился – Франция вынуждена интересоваться Африкой, а в особенности Эфиопией, так как именно здесь должен будет решиться египетский вопрос.

Из его откровенного признания можно было заключить, что если даже Англия не предпримет никаких агрессивных действий против Эфиопии, то Франция постарается побудить Эфиопию напасть на Судан, а может быть, и на Египет. Менелику нужно остерегаться советов французского посла. Франция, конечно, поддержит Эфиопию в борьбе с Англией, но только для того, чтобы урвать от африканского пирога лакомый Кусок.

Вечером, когда офицеры разошлись по своим палаткам, Булатович пишет донесение Власову и тут же с курьером направляет его в Аддис-Абебу.

А утром – снова дорога. Булатович торопился в столицу. Более пятисот километров от Харара до Аддис-Абебы он намеревался преодолеть за четыре дня – по трудной горной дороге – и 14 мая прибыть в столицу.

10 мая на восходе солнца он покинул Харар. Его сопровождал один человек. Два мула везли небольшой запас продовольствия, ячменя, патроны, бурку и котелок. Губернатор Харара геразмач Банги провожал Булатовича до самых городских ворот.

К заходу солнца прошли сто километров. Но наутро один мул совсем отказался двигаться, а другой мог идти лишь при том условии, что Булатович шел рядом и погонял его. Так они и шли, переваливая с хребта на хребет, пятьдесят километров. К часу ночи путешественник довел своего мула до Куни, где можно было переменить животных. Взяв двух мулов, Булатович сразу двинулся дальше.

Через сутки, в полночь, он перешел реку Аваш и сделал привал на берегу. Мулы валились с ног. Александр Ксаверьевич понимал, что они не двинутся, если он не добудет для них хотя бы охапку сена. Нарвать травы было негде – берега Аваша пустынные и каменисты. Заметив невдалеке бивак, Булатович направился к нему и обратился к первому же встреченному человеку с просьбой продать сена.

Эфиопы подозрительно смотрели на иностранца, сопровождаемого на этой трудной и опасной дороге всего одним слугой. Они приняли Булатовича за европейца-авантюриста, которыми был буквально наводнен Харар и которые не пользовались уважением местного населения. Но тем не менее хозяин бивака приказал дать европейцу охапку сена. Булатович тут же, рядом с эфиопами, расположился на отдых.

Вокруг небольшого костра, тихо и неспешно переговариваясь, сидели эфиопы. К костру подошел слуга Булатовича и тоже присел у огня. Его, видимо, стали расспрашивать о европейце. Потом один из эфиопов быстро встал и побежал в палатку хозяина бивака. Хозяин вышел и, низко кланяясь на ходу, направился к Булатовичу. Он только что узнал, что гость – русский офицер, и почтительно просит его к себе в палатку. Для его мулов он уже послал ячмень. В палатке было приготовлено угощение. Хозяин заявил, что гость должен ночевать в его палатке. Александр Ксаверьевич категорически отказался, боясь проспать, ведь он был в пути более суток; тогда хозяин уговорил его взять хотя бы воловью шкуру.

На рассвете Булатович простился с гостеприимным хозяином, который, как выяснилось, был одним из офицеров расы Меконнена и направлялся в Тигре к своему начальнику. Мулы подкрепились ячменем и шли теперь почти без понуканий.

14 мая около полудня Булатович прибыл в Аддис-Абебу, где был радостно встречен всей русской колонией.

На аудиенции у императора Эфиопии Власов осторожно осведомился, не желает ли Менелик еще раз воспользоваться услугами Булатовича. Император задумался.

– Я охотно бы это сделал, – ответил он, – но не знаю, что я мог бы ему поручить при настоящих обстоятельствах.

Власов заметил негусу, что у него благодаря Булатовичу имеются подробные карты юго-западных областей Эфиопии, но нет карты западных областей и страны Бени-Шенгул. Менелик тут же согласился командировать туда Булатовича.

На следующее утро Александр Ксаверьевич явился во дворец негуса, чтобы получить необходимые указания.

Он попросил у Менелика дать ему пятнадцать-двадцать мулов под багаж, обязуясь

вернуть их в целости и сохранности. 20 июня Булатович получил мулов, а также письмо от Менелика к дадьязмачу Демесье об оказании русскому офицеру полного содействия в исполнении возложенных на него задач. Власов, напутствуя Булатовича, дал ему самые категорические инструкции не приближаться к английским Аванпостам, выставленным на границе страны Бени-Шенгул и в других пунктах – Росайресе, Фааогли и Метемме; не переходить черту фактического влияния Эфиопии; не принимать активного участия в военных действиях; вернуться в Аддис-Абебу не позже конца сентября.

Какие же задачи были поставлены перед Булатовичем, отправлявшимся в довольно-таки опасную командировку? Из секретной записки Власова, посланной в Петербург 23 июня 1899 года, узнаем, что задачи эти следующие выяснить настроение жителей Бени-Шентула и автономных галласских провинций Уоллеги и Леки – насколько прочен или непрочен среди них авторитет победителей; каковы отношения между правителями и населением; как относится местное население к появлению англичан на границах их земель, на чьей стороне будут его симпатии при вооруженном столкновении эфиопов с англичанами.

Менелика также интересовало стратегическое положение своих западных областей, их обороноспособность и экономические ресурсы. Булатович должен был кроме всего этого уточнить на карте место расположения английских аванпостов в долине Голубого Нила и в Гедарефе.

26 июня Булатович выехал из Аддис-Абебы, а 6 июля прибыл в резиденцию дадьязмача Демесье город Деосету. Почетный конвой в пятьсот человек с трубачами и флейтистами встречал русского офицера на въезде в город. Дадьязмач Демесье приветствовал Булатовича лично и принял его радушно и гостеприимно. О пути от Аддис-Абебы до Дессеты Булатович писал Власову: «До сих пор все, слава боту, благополучно. Люди здоровы, животные тоже, кроме двух притомившихся мулов, которых пришлось бросить на дороге. Нельзя представить себе тех трудностей, с которыми сопряжены были некоторые подъемы и спуски в горах Чалеа по крутым, скользким и глинистым их склонам, а также переправы через топкие ручьи в долинах рек Гибье и Хауаша (Аваша)».

Вечером все старшие офицеры дадьязмача собрались на обед. Первый вопрос, с которым Демесье обратился к Булатовичу, был, конечно, о намерениях Англии.

– Эфиопам теперь не столь опасна английская вражда, как английская дружба, – ответил Булатович. – Англия сегодня ведет себя по отношению к Эфиопии как охотник, подкрадывающийся к слону на верный ружейный выстрел.

Демесье одобрительно покачал головой и сказал, что и он сам, и его войско предвидят неизбежность борьбы с англичанами. Более того, они понимают, что главный путь англичан в случае войны пройдет по их земле и десятитысячное войско дадьязмача должно будет довольно долго сдерживать наступление англичан до подхода подкрепления из других областей Эфиопии. Все галласы левого берега Дидессы перейдут на сторону англичан. А про вновь завоеванные арабские племена Бени-Шенгула и говорить нечего многие начальники этих племен уже бежали к англичанам. Так что эфиопскому войску придется нелегко.

Первая встреча вооруженных сил Эфиопии с англо-египетскими войсками состоялась в Фазогли осенью прошлого года. Сорокатысячное войско дадьязмача Демесье перешло западные границы. Владения Абдурахмана, правителя Бени-Шенгула, и Мухаммеда, владетеля Дуля, к этому времени были уже в руках эфиопов, и войско дадьязмача беспрепятственно продвигалось по новым землям. Демесье отправил небольшой отряд в Фазогли, чтобы там, на берегу Голубого Нила, водрузить эфиопский флаг. А в январе нынешнего года корпус дадьязмача пришел в Дуль, и тут Демесье донесли, что Фазогли заняли англичане, а эфиопский флаг снят. Вскоре дадьязмач получил письмо, подписанное «командором Фазогли», в котором этот командор, узнав о прибытии эфиопского войска в Дуль, сообщал дадьязмачу, что отряд англо-египетских войск занял Фазогли, с тем чтобы утвердить в стране законность, открыть путь торговле и прекратить рабство. Дадьязмач ответил любезным письмом, в котором извещал, что идет в Фазогли, чтобы познакомиться с ним, командором. О снятии эфиопского флага в письмах не было сказано ни слова. И тут же все громадное войско дадьязмача Демесье двинулось к берегу Голубого Нила. Командор забеспокоился и вновь написал дадьязмачу зачем же идти на знакомство с таким большим корпусом, не лучше ли дадьязмачу оставить свое

войско, а в Фазогли войти с небольшим конвоем?

Демесье ответил уклончиво негоже, чтобы эфиопский на чальник отрывался от своего войска.

Нужно заметить, что англичане перед лицом эфиопских войск проявили намного меньше решимости и энергии, чем перед французами в Фашоде. Когда Демесье вошел в Фазогли, там уже не было ни одного англичанина. Они все переправились через Голубой Нил и закрепились в Фамаке.

Через день состоялось свидание начальников обоих отрядов. Командор оказался вежливым, очень приятным старичком. Дадызмач заявил категорически: «Если ваши уверения в дружбе истинны, то поставьте завтра флаг на том же месте, где он был. В противном случае – приготовьтесь к бою и ждите меня».

Командор, не медля ни секунды, принял этот ультиматум, сказав, что из-за таких пустяков, как флаг, он не хочет ссориться и немедленно восстановит флат на прежнем месте, но он требует от дадызмача обязательства не переходить на правый берег Голубого Нила. Дадызмач согласился на это условие и даже поклялся «богом Менелика». Ему нетрудно было дать эту клятву, так как правый берег не входил в его владения, а принадлежал годжамскому негусу.

На следующий день англичане подняли над Голубым Нилом эфиопский флаг. Весь корпус дадызмача Демесье отсалютовал флагу, а англичане переправили на левый берег митральезу и тоже приветствовали эфиопский флаг. Затем англичане были приглашены в лагерь Демесье. Дадызмач выслал им навстречу почетный конвой – шесть тысяч кавалеристов. Все остальные войска выстроились перед лагерем. Продемонстрировав таким образом англичанам свои силы, Демесье угостил их обедом и преподнес в подарок золотые щиты.

Поздно вечером Булатович подробно записал рассказ дадызмача Демесье, нанес на карту крайний англо-египетский аванпост в Фамаке и подготовил донесение для Власова.

Дадызмач Демесье оказывал Булатовичу всяческое содействие. Он выделил ему тридцать шесть носильщиков и одного офицера, который должен был сопровождать Булатовича до границ Бени-Шенгула.

С письмами ко всем – начальникам гарнизонов в Бени-Шенгуле Булатович направился из Дессеты дальше. 23 июля он благополучно прибыл в город Гадаме, центр Уоллеги, управляемой дадызмачем Джоти. На всем пути до Уоллеги русского офицера принимали очень радушно. На каждом биваке местное население приносило дары баранов, кур, яйца, мед, хлеб. Галласы же Уоллеги встречали Булатовича с меньшим энтузиазмом. Вернее, лично к русскому офицеру они относились вполне дружелюбно, но слуг-эфиопов, мягко говоря, недолюбливали, и Булатовичу пришлось пережить несколько тревожных дней. Галласы не упускали случая поссориться с эфиопами. Однажды один из кухонных мальчиков Булатовича не поладил с туземной девочкой. Та подняла крик. Галласы, вооруженные копьями, накинулись на мальчика. Слуги Булатовича при виде копий выхватили шашки. Кровапролитие казалось неминуемо. К счастью, сам Булатович вовремя подоспел на место ссоры и разогнал драчунов.

Подобные стычки происходили каждый день, и от Булатовича и его слуг требовалось немало хладнокровия, чтобы предотвратить кровапролитие.

Сразу же от города Дессеты Александр Ксаверьевич начал вести маршрутную съемку местности и астрономические наблюдения, хотя туманы и частые дожди очень мешали этому. Он нанес на карту течения рек Дабаны, Бирбира и Дабуса, водораздельные хребты, границы областей страны Бени-Шенгул. Все эти области населены редко, скота почти нет, посевы незначительны. Жители разорены военными походами эфиопов, и в случае войны с Англией эфиопское войско вряд ли сможет кормиться с этих областей.

Еще более тревожным показался Булатовичу тот факт, что в обширных владениях дадызмача Джоти, которые тянутся от реки Бирбир до арабских земель и от реки Баро до Голубого Нила, нет ни одного эфиопского солдата или чиновника. Джоти, таллас, добровольно признавший власть эфиопов, назначил правителями областей своих родственников. Разве может император Менелик быть спокоен за свои западные границы? Ведь галласы, покоренные эфиопами, только и ждут прихода англичан.

В одном из донесений, отправленных в Аддис-Абебу Власову, Булатович сообщал, что у

него нет никаких сомнений, что главный путь возможного проникновения англичан в Эфиопию – это судоходная река Баро, которая на протяжении более двухсот километров течет по землям дадьязмача Джоти. Вся низменная долина реки заселена негроидными племенами. Это отличный военный резерв. Если его не используют эфиопы, то англичане, конечно, приберут к рукам. По мнению Булатовича, эфиопское войско должно занять долину реки Баро. И тут же Булатович излагает свой – достаточно фантастичный, но продиктованный дружескими чувствами к Эфиопии – проект: «Я номинально перехожу на службу к императору Эфиопии... и получаю в управление на десять лет все негрские земли в долине реки Баро до Насыра и в долине реки Дабуса до реки Абая (Голубого Нила)... Император Эфиопии отдает в мою пользу таможню на реке Баро и добычу слоновой кости. Я обязуюсь собрать и обучить пятнадцать тысяч солдат-негров. Устроить вверенные области. Провести дороги. Устроить таможню. Занимать важнейшие пункты на реке Баро. Подготовиться к тому, чтобы в случае надобности быстро двинуться в англо-египетские владения и занять переправу на реке Баро – Насир. По окончании десятилетнего срока я по желанию Менелика передаю ему устроенные мною области, войско и имущество.

Да не покажется вашему превосходительству мой план диким... Прошу... не считать мои мысли за безумные мечты. Уверяю вас, что они исполнимы. Лично я готов пожертвовать всем имуществом, здоровьем и жизнью, чтобы осуществить их, так как думаю, что могу принести большую пользу. Одно, чем бы я не решился пожертвовать, – это правом числиться в рядах нашей армии».

В архивах не сохранилось никаких бумаг, которые свидетельствовали бы о том, что Власов передал этот план в Петербург на рассмотрение российского правительства. Видимо, Власов счел план Булатовича «диким», а его мысли – «безумными мечтами». Россия, при всем сочувствии к Эфиопии, при всяческой поддержке Менелика перед лицом европейских поработителей, не хотела да и не могла связывать себе руки в Африке.

В Гадаме Булатович остановился в доме дадьязмача Джоти. Этот дом был построен по типу амхарских, а вокруг усадьбы дадьязмача лепились круглые хижины солдат.

Джоти, признав власть эфиопского негуса, принял христианство. Но от старой веры не отказался, и его придворные сказали Булатовичу по секрету, что Джоти тайно приносит жертвы у подножия горы Сонка. Принятие христианства не мешает Джоти содержать в гареме, тщательно охраняемом евнухами, восемь жен.

Проехав Уоллегу, Булатович делает совершенно определенный вывод в случае войны при некотором такте и умении англо-египетского главнокомандующего галласы окажутся на его стороне и будут злейшими и опаснейшими врагами эфиопов.

Сможет ли Менелик в Уоллеге противостоять англичанам? На этот вопрос Булатович тоже отвечает категорически не сможет. Устье реки Габы при впадении ее в Баро ничем не защищено. Ближайший эфиопский пункт расположен от этого места в пяти днях пути, да и войско там насчитывает всего сто пятьдесят человек. От устья Габы отличная дорога ведет в столицу Уоллеги, где войско Джоти состоит всего из трех тысяч человек. Ни о каком серьезном сопротивлении англичанам не может быть и речи, пока устье Габы и город Гадаме не будут заняты сильными эфиопскими отрядами.

Из Гадаме Булатович направился в провинцию Челом. А 27 июля он перешел границу владений Джоти и, перевалив через хребет, разделяющий бассейны рек Дабуса и Яа, остановился биваком в земле Мао. Здесь жили негроидные племена, которые еще недавно подчинялись дадьязмачу Джоти. Но начальник этой земли фитаурари Куту считает себя единокровным с суданцами, которые подвластны шейху Ходжоли. Как только шейх выразил покорность Менелику, фитаурари Куту объявил себя подчиненным Ходжоли. До сих пор из-за земли Мао идут споры между Джоти и Ходжоли. Окончательно этот вопрос будет решен императорам, когда кончится период дождей.

29 июля Булатович прибыл в область Яа – это было уже законное владение Ходжоли. Здесь Булатович набрал носильщиков, и через день его отряд вышел на пустынные берега реки Яа. Носильщики не внушали Булатовичу доверия, и ночью к ним была приставлена стража. Тем не менее к утру четырех носильщиков недосчитались. Когда же отряд выступил в путь, то на одном из крутых спусков все носильщики, видимо сговорившись, побросали ноши и кинулись в

чащу. Преследовать их было бесполезно они знали здесь все тропинки. Булатович и его слуги взвалили весь груз на себя и двинулись дальше.

2 августа путники, вконец измученные, пришли в город Гаха, резиденцию Ходжоли. Это был типичный суданец, черный как смоль. Лицо его покрывала татуировка. В свои тридцать шесть лет он сумел стать самым могущественным и самым богатым из всех окружающих арабских властителей. В свое время он добровольно покорился расу Меконнену, завоевателю Бени-Шенгула, и служил расу всю кампанию проводником. За это рас оставил Ходжоли все его владения.

Ходжоли уверял, что он душой и телом предан расу Меконнену и на всем белом свете признает лишь его да господ бога. Возможно, это была правда. И вот почему. Во время похода раса Меконнена в Бени-Шенгул между ним и Ходжоли произошло столкновение. Меконнен приставил – на всякий случай – к своему проводнику стражу, которая не отставала от него ни на шаг. Ходжоли был оскорблен этим, вспылil и в гневе ударил раса ремнем своего патронташа. После этого Ходжоли оставалось только дожидаться казни. Но Меконнен был великодушен и простил вспылчивого шейха. Тогда Ходжоли и приравнял раса Меконнена к богу.

У Ходжоли – обширные поля. Хлеб – главный предмет торговли в этой стране. Его покупают за золото жители Дуля, который был разорен во время похода раса Меконнена.

Из Гаха путь Булаговича лежал в Дуль. Это был самостоятельный арабский султанат, покоренный в 1898 году дадьязмачем Демесье. Население страны занято добычей золота – его извлекают не только из речного песка, но и из горных жил. К югу от Дуля лежат земли негроидных племен, где арабы устраивают настоящие облавы стремясь захватить рабов.

Наконец, 7 августа отряд Булатовича достиг города Бельфодио в Бени-Шенгуле. Здесь, как и в Дуле, стоял небольшой эфиопский гарнизон в пятьдесят человек. Солдатам приходилось очень туго. Еще в мае император отдал распоряжение доставить в эти гарнизоны продовольствие, но до сих пор обозы не пришли. В Бени-Шенгуле даже за деньги нельзя было достать зерна. Впрочем, деньги у начальника гарнизона тоже кончились. На трех солдат каждый день выдавалось два стакана муки – и все. Тропическая лихорадка, начавшаяся в период дождей, вывела из строя половину гарнизона.

В Бельфодио Булатович стал готовиться к поездке на север. Сведения о переправе через Голубой Нил, полученные от туземцев, оказались неутешительными. Три переправы – у Фазогли, Росайреса и Сеннара – не устраивали Булатовича, так как инструкции, данные Власовым, категорически запрещали ему приближаться к англо-египетским аванпостам. Переправиться у устья Дабуса можно было только в засуху. Сейчас же, в период дождей, как единогласно утверждали туземцы, переправа через реку невозможна.

И все же Булатович решил разведать эту переправу. С ним пошли начальник гарнизона и более сотни туземцев, вооруженных топорами и нагруженных вязанками тростника для постройки плота.

На следующий день, сделав более восьмидесяти километров, отряд вышел к Голубому Нилу, и Булатович убедился, что сведения туземцев о невозможности переправы соответствуют действительности. Река шириной с Неву у Литейного моста с быстротой горного потока несла свои воды. Они разбивались о каменные гряды, и шум реки был слышен на далекое расстояние.

Булатович спустился ниже по течению, но подходящего места не нашел и там. Тогда он обещал пятьдесят талеров и ружье тому, кто доставит на ту сторону хотя бы одного человека. Но туземцы отказались наотрез еще не было случая, чтобы кто-нибудь переправился через Голубой Нил в период дождей.

Пришлось возвращаться в Бельфодио. Оставив в городе груз и больных, Булатович 17 августа выступил в Фазогли, где стоял эфиопский гарнизон в десять чело век под командованием агафари Уарета. 18 августа отряд перешел границу Фазогли, и, к своему удивлению, Булатович встретил Уарета и его солдат, возвращавшихся в Бени-Шенгул.

Что же опять произошло в Фазогли?

Бывший правитель Фазогли Аба-Деру бежал в Фамаку, когда дадьязмач Демесье занял Фазогли. Брат Аба-Деру шейх Мухаммед Хасан изъявил эфиопам свою покорность и находился у дадьязмача Демесье в заложниках. Мухаммед Хасан написал Аба-Деру несколько писем, в

которых убеждал его покориться Менелику. «По твоей вине, – писал он в последнем письме, – я нахожусь до сих пор в неволе, если ты благороден, приходи покорись Менелику, если же у тебя от страха сделался понос, оставайся там и я приведу к тебе абиссинцев».

Прочитав это письмо, Абба-Деру пришел в неистовство. Он кричал, что к Менелику не пойдет, а умрет на своей земле. Страх перед эфиопами сделал из него яркого приверженца англичан.

Очень скоро после этого в Фазогли по распоряжению негуса Менелика прибыл со своим отрядом агафари Уарет. Нетрудно себе представить, какое впечатление произвело это на Абба-Деру, вернувшегося из Фамаки. Он вышел навстречу Уарету со всем своим войском и грозно спросил:

– Зачем ты пришел?

Уарет протянул ему письмо начальника тарнизона в Бени-Шенгуле. Абба-Деру прочел его и снова обратился к Уарету:

– А где письмо к начальнику англо-египетского гарнизона?

– Письмо у меня, – ответил Уарет, – но я не могу отдать его тебе. Оно адресовано начальнику Фамаки.

Гнев Абба-Деру был неопишем. Он кричал, что сейчас же, тут же повесит Уарета, и даже приказал принести веревки.

Уарет тем не менее сохранял полное спокойствие, и это умерило гнев бывшего хозяина Фазогли.

На следующий день прибыл в Фазогли начальник Фамаки – египтянин Альмас-эфенди. Он был очень вежлив, посадил агафари рядом с собой на диван, чем довел до бешенства Абба-Деру, и попробовал выяснить намерения эфиопов. Уарет ответил, что ему приказано установить флаг, который после ухода дадьязмача Демесье свалился, и остаться в Фазогли, дабы этот флаг охранять. Египтянин обещал сообщить об этом своему правительству и попросил Уарета подождать несколько дней.

Эфиопам отвели дом и приставили к ним людей, которые сопровождали солдат, когда те выходили из дома за водой или травой. Так агафари Уарет и его отряд оказались в плену. Три дня им присылали продовольствие, а потом прекратили.

Наконец, принесли письмо, написанное по-арабски и переведенное на амхарский язык: «Ты пришел, чтобы поставить флаг. Поставь и не оставайся, не ночуй, а уходи к твоему господину. Если ты возразишь, что это наши подданные, и будешь сопротивляться, то с тобою поссорятся. Абба-Деру вас не любит».

Что оставалось делать? О каком-либо сопротивлении отряда из десяти человек не могло быть и речи. Эфиопы установили флаг и ушли из Фазогли.

С болью и обидой рассказывал агафари Уарет Булатовичу эту историю. Разве можно было посылать в Фазогли, столь важный стратегический пункт, такой малочисленный отряд! Вот когда дадьязмач Демесье двинулся на Фазогли с сорокатысячным корпусом, англичане бежали, не дожидаясь появления эфиопов!

Булатович отмечает в своих донесениях Власову, что эфиопские гарнизоны в Дуле и Бени-Шенгуле недопустимо малы. Сообщение же с главным начальником края, резиденция которого расположена в Дессете, затруднено, и самый быстрый курьер не доскачет туда скорее чем за девяносто дней.

Но даже столь малочисленные гарнизоны вот уже который месяц голодают. Булатович много размышляет над этим почему так происходит? Ведь империя богата и хлебом, и золотом, а привезти зерно в Бени-Шенгул, оказывается, невозможно. До сих пор армия не доставляла никаких хлопот императору войска существовали на средства завоеванного края. Но так было, пока эфиопы покоряли галласов и негроидные племена. С арабами же эта система содержания армии не оправдывала себя. Арабы не расставались так легко со своей свободой, как негры и галласы, они вели отчаянную борьбу или бежали в Судан. В арабских землях отряд не мог прокормиться. Продовольствие сюда нужно везти из внутренних областей Эфиопии. А эфиопы не умеют организовать подвоз продуктов.

Идти в Фазогли теперь не имело смысла. Булатович решил произвести съемку местности и поднялся на гору Акаро, находящуюся в пятнадцати километрах от Фазогли. Уарет сообщил,

что в Фазогли знают о присутствии русского офицера в Бени-Шенгуле. О численности отряда ходили преувеличенные слухи, и это очень беспокоило местное население.

С горы Акаро открывался великолепный вид на бесконечную принильскую низменность. Две скалы с двух берегов нависли над Голубым Нилом. На одной из них стояла Фамака, на другой – Фазогли. На север и запад вдоль реки тянулись редкие холмы. В подзорную трубу Булатович увидел Росайрес, тоже занятый англичанами.

Окончив наблюдение, Булатович спустился с горы, и его отряд быстро направился к границам Бени-Шенгула. Продовольствие в отряде уже кончилось. Туземцы тоже голодали, так как посевы сорго еще не созрели.

20 августа Булатович вернулся в Бельфодио. Отсюда северной дорогой через Менди, Неджо и Лекепти он намеревался прибыть в Деосету к дадьязмачу Демесье.

Императору нужно здесь надеяться только на силу своего войска. Таково было заключение Булатовича. Донесения русского офицера доказывают его наблюдательность, умение быстро и точно ориентироваться в политической обстановке. По его мнению, следует укрепить западную границу, двинуть туда значительные войска, занять узловые стратегические пункты, позаботиться о коммуникациях и обеспечении армии всем необходимым, так как англичане располагают очень удобными водными путями. В этом сказалось подлинное беспокойство Булатовича о благополучии Эфиопии.

Содержание получаемых донесений П. М. Власов и в докладных записках, и во время аудиенций передавал негусу, который «восторгался и удивлялся деятельностью А. К. Булатовича, его железной энергией, выносливостью и привычкой ко всем лишениям, знанием военного дела и необычайным мужеством, перед которым отступают все преграды и опасности». П. М. Власов доносил в Петербург министру: «...нельзя не заметить, что этот офицер в своей последней командировке, как и в двух первых, всецело удержал среди абиссинцев установившуюся за ним вполне заслуженную репутацию замечательного лихого кавалериста, неутомимого, бесстрашного и беззаветно преданного своему долгу, и тем доказал самым блестящим образом не одним абиссинцам, а всем европейцам, находящимся здесь, на какие подвиги самоотвержения способен офицер, вышедший из русской школы и имеющий высокую честь числиться в рядах императорской гвардии». А еще раньше он писал: «Булатович обладает большим запасом, вернее, избытком как смелости, решимости и терпения, так и сил физических и интеллектуальных и энергии; независимо от этого он усвоил себе хорошо как эфиопский язык, так и нравы, обычаи и образ жизни эфиопов, совсем не брезгуя ими, и совсем, по-видимому, не тяготится применять таковые на практике и чувствует себя при этом в своей сфере...»

В двадцатых числах октября отряд Булатовича приближался к Аддис-Абебе. 22 октября остановились в урочище Говтано, чтобы наутро с вершины Уочача произвести последние астрономические наблюдения. Люди были бодры и веселы, несмотря на пережитые лишения и голод. Путешествие изобиловало трудностями и опасностями. Оно совпало с периодом дождей. Это время сами «эфиопы признавали невозможным для передвижения. А. К. Булатович отмечал, что люди его Вели себя примерно, никто «никогда не роптал.

На биваке слуги сообщили Булатовичу, что в лесу, в густых зарослях, отдыхает стадо слонов. Булатович вспомнил свою былую удачливость и тотчас же отправился на охоту. С рядовым Капниным и проводником-галласом он неслышно пробирался сквозь чащу. Когда до слона оставалось несколько шагов, Булатович спустил курок. Но винтовка дала осечку. Вспугнутый слон бросился бежать, а за ним и все стадо. И в тот момент прямо на людей вышла слониха со слоненком. Она не повернула за стадом, а пошла в атаку, видимо защищая детеныша. Булатович прицелился ей в голову и выстрелил. Но выстрела не последовало. Злополучное ружье вновь дало осечку. Огромная слониха была уже над Булатовичем, и в это время из-за куста выстрелил Капнин. Слониха свалилась замертво.

О подвиге рядового Капнина Булатович в тот же день сообщил Власову в Аддис-Абебу и просил ходатайствовать о награждении солдата.

24 октября Булатович возвратился в Аддис-Абебу.

Император Менелик выразил желание выслушать доклад Булатовича о его поездке в страну Бегаи-Шенгул и к Голубому Нилу. Власов посоветовал Булатовичу составить

подробную докладную записку о положении дел на западных границах Эфиопии и о мерах, долженствующих быть принятыми для создания на окраинах стойкой, преданной императору армии, на которую он мог бы безо всяких опасений и недоверия опереться в случае серьезной войны. Булатович составил три письма, которые для Менелика были переведены на амхарский язык.

В первом письме Булатович излагал данные, которые свидетельствовали о том, что военное столкновение Эфиопии с Англией неизбежно. Письмо это ничем не напоминает сухую деловую справку. Скорее это страстное, взволнованное послание императору, продиктованное искренней тревогой и болью за судьбу Эфиопии.

«Быть может, – писал Булатович, – у Джанхоя³ есть советники, которые говорят Вам, что Англия не хочет войны с Абиссинией, а ищет мира и мирного согласия с ней. Может быть, эти же советники говорят Джанхою, что Англия стремится только к владению Суданом и, имея в виду торговые выгоды, намеревается построить железную дорогу от Египта до Момбасы.

Так знайте, Джанхой, что эти советники или ничего не понимают, или заведомо лгут, будучи подкуплены английским и итальянским золотом.

Джанхою известно, что Судан есть страна бедная, малонаселенная, маловодная, частью пустынная и обладающая знойным и нездоровым климатом. Джанхою известно также, что завоевание Судана стоило Англии много миллионов рублей. Так неужели же эти миллионы были истрачены только для того, чтобы владеть пустыней, в которой так жарко, что абиссинцы добровольно не согласились бы жить там? Рядом же со знойным Суданом возвышаются чудные эфиопские горы, богатые водой, растительностью, скотом, кофе, медом, хлопком, обладающие чудным климатом в котором могут жить и работать европейцы.

Неужели Англия истратила столько денег и усилий только для того, чтобы из бесплодных суданских степей глядеть на чудные эфиопские горы?..

Англичане утверждают, что строят железную дорогу с целью извлекать из нее торговые выгоды. Спрашивается, каким же образом торговля в пустыне может покрывать 40-миллионный расход по постройке? Спрашивается также, как могут англичане решиться строить такую дорогостоящую железную дорогу в такой близости от границы Эфиопии и частью по самим владениям Джанхоя, не опасаясь того, что при первом столкновении между Англией и Абиссинией Джанхой может немедленно разрушить железную дорогу?

Вероятно, этого Англия не боится потому, что надеется скоро стать хозяйкой Абиссинии...

Мои предположения о враждебных замыслах Англии оправдались бы, вероятно, уже теперь, если бы этому не помешала война с Трансваалем. Но это есть только временная случайная задержка приведения в исполнение английских замыслов. Трансвааль чересчур маленькое государство, чтобы долго бороться против Англии... Как только Англия покончит с Трансваалем, она обратится против Абиссинии, в ожидании же окончания войны постарается поддержать дружбу с Джанхоем. Поэтому весьма вероятно, что находящийся теперь на пути в Аддис-Абебу английский посланец Гаррингтон везет Джанхою самые мирные предложения Англии. Англия, может быть, даже согласится сделать Джанхою уступки, если он предъявит ей свои требования. Может быть, Англия даже согласится дать Джанхою письменное обещание в том, что будет соблюдать неприкосновенность его теперешних границ. Но да не прельстится Джанхой всем этим! Дружеские заверения англичан будут продолжаться только до тех пор, пока Англия не будет готова к войне, и тогда она всегда найдет предлог, чтобы нарушить свои обязательства».

Менелик с большим вниманием изучил письмо. Он и сам много думал обо всем этом. Русский офицер как будто прочел его мысли. Жизнь уже научила Менелика не верить ни англичанам, ни итальянцам, ни французам. Их может остановить только сила. И здесь Булатович прав – война неизбежна.

Император пригласил к себе Булатовича и, выразив ему благодарность за письмо, сказал, что будет хранить его у себя.

³ Джанхой – принятое в Эфиопии обращение к императору.

16 декабря Булатович принес Менелику второе письмо. Император в этот день был утомлен и чем-то раздосадован. Булатович начал читать письмо. Он познакомил Менелика с расположением англичан на его границах и с военными силами противника. Нападение англичан на Эфиопию, по мнению Булатовича, произойдет следующим образом. В начале периода дождей – в июле месяце – английский отряд в несколько тысяч человек подымется на баржах и канонерках Вверх по реке Баро, высадится у устья Габы и беспрепятственно завладеет всем правым берегом Бирбира. Дадыязмач Джотй, имея всего три-четыре тысячи ружей, не сможет оказать англичанам сопротивления. О высадке англичан в земле Джоти Джанхой узнает только через две недели после этого. Начальники соседних областей дадыязмачи Демесье и Тасама получают приказания императора только через месяц после высадки англичан. Следовательно, дадыязмач Демесье сможет подойти к земле Джоти не ранее чем через пять недель, а Тасама – не ранее чем через семь недель после английского нападения. В это время года реки Бирбир и Дабус труднопереходимы, а все удобные для переправы места будут находиться под обстрелом английских пушек.

Император слушал молча, а потом спросил, что же, по мнению Булатовича, надо сделать, чтобы этого не случилось.

– Для начала – переместить резиденцию Демесье в землю Джоти, поближе к границам.

– То, что ты советуешь, чересчур важно. Я сегодня устал и вникнуть не в состоянии. Прочтешь мне это еще раз.

На следующий день Булатович узнал, что император отдал приказ дадыязмачу Демесье явиться в столицу.

2 января император снова пригласил к себе Булатовича. В комнате императора, кроме его личного секретаря Габро Селассие, никого не было.

Булатович вновь стал описывать беззащитность западных границ Эфиопии, делающую для англичан захват земли Джоти очень легким.

– Да разве мы все умерли, что пустим их? – возразил император.

Булатович с присущим ему пылом и страстью принялся доказывать, что при теперешнем положении дел не пустить англичан он не в состоянии. Император обиделся и стал возражать:

– Ничего подобного! У меня там и войск много, которые не пустят англичан, да и сам я немедленно соберу свою армию и пойду в Уоллегу.

Тут Булатович потерял всякую сдержанность и, забыв, что он говорит с императорской особой, возразил, что Менелик не знает не только состояния своих границ, но даже географии, что он спит в то время, как его враги готовятся, и так далее. Если император, узнав о наступлении англичан, немедленно объявит сбор всем своим войскам, то из-за периода дождей солдаты соберутся только к середине сентября и Менелик сможет прийти в Уоллегу не ранее середины октября. Атаковать англичан на их укрепленной позиции без артиллерии невозможно. Может быть, император надеется напасть на англичан врасплох или ночью? Вряд ли это ему удастся. Англичане выставят всюду караулы и окружают лагерь железными сетками. Из-за недостатка продовольствия Менелик не может вести долгой войны с англичанами. Самый большой срок, на который Менелику удастся удержать в сборе все свои войска, – это от одного периода дождей до другого. Но в Уоллеге не хватит продовольствия для двухсоттысячной армии даже на это время. Эфиопы, разорив вконец Уоллегу, продержатся в ней не дольше двух-трех месяцев. Император вынужден будет отступить и к началу дождей распустить свое войско. Что помешает тогда англичанам двинуться к реке Дидессе и занять Уоллегу?

Император слушал эту речь молча. Потом с раздражением прервал Булатовича:

– К чему ты говоришь мне такие устрашающие вещи? Какой же это совет? Говори мне только советы, а это оставь.

Однако тут же Менелик сказал, что уже приказал дадыязмачу Демесье идти со своим войском в землю Джоти.

Далее Булатович заявил, что эфиопские войска должны в самое ближайшее время занять долину реки Баро и запереть реку выше Насира, занятого англичанами. Наблюдательный пункт человек в тридцать-пятьдесят нужно выдвинуть к самому Насиру, чтобы наблюдать за действиями англичан. Реку же необходимо перегородить минами, взрывающимися с берега. Это позволит задержать наступление англичан месяца на два. Далее, нужно устроить телеграфное

сообщение между Аддис-Абебой и западными страницами.

Менелик ответил, что он согласен устроить телеграф, но где взять его теперь и кто это сделает? Кроме того, телеграф слишком дорог, часто портится и требует охраны линии. – А почему бы императору не воспользоваться световым телеграфом? – посоветовал Булатович. – Между Аддис-Абебой, Лало и Гори потребуется установить всего десять аппаратов. Каждый аппарат с провозом обойдется в четыреста талеров. Телеграфистов можно нанять за пятьдесят талеров. Они должны будут научить эфиопов телеграфному делу, и через год число европейцев-телеграфистов может быть уменьшено вдвое. Устройство такого телеграфа займет не более двух месяцев.

Императору понравилась эта идея. Согласился он и с тем, что через реки Дидессу, Гибье, Добану, Бирбир и Дабус необходимо построить мосты, а в землях Джоти и Уоллеге устроить склады продовольствия и патронов.

– Приняв эти оборонительные меры, – продолжал Булатович, – вы лишите англичан возможности выполнить их теперешний замысел легкого завоевания Эфиопии.

Для этого они должны будут прибегнуть к другим, более сложным способам, построить железную дорогу, увеличить численность войска – одним словом, затратить гораздо больше средств и сил на это. Тем не менее англичане не откажутся от раз задуманного дела и рано или поздно приступят к его выполнению. Поэтому Джанхой не должен ограничиваться одними оборонительными мерами.

Если около вашего дома заведется леопард и будет по ночам таскать баранов, то защититесь ли вы от него тем, что забьете его лазейку и возвысите забор? На следующую ночь разве он не проделает новую? Если вы хотите от него избавиться, надо найти его логово и убить его там. Так точно и с англичанами. Сколько вы ни укрепляйте границ, вы не будете обеспечены до тех пор, пока не поразите их в их логовище – Судане.

Император прервал Булатовича и осторожно заметил, что Судан чересчур далеко.

– Что сегодня далеко, завтра становится близким, – возразил Булатович. – С Хараром без телефона тоже в один день не переговоришь и железа голыми руками не выкуешь. Приспособившись, и Судан завоевать нетрудно.

– Если англичан там не будет, Судан завоевать очень легко.

– Но вы можете воспользоваться сейчас удобным случаем. Руки англичан связаны в Трансваале. Потребуйте от них очистить Насир и Фамаку, и в случае отказа пригрозите двинуться на Судан.

На это император ничего не ответил. Видимо, он предпочитал выждать и основательней подготовиться к войне с Англией.

Теперь Булатовичу предстояло убедить императора в самом главном – в необходимости коренным образом перестроить армию. По утверждению императора, его армия насчитывает триста тысяч человек. Но собственная армия Менелика состоит всего из шестидесяти тысяч. Остальные двести сорок тысяч – войска отдельных военачальников. Существование таких войск и есть главное зло абиссинской армии. Солдаты этих войск не считают себя защитниками престола и отечества, а признают себя за личных слуг своих военачальников. Они даже не клянутся именем Менелика, а клянутся именами своих господ. Поэтому император может полагаться на эти войска только до тех пор, пока ему верны их начальники.

Император опять рассердился. Видимо, ему было неприятно даже предположение, что на своих военачальников он не вполне может положиться. Но Булатович понял, что император рассердился именно потому, что сам понимает всю справедливость сказанного.

– Большая часть солдат отдельных властителей, – продолжал Булатович, – в особенности в пограничных областях, состоит из галласов и негров. Это даже не солдаты, а носильщики ружей, так как стрелять они не умеют. Я сам видел однажды, как три таких молодца удирали со своими ружьями от одного туземца, гнавшегося за ними с копьем. Видел я также, как два таких солдата выстрелили в стоявшего перед ними на коленях и умолявшего о пощаде негра и как оба промахнулись. До негра было не более пятнадцати шагов. Я советовал бы императору сократить численность частных войск отдельных начальников, запретив им иметь более определенного каждому числа собственных слуг.

Император согласился, что это было бы разумно. Булатович посоветовал также Менелику

отнять у начальников право раздавать чины и награды и присвоить это право исключительно себе. А то в Эфиопии благодаря щедрости военачальников больше офицеров, чем солдат.

Императору эта мысль очень понравилась, и он сказал, что так и сделает.

Уменьшив число солдат частных войск, император, по мнению Булатовича, этим самым увеличит число своих собственных войск, так как оставшиеся без начальника солдаты пойдут на службу к Менелику. Необходимо также постепенно обособить управление областями от командования войсками. Начальник области пусть собирает подати, вершит суд и расправу и снабжает войска продовольствием. Войском же должен управлять военачальник.

Менелик ответил, что он уже пытается это осуществить, хотя и встречает всеобщее неудовольствие начальников. Но в те области, где начальник умер или уволен в отставку, он уже назначает двух начальников – области и войска.

Император спросил, каково мнение Булатовича относительно создания в Эфиопии регулярной армии. На это Булатович ответил:

– Под вашей властью находится более миллиона галласских и негрских семей. Эти семьи многодетны. Если вы будете брать с каждой пятидесяти семей по одному молодцу ежегодно в солдаты, то через десять лет можно набрать двухсоттысячную армию.

И Булатович предложил императору подробный план формирования, обучения и снаряжения этой армии.

Сразу поняв все значение предлагаемого Булатовичем плана, Менелик поблагодарил его и добавил:

– Твои советы исходят от сердца.

Очень подробная, умная и обстоятельная докладная записка Булатовича всесторонне рассматривала и анализировала многие аспекты жизни и быта народов, населявших западные приграничные области Эфиопии, их строй, общественный уклад, настроения и тенденции дальнейшего развития, что в данной политической ситуации было очень существенно для обороны, а в дальнейшем сыграло большую роль для укрепления внутреннего положения и консолидации страны.

Менелик оценил искренность Булатовича и его преданность интересам Эфиопии.

Аудиенция была окончена. Подошло к концу и третье путешествие Булатовича по Эфиопии.

В архивах остались не только докладные записки и донесения Булатовича из западных областей. Из сохранившихся в архиве Всесоюзного географического общества материалов видно, что он сделал более восьмидесяти наблюдений для определения астрономических пунктов между Аддис-Абебой и Фазогли, очевидно, с целью картографирования этой местности, если судить по находящимся там же наброскам карт и бетлым заметкам, их дополняющим. Как и прежде, во время путешествия он вел географические и этнографические исследования, которые, видимо, бесследно исчезли вместе со всеми бумагами после его смерти. Правда, Булатович так и не успел их оформить по возвращении в Петербург в его судьбе произошел крутой поворот.

Вернуться в Россию А. К. Булатович намеревался через Судан и Египет. «Я хотел бы на обратном пути возвратиться через Судан, – писал Булатович в Петербург, – причем моей тайной мыслью было расследовать, насколько императору Менелику возможно было бы вести с его теперешней армией наступательные действия против англичан». Но английский резидент в Египте, а фактически полный хозяин страны, лорд Кромер поначалу наотрез отказался дать разрешение на проезд, мотивируя это «неустройством края». Однако истинная причина была иной: представитель Англии в Аддис-Абебе Гаррингтон «уже давно указывал на штаб-ротмистра Булатовича как на человека очень энергичного и знающего, которого англичанам следует остерегаться». Вполне понятно, что им не хотелось впускать в Судан этого умного, опытного и наблюдательного путешественника, который мог обратить собранные им сведения на пользу Эфиопии. Лишь под нажимом русского генерального консула в Каире Т. С. Кояндера лорд Кромер был вынужден дать согласие на проезд А. К. Булатовича через Судан. Но было уже поздно. Он отправился на родину прежним путем, намереваясь посетить Иерусалим, а затем Иран и Курдистан. Однако поездка в обе эти страны была ему запрещена военным министром А. Н. Куропаткиным.

В феврале 1900 года Булатович возвращался в Россию. «Покидая Абиссинию, – писал он А. Н. Куропаткину, – я выношу убеждение, что в данную минуту русскому офицеру в Абиссинии мало дела. Мы понадобится, когда возникнет война с Англией или станет очевидно неминуемой. Теперь же император Менелик, может быть, даже стесняется нашим присутствием, зная, что оно раздражает англичан. Осмеливаюсь выразить вашему превосходительству, что меня лично тянет туда, где русскому офицеру есть деятельность действительная...».

Пребывание Булатовича на родине оказалось недолгим. В начале мая 1900 года он возвратился в Петербург, а 23 июня того же года по личному указанию Николая II его направляют в Порт-Артур в распоряжение командующего войсками Квантунской области «для прикомандирования к одной из кавалерийских или казачьих частей, действующих в Китае».

В архивах пока не обнаружено никаких документов, на основании которых можно было бы заключить, чем было вызвано новое назначение. Не осталось писем Булатовича, в которых он объяснял бы причины своего поспешного выезда в Китай после тяжелого путешествия по Эфиопии. Можно только предполагать, что указание царя последовало за личной просьбой Булатовича направить его в Китай, где в это время вспыхнуло восстание ихэтуаней, направленное против эксплуататоров-феодалов, против китайских верхов, которые отдавали страну в руки империалистических держав, и против произвола представителей последних. На знамени восставших был изображен сжатый кулак, поэтому в Европе это восстание именовалось боксерским. В его подавлении наряду с войсками Японии, Англии, Франции и Германии, хотя и не в такой степени, принимали участие военные подразделения, посланные царским правительством.

А. К. Булатович был прикомандирован к Хайларскому отряду, которым командовал генерал Н. А. Орлов и который двигался на восток вдоль строящейся железной дороги. И здесь А. К. Булатович вновь проявил бесстрашие и энергию, участвуя в сражениях и командуя конными разведчиками.

Как мы узнаем из воспоминаний М. К. Орбелиани, к концу похода в Китай Булатович заразился от освобожденного им из плена французского миссионера тифом и тяжело болел. Для поправки едоровья его отправили в Японию. Пароход попал в сильный шторм. Булатович неосторожно вышел на палубу и простудил свои больные глаза. С тех пор воспаления глаз преследовали его до конца жизни.

А. К. Булатович, 1902 г.

По завершении военных действий, 8 июня 1901 года, А. К. Булатович возвращается в свой

полк. Через месяц он был назначен сначала временно, а потом постоянно командовать пятым эскадром. 44 апреля 1902 года его производят в ротмистры. Он награжден орденами Анны 2-й степени с мечами и Владимира 4-й степени с мечами и бантом, а 21 августа 1902 года последовало разрешение дринять и носить пожалованный ему французским правительством орден Почетного легиона. Тогда же по первому разряду он кончает ускоренный курс 1-го Военного Павловского училища.

Блестящая военная карьера ожидала умного, талантливого и отважного гвардейского офицера. Но после возвращения из Китая жизненный путь Булатовича круто меняется. Его последний отрезок – полтора десятилетия – еще далеко не ясен. Более или менее отчетливо проступают лишь отдельные эпизоды и даты, да и те были установлены лишь в последние годы. Остается только надеяться, что дальнейшие розыски увенчаются успехом и мы сможем получить более полное и ясное представление об этом необычном человеке.

18 декабря 1902 года А. К. Булатович сдает командование эскадром и с 27 января 1903 года «по семейным обстоятельствам» увольняется в запас. С военной карьерой было покончено. Булатович решил постричься в монахи.

Не только весь светский Петербург был изумлен. Даже самые близкие друзья Булатовича не понимали, чем был вызван его поступок.

Мы можем только гадать об этом.

По одним рассказам, да и по собственным признаниям, он, человек глубоко религиозный, честный, добрый, ищущий, подпал под влияние известного тогда проповедника и мистика настоятеля Кронштадтского собора Иоанна. По другой версии, его угнетали неразделенные чувства к дочери командира полка князя Васильчикова.

Несомненно, большую роль сыграли непосредственные впечатления, вынесенные с полей сражений, кровавые жестокости войны. Сказалась и неудовлетворенность окружающей средой. Но именно эта среда и воспитание ограничили его протест бегством за высокие стены монастыря.

Видимо, правильно говорить о сумме всех этих причин, приведших Булатовича в монастырь. Более точного ответа дать пока невозможно.

А. К. Булатович перед поступлением в монашество со своим воспитанником Васькой

Он уволился в отставку 30 марта 1906 года «по прошению» и стал послушником Важеозерской Никифоро-Геннадиевской пустыни за Невской заставой, а затем, по совету Иоанна Кронштадского, уехал в Грецию, на «святую гору» Афон, где в 1907 году принял схиму. Вместе с ним, видимо под влиянием командира, постриглось шесть солдат его эскадрона. «Монашескую республику» образовали двадцать монастырей, среди которых были русские – монастырь святого Пантелеймона и скит святого Андрея. В этом скиту и поселился отец Антоний – так назывался теперь Булатович. Началась новая жизнь – замкнутая, безмолвная, одинокая. Отец Антоний всецело был аанят своим «подвигом». По его собственному признанию, он не знал, что делается на белом свете, ибо абсолютно никаких журналов и газет не читал. В 1910 году его «рукоположили в иеромонахи», а в самом начале 1911 года отец Антоний отправляется в четвертый и последний раз в Эфиопию.

Сам он писал, что предпринял эту поездку, чтобы повидаться со своим воспитанником Васькой, по которому очень скучал. Три года назад Ваську пришлось с оказией отправить на родину. Возвращаясь в Россию из второго путешествия по Эфиопии, Булатович забрал Ваську с собой, крестил, обучил русскому языку и заботился об его образовании. По свидетельству М. К. Орбелиани, это был «добрый, кроткий и несчастный мальчик», очень страдавший от своего увечья. Уйдя в монастырь, А. К. Булатович взял его к себе послушником. Но сверстники постоянно насмехались над ним. В конце концов Иоанн Кронштадтский посоветовал отправить мальчика на родину. И вот теперь отец Антоний, «желая его повидать и преподать ему причастия святых тайн», на год уезжает в Эфиопию.

Чем он там занимался, кроме «преподания святых тайн», установить удалось совсем недавно из донесения поверенного в делах в Эфиопии Б. Чемерзина в министерство

иностранных дел от 15 декабря 1911 года. Оказывается, не только заботы о спасении души Васьки влекли отца Антония в Эфиопию.

В это время тяжело и долго болел негус Менелик. Он совершенно не показывался на официальных церемониях и никого не принимал сам, что послужило даже причиной распространения слухов о его смерти, якобы скрываемой придворными кругами. Пользуясь своими давними связями и расположением к нему негуса, отец Антоний добился не только приема, но даже разрешения «лечить» больного. Отслужив молебен, Антоний кропил и растирал тело императора святой водой и елеем, прикладывал чудотворные иконы, но никакого улучшения в состоянии здоровья Менелика, разумеется, не достиг. В результате, замечает не без скрытой иронии Б. Чемерзин, было лишь установлено, что император жив и что все слухи о подмене давно скончавшегося будто бы Джанхоя похожим на него человеком абсолютно ложны.

Но основной целью предпринятого путешествия было намерение учредить в Эфиопии русскую православную духовную миссию и Афонское подворье. На острове озера Шале (в трех днях пути к югу от столицы) Булатович хотел основать монастырь со школой, где получали бы начальное образование дети местных жителей. Средства предполагалось собрать путем добровольных пожертвований, причем большую часть собирался внести он сам. Однако непрактичность в подобных делах, отсутствие сочувствия к задуманному предприятию как в Эфиопии, так и на Афоне воспрепятствовали его осуществлению. 8 декабря 1911 года Булатович навсегда покидает Эфиопию, «увозя с собой одни надежды и ни одного положительного обещания со стороны власти имущих», как выразился Б. Чемерзин.

К сожалению, только этим пока и ограничивается наша осведомленность о последнем – четвертом – посещении русским путешественником Эфиопии. Почти все документы периода правления Менелика II погибли во время войны с Италией в 1936 году. Что же касается бумаг русского посольства, то они были переданы в 1919 году царскими дипломатами на «сохранение» в посольство Франции и в 1936 году перевезены в Париж, где сгорели вместе с некоторыми другими архивами в июне 1940 года.

Через месяц отец Антоний возвращается на Афон и попадает в водоворот весьма бурных событий, вновь круто повернувших его дальнейшую судьбу.

В марте 1913 года в газетах появилось сенсационное известие на Афоне взбунтовались русские монахи.

Что же произошло в тихой обители удалившихся от мирской суеты людей?

Вот уже несколько лет среди монахов длился спор, начало которому положила книга иеросхимника Иллариона «На горах Кавказа». Эта книга выдержала три издания и была широко распространена по монастырям. Она содержала положение, которое официальная церковь во главе с Синодом и высшим духовенством сочла «еретическим»: «Имя господ Иисуса Христа есть сам он, господь бог». Вокруг этого положения и развернулись ожесточенные споры.

Книга отца Иллариона особенно пришлась по сердцу инокам-простецам. Зато монахи-интеллигенты отнеслись к книге враждебно, усмотрев в размышлениях отца Иллариона «еретическое мудрствование». Один из монахов-интеллигентов, отец Хрисанф, написал рецензию на книгу. «Как же это имя может быть богом, когда Иисусов было много? – вопрошал отец Хрисанф. – Имя Иисус – просто человеческое имя».

Сторонники Иллариона приводили многочисленные тексты из священного писания, где говорилось, что «имя божие есть сам бог». А «раз так, говорили они, то и имя Иисус Христос – бог».

В основе этого сугубо схоластического и догматического опора лежали давние противоречия, восходящие еще к средневековью, ко временам Абельяра, – противоречия между двумя философскими направлениями – реалистами и номиналистами. А начало опору положили еще «перипатетики» и «академики» – ученики Платона и Аристотеля. Проблема заключалась в том, насколько реальны общие понятия – идеи, имена и т. п., существуют ли они вне и независимо от сознания и могут ли быть им постигнуты или же реальны только отдельные предметы, а универсалии, то есть обобщение представлений об этих предметах, – только имена, не существующие сами по себе. Словом, это был давний опор между идеализмом

и материализмом, привнесенный в недра православной церкви и вылившийся в диспут между «имяславцами» (идеалистами) и «имяборцами» (рационалистами).

Причины же этой внезапной вспышки на Афоне многовекового спора были отнюдь не схоластические, а сугубо земные.

Иноки-престцы, то есть монахи, вышедшие из низов, были недовольны существовавшими в церковном управлении порядками и ненавидели монахов-интеллигентов, которые возглавляли бюрократический церковный аппарат. И под лозунгами «имяславства» престцы взбунтовались. Произошло то, что нередко бывает в истории те, кто требовал коренной ломки существующих порядков и протестовал против социального неравенства и угнетения, были вооружены ретроградным мировоззрением.

Отец Антоний достал на сторону престцов и защищал их позиции, как и все в своей жизни, с темпераментом и фанатизмом.

Он пишет статьи и прокламации, шлет их в Одессу и в Петербург и делает это с энергией, достойной лучшего применения.

Игумен Иероним выразил недовольство тем, что Антоний возглавил «имяславцев». «Имяборцы», поддерживаемые Иеронимом, вели себя довольно развязно. Сам Иероним писал на бумажке имя «Иисус» и топтал ее ногами, приговаривая:

– Вот вам и бог.

А когда же Антоний принес игумену солидную рукопись «Аполотия веры во имя божие» и попросил благословения отпечатать ее, отец Иероним перестал сдерживать гнев:

– У вас тут настоящий салат напичкан. Лучше бросьте в печь и сожгите.

Отца Антония эти слова так озадачили, что он воскликнул:

– Да вы и вправду еретик!

В тот же день, 25 июля 1912 года, отец Антоний должен был покинуть скит.

Все второе полугодие в скиту кипели страсти. Отец Антоний поселился в Благовещенской келье и, углубившись в творение «отцов церкви», неустанно продолжал свои догматические, схоластические изыскания в защиту «имя Иисусова» и литературную полемику. Примерно в то время видел его посетивший Афон Н. А. Семенов, который спустя двенадцать лет издал брошюру о событиях того времени. Вот как он описывает отца Антония: «Среднего роста с большим лбом и лысиной, с несколько опущенной головой, рассеянным взглядом, он в то же время производил впечатление человека несомненно ненормального. Когда в церкви во время богослужения он вместо с другими священниками вышел из царских врат и должен был по счету третьим сказать несколько слов монахам, он с опущенной головой стоял в забытьи до тех пор, пока под смех присутствовавших монахов не был разбужен одергиванием сзади стоящего священника. Это было в первый день рождества – 25 декабря 1912». Но Булатович не был ненормальным. Он был фанатиком, одержимым, полностью поглощенным схоластическими спорами. Об этом говорят многие его последующие поступки.

К концу 1912 и к началу 1913 года противоречия между враждующими сторонами ожесточились настолько, что монахи от слов перешли к делу.

Игумен Иероним созвал на собор старшую братию и предложил ей осудить бунтовщиков. Но внезапно собор превратился в суд над самим Иеронимом. «Имяславцы» предъявили ему ряд обвинений, в том числе в неправославии. Братия дружно потребовала, чтобы он отказался от игуменства.

Иероним, естественно, добровольно не изъявил желания отказаться от доходного и видного поста. Тогда братия объявила его низложенным и приступила к выборам нового игумена. Им стал архимандрит Давид.

Как только отец Иероним был низложен, братия пожелала немедленно возвратить в скит отца Антония. Он уже собирался к отъезду в Афины, прибыл на пристань и несколько дней ожидал парохода на Салоники. Но на море была такая буря, что пароходы не могли войти в бухту. Наконец 9 января на исходе дня на горизонте показался дымок парохода. Однако тут как раз прибыл монах и передал отцу Антонию всеобщую просьбу братии возвратиться в обитель и не оставлять товарищей в трудные минуты.

На следующее утро отец Антоний отправился в Андреевский скит, откуда совсем недавно был изгнан. У ворот его встречала вся братия. Монахи приветствовали Булатовича, целовали

ему руки. И тут же поведали, что отец Иероним не согласился со своим низложением и обратился за помощью к русскому генеральному консулу в Салониках и в Ватопед.

И вот 12 января отец Антоний и монах Константин с сонмищем «имяславцев» явились в покои Иеронима. Булатович прочитал бумагу, присланную из Ватопеда, где смена игумена была признана законной, и обратился к Иерониму:

– Отказываетесь ли вы от власти добровольно?

Отец Иероним не пожелал слушать отца Антония, который распоряжался в чужом монастыре.

Булатович еще дважды предложил Иерониму отказаться от власти и получил самый решительный отпор.

О том, что произошло дальше, пишет сам Булатович:

«Итак, «во имя отца и сына и святого духа – ура!» – и я сделал движение по направлению к игуменскому столу, но в тот же момент был окружен имяборцами, причем два атлета... схватили меня руками за шею, один спереди, другой сзади, и начали душить. Иероним в это же мгновение протянулся через стол и нанес мне сильный удар в левое плечо. Братия-исповедники сначала опешили... но потом, увидев, что я окружен и что меня душат, бросились выручать... и, освободив меня, потащили (противников) из игуменской кельи. На других иеронимцев мое «ура!» произвело ошеломляющее впечатление... Иероним продолжал восседать на своем игуменском кресле, окруженный все еще густой толпой своих сторонников. Итак, что же? Имяборческая позиция нами не взята... И я снова с криком «ура!» ринулся в атаку и снова был встречен ударами; но снова из коридора подоспели защитники и снова выволокли тех, которые били меня, и снова опустела келья, и снова я остался один. И снова я пошел на «ура», и снова был встречен ударами, и снова выручила братия».

Другой очевидец этого сражения, монах Николай Протопопов, так напишет об этих событиях: «Был великий бой с обеих сторон. Сперва кулаками, а потом один другого давай таскать за волосы. Это было чудное зрелище! Внизу руки, ноги, туловища, а сверху виднелась одна шерсть (т. е. волосы). И начали вытаскивать (иеронимовцев) из этой кучи по одному человеку в коридор, где братия стояла в две шеренги, получая добычу и провожая (иеронимовцев) кого за волосы, кого под бока и с приговором, кого за что бьют, чтобы он знал. Таким образом провожали до лестницы, а по лестнице спускали кто как угодил одни шли вниз головой; другие спускались ногами книзу, а затылком считали ступеньки... Провожали их до самой соборной площадки, а там с честью брали под руки и выводили за порту (ворота)». Вообще драки в Афонских монастырях были не в диковинку. Монахи издавна прибегали к такому способу «вышибания ереси» и выяснения отношений. Но в Андреевском скиту был подлинный бунт. Отец Антоний, вспомнив былые годы, одержал блистательную победу. Отец Иероним и семнадцать его приверженцев «под руки» были выведены за ворота монастыря. Под монашеской рясой отца Антония продолжал таиться неукротимый дух боевого офицера.

Пока в скиту еще шла потасовка, греки побежали к губернатору и сообщили ему, что в скиту бунт с убитыми и ранеными. Губернатор немедленно выслал для усмирения монахов роту греческих солдат.

Когда солдаты прибыли в скит, их встретила тишина. Настал час вечерней молитвы, и братия, покончив с земными делами, вновь обретала душевный покой. Лишь столяры исправляли в кельях имяборцев поломанные двери.

22 января из Константинополя прибыл в Андреевский скит вице-консул Щербина. Это был безусый юноша, но он был уверен, что перед ним еретики, и проявлял суровость. Иноков, собравшихся его встретить, он назвал «драчунами», «бунтовщиками» и потребовал объяснений, на каком основании был свергнут игумен.

Братия кротко ответствовала, что Ватопедский монастырь признал законным низложение Иеронима, и показала в подтверждение своих слов бумагу.

Щербина не стал ее читать, ибо она была написана по-гречески, и заявил, что документ подложный.

Пришлось позвать в скит ватопедского эпитропа отца Аркадия, дабы он подтвердил; что на бумаге – печать Ватопедского монастыря. Но, к изумлению всех иноков, отец Аркадий заявил, что монастырь никакой бумаги в скит не посылал и вообще не признает законным

низложение отца Иеронима.

Такой поворот Ватонедда во взглядах на события в Андреевском скиту объясняется довольно просто. Ватопед узнал, что русское посольство в Константинополе расценивает события в Андреевском скиту как бунт, и, не желая ссориться с русскими властями, предпочел переменить отношение к потасовке братии. Имяславцев объявили еретиками и бунтовщиками.

Планы Синода были определены послать на Афон военную экспедицию со штыками и кандалами.

Русский посол в Константинополе Гирс поддерживал имяборцев и очень благоволил к отцу Иерониму. Через Щербину он потребовал от Булатовича подписку о немедленном выезде с Афона. Булатович ответил, что подписки никакой не даст, но против выезда с Афона ничего не имеет и «выедет на одном из ближайших пароходов».

К бунтовщикам же были применены репрессии. Гирс потребовал, чтобы братия приняла Иеронима обратно. Но скит отказался возвратить на игуменство «еретика», и посол распорядился, чтобы русская почта прекратила выдавать скиту денежную корреспонденцию и направляла ее экс-игумену отцу Иерониму.

Греческим береговым властям Гирс приказал не выдавать Андреевскому скиту его собственной провизии, которая хранилась в складах на берегу моря.

Началась блокада Андреевского скита. Бунтовщиков хотели взять измором.

13 февраля Булатович навсегда покинул Святую гору.

Скандал на Афоне получил широкую отласку, и с января 1913 года в газетах то и дело появлялись сообщения о взбунтовавшихся монахах и об их главаре. Почти два года имя Булатовича не сходило со страниц газет. О нем сообщали разные небылицы, его рисовали ярым бунтовщиком с громадными кулаками, хотя на самом деле он был мал ростом и слаб. Писали, что он женат на эфиопке, и в конце концов с трибуны Государственной думы он был назван «экспроприатором».

Именно тогда в приложении к «Русскому слову» – еженедельнике «Искры» – в номере 9 за 1914 год на первых двух полосах появились фотографии Александра Ксаверьевича «с подписями, которые были использованы почти дословно И. Ильфом и Е. Петровым в «Двенадцати стульях» для начала вставного рассказа о «гусаре-схимнике» графе Алексее Буланове».

Так рождалась вторая легенда о Булатовиче – легенда о гусаре-схимнике, бунтовщике.

На протяжении двух десятилетий Булатович дважды был в центре внимания отечественной и зарубежной прессы, с тем чтобы потом быть совершенно «забытым».

В Константинополе русские власти хотели арестовать А. К. Булатовича. Но ему удалось тайно сесть на греческий пароход.

По приезду в Одессу, к изумлению А. К. Булатовича, к нему явилась полиция и подвергла его обыску не увез ли он с собой миллионы Андреевского скита? С этого времени полиция не спускала с отца Антония недреманных очей.

С большим трудом добрался А. К. Булатович до Петербурга и поселился в родном подворье. И здесь его ожидали «новые волнения и новые скорби». Газета «Русское слово» писала 12(25) марта 1913 года, что на заседании Синода обсуждался вопрос об изыскании мер для воздействия на монаха Афонского монастыря Антония Булатовича, который способствовал возникновению беспорядков на Святой горе. «Узнав о моем прибытии, – жалуется А. К. Булатович, – меня не только не пожелали выслушать в Синоде, но немедленно явился благочинный монастырей и потребовал, что я дал подписку о немедленном выезде из столицы, куда я якобы не имел права приезжать...»

Именно тогда появилось в газетах сообщение о «загадочном исчезновении иеромонаха». Это «сообщение ввело в заблуждение некоторых нынешних журналистов 1913 год они стали считать последним годом жизни А. К. Булатовича.

Но иеромонах не исчез. Если газеты на какое-то время утерали его след, то полиция и духовные власти зорко следили за каждым шагом отца Антония.

Он живет в Петербурге у своей сестры М. К. Орбелиани на 9-й Рождественской улице в доме № 39. И в документах полиции появляется «совершенно секретная справка» о М. К. Орбелиани и ее муже.

Отец Антоний, взяв на себя роль защитника имяславцев в России, развивает бурную деятельность пишет полемические статьи и брошюры, рассылает письма приверженцам имяславия, рекомендует им быть стойкими и не поддаваться противникам. Об этом мы тоже узнаем из документов полиции. Одно из таких писем, адресованное в Одессу Николаю Абрамовичу Курлову для Сергея Борисова, было ею перехвачено и скопировано.

7 июня 1913 года А. К. Булатович приехал в Сумы, о чем Херсонское жандармское управление поторопилось донести в Петербург.

В Сумах теперь жила мать. Во время революции 1905 года крестьяне сожгли в Луцыковке помещичий дом, и Евгения Андреевна бежала в Сумы.

Александр Ксаверьевич наезжал то в Петербург, то в Москву, где Московская синодальная контора должна была рассмотреть дело об «имяславской ереси» и вынести о ней решение. В списке «монахов-имябожников, являющихся вождями ереси и наиболее упорными ее сторонниками», в котором перечислено 26 человек, имя А. К. Булатовича стояло первым. Он был духовным вождем «еретиков» священный Синод в своем послании от 18 мая 1913 года торжественно осудил книгу отца Антония «Апология веры во имя божие».

8 июля сдался Андреевский скит. 14 июля на пароходе «Херсон» в Одессу были доставлены под конвоем 616 «бунтовщиков» с Афона, а 23 июля – еще 212 человек. 36 монахов сразу же препроводили в тюрьму – их считали главными зачинщиками бунта. Вся пристань была оцеплена солдатами. Монахам отрезали бороды и укорачивали рясы, а затем высылали на родину под надзор полиции. А. К. Булатович усилил свою полемику с Синодом. Он направляет туда отпечатанное и размноженное типографским способом прошение по поводу осуждения Синодом его книги «Апология веры во имя божие». Синод не отвечал на возражения, изложенные в этом – прошении.

18 марта 1914 года А. К. Булатович пишет пространное письмо Николаю II, в котором возражает против решения Синода отдать под церковный суд в Московской синодальной конторе главных имяславцев, оспаривая его право на это. «Синод наталкивает Россию на бедствия», – утверждал А. К. Булатович и заключал, что «считает себя невинным в тех бедствиях, которые могут произойти от непризнания божества имени божия».

В Петербурге назревал скандал. В Думу уже был внесен запрос, а это явно не устраивало царское правительство, отнюдь не стремившееся к широкой огласке нравов и порядков, царивших в монастырях. Царь переслал 15 апреля 1914 года из Ливадии записку обер-прокурору Синода «В этот праздник праздников (в пасху.) ...душа моя скорбит об афонских иноках, у которых отнята радость приобщения святых тайн и утешение пребывания в храме. Забудем распрю... суд следует отменить и всех иноков... разместить по монастырям, возратить им монашеский сан и разрешить им священнослужение». Дело о «черном бунте» на Афоне было прекращено. Московская синодальная контора, а затем и Синод ограничились «пастырскими» внушениями и наставлениями. Указом Синода от 10 (24) мая 1914 года отец Антоний был назначен на жительство в Покровский монастырь в Москве. Но А. К. Булатович не сложил оружия. Он не считал полемику оконченной. Бывший гвардейский ротмистр и в монашестве оставался борцом. Он жаждал открытого патриаршего суда над монахами, обвинявшимися в ереси. Распоряжения Синода – еще не суд. Имяславцам не дали слова, их не пожелали выслушать, а дело замяли. Да и поведение русского посольства в Турции еще не получило должной оценки, в особенности пятимесячная блокада Андреевского скита.

И А. К. Булатович продолжает яростно отстаивать свои убеждения»

Большую часть времени он проводил теперь в своей келье в Луцыковке. Больные глаза не выносили солнечного света, и отец Антоний почти не выходил из темного жилища. Он продолжал писать, защищать «правду имяславцев». Иногда он наезжал в Петербург, где по обыкновению останавливался у сестры. По ночам он вслепую на пишущей машинке печатал свои статьи и обращения. Сюда наведывались к нему единомышленники. Он писал историю афонского бунта, где со страстью, присущей ему, разоблачал и архиепископа Антония Вольнского, и посла Гирса.

Несмотря на годы, проведенные в монастырской келье, несмотря на искреннее стремление подчинить себя всем нормам христианского смирения и кротости, в отце Антонии продолжал жить гусарский офицер. Это отметил посетивший А. К. Булатовича в Луцыковке А. Панкратов,

большая статья которого об этой встрече была опубликована в газете «Русское слово».

«Десять лет монашества, думал я, несомненно, заставили его переоценить все ценности гусарского ротмистра... Было интересно узнать, как монах Булатович относится к войне.

– Я и сейчас готов броситься в бой, – ответил он.

– Неужели? – удивился я.

– Минута боя – самый благородный, святой момент. Нет выше этого момента. Разве бывают тогда у человека злоба, расчеты, лукавство, сребролюбие и другие пороки?.. Святы войны оборонительные. Они – божье дело. В них проявляются и чудеса храбрости. В войнах наступательных таких чудес мало...

Он говорил о войне как о причастии, когда бывает светло и радостно...

Казалось, что вместо скуфьи на голове схимника надета легендарная красная шапка. Из-под тяжести догматических споров глядело на меня веселое лицо гвардейского офицера».

И гвардейский офицер победил. Как только была объявлена война, А. К. Булатович тотчас же покидает Луцыковку. 21 августа он уже в Сумах, а оттуда направляется в Москву и Петербург. Он подает ходатайство «о разрешении... посвятить себя на обслуживание духовных нужд христоролюбивых воинов». Ходатайство это было удовлетворено. Отец Антоний назначается священником в 16-й передовой отряд Красного Креста. Отряд был сформирован в сентябре 1914 года в Петрограде и 5 октября отправлен на Западный фронт. До декабря он дислоцировался в Петраковокой губернии в Польше, где велась тогда позиционная война, а затем был направлен в треугольник, образованный реками Вислой и Нидой. Грязь, ужасающие дороги, порою непрерывный обстрел и неиссякающий поток раненых – таковы были условия, в которых работал персонал отряда.

В марте 1915 года отец Антоний был уже в Карпатах. Условия здесь были еще тяжелее, чем в Польше. Его прикомандировали к 10-му Новоингерманландскому полку 3-й стрелковой дивизии. И первые же недели пребывания в боевой части возродили дух боевого офицера. «За самоотверженную деятельность под огнем неприятеля» – как говорят, он в решительный момент поднял солдат в стремительную атаку – на него был заполнен наградной лист – представление к боевому ордену Владимира 3-й степени с мечами. К сожалению, розыски этого документа пока успехом не увенчались.

Напряженный труд и лишения не прошли даром на два месяца болезнь вывела А. К. Булатовича из строя. В июле он возвращается в полк и в боях под Сопоквичком в конце сентября вновь руководит атакой, за что на сей раз командование ходатайствует о награждении его наперсным крестом на Георгиевской ленте.

Но здоровье все ухудшается. И А. К. Булатович вынужден уехать в отпуск в Петроград: «Не могу скрыть от вас, – пишет он в ноябре 1916 года начальнику 16-го Санитарного отряда, – что здоровье мое после перенесенного в Карпатах возвратного тифа совершенно расстроилось, не говоря уже о глазах, но и деятельность сердца ослабела, и ревматизм лишает возможности переносить так холод и сырость, как в былые времена...»

Но все эти недуги не мешают ему усиленно заниматься «богословско-догматическими делами по спору... за имя господне между афонскими иконами и некоторыми иерархами, к которым присоединился Синод».

Он печатает в газетах и журналах полемические статьи, обличая представителей официальной церкви.

В мае 1917 года он принимает участие во всероссийском съезде духовенства и мирян и в отряд более не возвращается. Жил он обычно в это время у своей сестры М. К. Орбелиани в Петрограде, а иногда наезжал в Луцыковку.

Сестра провожала его на Варшавском вокзале. Поезд, поданный к перрону, был набит солдатами. Не долго думая, отец Антоний подбирает рясу и со сноровкой бывшего кавалериста, несмотря на свои годы, прыгает в окно вагона. Таким видела его в последний раз М. К. Орбелиани.

В феврале 1918 года А. К. Булатович обращается к патриарху Тихону и в Синод с просьбой разрешить ему удалиться на покой в Покровский монастырь, назначенный ему прежде, так как положение его «совершенно бедственное». Прощение было удовлетворено, но без права священнослужения, вероятно из-за «еретических» убеждений просителя, в которых

он продолжал упорствовать. Но в монастыре отец Антоний оставался, очевидно, недолго быть может, тяжелое продовольственное положение в Москве, а возможно, и иные соображения, например желание быть поближе к матери, побуждают его отправиться в Луцыковку. В последний раз.

Очень мало известно о последнем годе жизни А. К. Булатовича. Как встретил он крушение старого мира и установление народовластия – мы не знаем. Достоверно лишь одно не обнаружено ни одного документа, ни одного свидетельства, говорящего о том, что А. К. Булатович выражал бы неприязненное отношение к великим событиям Октября семнадцатого года. Но они не могли не сказаться на формах его борьбы с враждебными ему догмами официальной церкви, по-прежнему олицетворяемой Синодом и патриархом Тихоном, которому он 21 ноября 1918 года подал заявление о том, что, «исповедуя боголепное почитание имени господня и не соглашаясь почитать его только относительно, как ...ныне требует церковная власть», он отлагается «от всякого духовного общения с нею, впредь до разбора дела по существу священным Синодом».

Но разбирать «дело по существу» Синоду не довелось. Время явно не благоприятствовало схоластическодогматическим препирательствам, если даже за ними скрывались и более глубокие разногласия.

А в ночь с 5 на 6 декабря 1919 года в маленькую келью отца Антония, которую он выстроил в саду Луцыковской усадьбы, ворвались бандиты. Они были далеки и от политической борьбы тех лет, и от богословских споров. Ими руководила лишь корысть в домике сына помещицы грабители надеялись на богатую добычу.

Утром крестьяне нашли отца Антония на пороге кельи. Он был убит. Комната хранила следы торопливых и жадных поисков. Наспех собранные бумаги А. К. Булатовича передали в местную церковь. Когда ее закрыли, все они пропали бесследно.

На местном сельском кладбище находится скромная могила этого выдающегося путешественника и далеко не обычного человека.

Недавно силами местных краеведов могила была приведена в порядок установлены ограда и временный памятник, который должен быть заменен постоянным – мраморным. Но лучший памятник А. К. Булатовичу – его труды. Со временем их значение становится все очевиднее. Это незаменимый источник знаний, которые никакие другие источники восполнить не могут.

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор Н. Н. Водинская

Младший редактор К. А. Недорезова

Художник А. А. Озеревская

Художественный редактор Э. Л. Эрман

Технический редактор М. В. Погоскина

Корректоры К. Н. Драгуноваи, А. И. Киселева

Редакционная коллегия К. В. Малаховский (председатель), А. В. Давидсон, Н. В. Зубков, Г. Г. Котовский, Н. А. Симония

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

Сдано в набор 15/III 1974 г. Подписано к печати 20/VIII 1974 г. А-09487. Формат 84 х 108/32. Бум. № 2. Печ. л. 6,0 + 0,25 п. л. вкл. Усл. п. л. 10,5. Уч. – изд. л. 10,72. Тираж 30 000 экз. Изд. № 2959. Зак. № 1001. Цена 65 коп. Тип. изд-ва «Коммунар», г. Тула, ул. Ф. Энгельса, 150. Москва, Центр, Армянский пер., 2. 192 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»)

К 20901-151 35–74

013 (02) – 75